

Алла Градинарова

СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ: ПОЗИЦИЯ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ

0. Особенности порядка слов в предложении, как известно, тесно связаны с типологическими характеристиками того или иного языка. Так, синтетизм или аналитизм языкового строя задает определенную степень свободы или несвободы словорасположения.

Являясь языком синтетического строя, русский язык характеризуется относительной свободой порядка слов. Мера этой свободы, неодинаковая для различных письменных и разговорных стилей, обусловлена иерархическим распределением выполняемых словопорядком функций (актуальное членение высказывания, кодирование определенной синтаксической позиции, выражение эмоционально-экспрессивных смыслов, ритмизация речи и др.). Например, если в письменных стилях доминантной функцией порядка слов является теморематическое членение информации, то в бытовой устной речи эта функция словопорядка уже не доминирует, поскольку при разговоре выделение неравноценных в коммуникативном плане речевых отрезков осуществляется преимущественно интонацией. С этим фактом связана бóльшая свобода словопорядка в разговорных стилях по сравнению со стилями письменными.

Система болгарского словорасположения формируется в соответствии с теми структурными ограничениями, которые связаны с одной из фундаментальных характеристик болгарского языка – его именным аналитизмом. Невозможность выражения синтаксических отношений посредством падежных флексий существительных имеет своим следствием увеличение грамматической значимости и уменьшение степени свободы болгарского словопорядка.

В настоящей работе мы сопоставим отдельные русские и болгарские схемы расположения прямого дополнения относительно сказуемого в невопросительных предложениях. Целью этих сопоставлений будет обнаружение сходств и различий в линейном следовании компонентов русских и болгарских синтаксических групп, включающих сказуемое и прямое дополнение. Лингвистическое объяснение существующих различий также входит в задачи исследования.

1. В стилистически нейтральной русской речи прямое дополнение, выраженное именем существительным, располагается в составе ремы после сказуемого. Если дополнение выражено личным местоимением, оно нормативно как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к сказуемому: *В конце концов она // потеряла **дорогу** и не нашла **ее** – все под ногами слилось в одной движущейся неразберихе* (В.Распутин, Живи и помни); *А художник // молчал и **его** не видел* (Е.Попов, Полярная звезда).

В болгарском языке, в соответствии с кодифицированной нормой, прямое дополнение, выраженное именем существительным, занимает позицию непосредственно за сказуемым [Георгиева 1974: 42; Грамматика 1994: 275]: *Леха латинки красеше **входа**, по чишто стъпъла прецьфтелият трендафил беше изронил **листата си*** (Е.Станев, Крадецът на праскови); *Усещам как онова*

познато до втръсване чувство за тежост обгръща **сърцето ми** (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта). Эта позиция маркирует именную словоформу как прямой объект и обеспечивает ее отграничение от субъектной словоформы в позиции подлежащего. Позиционная закрепленность подлежащего и прямого дополнения считается самым ярким проявлением грамматической функции порядка слов в болгарском языке [Георгиева 1974: 42].

Если болгарское прямое дополнение выражено краткой формой личного местоимения¹, то оно может быть как постпозитивным, так и препозитивным по отношению к сказуемому. Е.Георгиева связывает препозицию краткой формы местоимения с появлением в предложении подлежащего [там же: 43], что не дает точного представления о правилах употребления препозитивной клитики. В действительности, условием постпозиции краткого местоимения является начальная позиция управляющей неаналитической и неотрицательной формы глагола-сказуемого, а основным условием препозиции клитики является не наличие в предложении подлежащего, а отсутствие описанного условия ее постпозиции.

В следующих примерах из романа Д.Димова «Тютюн» и повести Е.Станева «Крадецът на праскови» винительный падеж краткого местоимения используется в бесподлежащих предложениях. Ср. его постпозицию в предложении с начальной простой неотрицательной формой сказуемого: *Задържаше го до последната минута...* и препозицию в предложениях с начальной глагольной формой с отрицанием, начальной аналитической глагольной формой, а также в предложениях с неначальным сказуемым: «*Не ги слушайте!..*» – *заяви татко Пиер*; «*Иди утре в града и вземи старите ботуши на мъжа ми. Ще ги донесеш тук, но никой не бива да знае това. Искам да ги дам на един бос човек*»; «*Знаеш ли как ги третират? По-добре да паднеш убит на бойното поле, отколкото да те вземат роб!*»; *После я чух да крещи с разтреперан глас.*

Наличие же в предложении подлежащего вообще не является условием препозиции клитики. См. ее размещение после сказуемого в составе темы в предложении с рематическим подлежащим: *Озадачи го // само обстоятелството, че всичко беше станало тъй светкавично бързо* (Д.Димов, Тютюн). Ср. также в следующих за прямой речью словах автора с препозитивным по отношению к подлежащему, начальным сказуемым: «*Тогава обърнете се към директора*» – *посъветва го тя разсеяно* (Д.Димов, Тютюн).

Препозиция краткого местоимения по отношению к управляющему глаголу, по мнению Е.Георгиевой, может быть следствием стремления энклитик продвинуться к началу предложения [Георгиева 1974: 43].

Важной особенностью болгарского дополнения, выраженного краткой формой местоимения, является его *контактная* позиция относительно сказуемого. Болгарский язык входит в группу языков, в которых действует запрет на дистантное расположение глагола и клитики (цепочки клитик). В отдельных исследованиях, однако, содержатся примеры нарушения этого запрета. Так, случаи разъединения местоименной клитики и глагола ударным наречием отмечаются в поэтических и, шире, художественных текстах [Димитрова 1990], а также в современной публицистике [Шанова 2006]. Дистантность глагола и местоименной клитики фиксируется и в народных говорах [Цыхун 1966]. Ср. в народной речи XIX века: *И там го съд не отсъди, а той го назад повърна...* (Син кара баща си на съд – Н.Геров, Песнопойче

(1860) – Сенки из невиделица. Книга на българската народна балада. Варна: LiterNet, 2005).

В современном болгарском литературном языке контактное размещение глагола и местоименной клитики, тем не менее, нормативно, а отклонения от стандартного словоупотребления вносят в речь элементы поэтичности или просторечия: *Като я заведе в пещерата, змят я вече има за жена* (Змейове, змеици – Д.Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи); *Със своето съжаление аз го още повече унижавам, па унижавам и себе си* (Н.Райнов, Сиромах Лазар).

Что касается болгарского прямого дополнения, выраженного полной формой личного местоимения, то его употребление связано с определенными условиями актуализации. Так, оно нормативно в фокусе ремы: *«Ние сме ударили ↓него» – дрезгаво произнесе Макс* (Д.Димов, Тютюн); *Кларнети прозвучаха пак в душата му и той видя ↓нея – другата Мария* (Й.Йовков, Песента на колелетата). При тематизации в разговорной речи, находясь в фокусе темы, оно дублируется краткой местоименной формой: *В България има пет човека, които могат да си позволят да си купуват картини. И тях всеки ги знае* (из интервью с И.Марковским); *«Аз пък зная, че тебе не са те арестували по политически причини...»* (Я.Язова, Соления залив).

Таким образом, для выраженных личными местоимениями прямых дополнений, использующихся в стилистически нейтральных русских текстах, функциональными соответствиями служат болгарские дополнения, представленные краткими местоименными формами. Выбор позиций для кратких местоимений регулируется строгими правилами расположения клитик. Размещение же русских местоименных форм более свободно. Поэтому наряду с контекстами, где русские и болгарские местоимения расположены одинаково (ср., например: *Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало*. М.Булгаков, Мастер и Маргарита – *Берлиоз жално се озърна – не проумяваше какво го бе уплашило*. М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой), имеются контексты, в условиях которых русские местоимения занимают позиции, невозможные для болгарских клитик. Приведем в качестве иллюстраций тексты переводов с русского языка на болгарский: *Но даже и они судили его не слишком строго* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *Но даже и те не го съдеха твърде строго* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц); *На этот раз его просьбу удовлетворяют, но только отчасти: его посылают на Сараки...* (Стругацкие, Жук в муравейнике) – *Този път удовлетворяват неговата молба, но само отчасти: изпращат го на Сараки...* (Стругацки, Бръмбар в мравуняка, перевод М.Асадурова).

В русском языке контактное расположение сказуемого и выраженного личным местоимением прямого дополнения не является обязательным. Очень часто, особенно в контекстах с разговорной окраской, между управляющим глаголом и местоимением в функции прямого дополнения располагаются другие члены предложения – обстоятельства образа действия, места, времени, подлежащее. Ср. русские предложения с их переводом на болгарский язык: *Впрочем, все это меня мало касалось* (Стругацкие, Жук в муравейнике) – *Впрочем всичко това малко ме засягаше* (Стругацки, Бръмбар в мравуняка, перевод М.Асадурова); *Закидай помоложе, я его рвотным камнем спасла* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *Закидай е по-млад, та го спасих с лек за повръщане* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц); *Он вас там встретит* (Стругацкие, Жук в муравейнике) – *Той ще ви посрещне там*

(Стругацки, Брѣмбар в мравуняка, перевод М.Асадурова); ...*a третий смотрит и, когда его потом спросят*, – *расскажет* (Стругацкие, Пикник на обочине) – ...*a третият гледа и когато после го питат*, *разказва* (Стругацки, Пикник край пътя, перевод М.Асадурова); *Я его до сегодняшнего дня вообще не примечал* (там же) – *До ден днешен не бях го забелязал* (там же); *Схватили мы его за руки* (там же) – *Хванахме го за ръцете* (там же).

Разделить управляющий глагол и местоименную клитику в винительном падеже может только другая клитика, например вопросительная частица *ли*: *Видяхте ли го моя син?* (Е.Пелин, Напаст Божия). Согласно правилу, по которому при одновременном использовании кратких форм винительного и дательного падежей личного местоимения форма дательного падежа всегда предшествует форме винительного [Грамматика 1994: 275], в предложениях с начальной неаналитической и неотрицательной формой сказуемого клитика в дательном падеже оказывается между сказуемым и клитикой в винительном: *Тя се появи с табла, на която бе сложила храната. Подаде му я* (Е.Станев, Крадецът на праскови). При препозиции клитик по отношению к сказуемому контакт между ним и прямым дополнением не нарушен: «*Ще му го кажете ли?*» – *попита Прайбиш с известно съмнение* (Д.Димов, Тютюн).

В русском языке расположение местоименных форм дательного и винительного падежа относительно друг друга не закреплено строгим правилом: *Он покупал – теперь уже за свои – фрукты писательнице и носил ей их раз в неделю, по субботам* (Г.Щербакова, Моление о Еве); ...*изменить всю внешнюю политику, как мы излагали ему ее на последней встрече в Завидово* (А.Проханов, Господин Гексоген); *Я посолил кусок хлеба и протянул его ей, но она оттолкнула его* (Л.Добычин, Город Эн); *Еще подумала: отдам его им, а с кем останусь сама?* (В.Войнович, Монументальная пропаганда); *Толстая аккуратно ей его бросила, и та так же аккуратно его поймала* (В.Месяц, Лечение электричеством); *Им не нужно твое припрятываемое, но ты его им отдай* (В.Маканин, Стол, покрытый сукном и с графином посередине).

Закономерности словоупотребления наблюдаются в русском языке в тех случаях, когда косвенное дополнение обозначает лицо и выражено местоимением, а прямое дополнение называет предмет. При этих условиях дательный падеж косвенного дополнения размещается непосредственно после управляющего глагола и предшествует прямому дополнению [Розенталь 1998]: *Стараясь не смотреть на нее, он протянул ей конверт* (Ю.Герман, Дорогой мой человек).

В болгарском языке описанные условия также позволяют аналогичный порядок слов. Ср. контексты с косвенным дополнением, выраженным неопределенным местоимением: «...*още не съм чула някой някъде да е подарил някому втората си риза*» (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – «...*я още не слыхала, чтоб кто-то подарил кому-то свою вторую рубашку*» (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко).

2. Вернемся к правилу, в соответствии с которым болгарское прямое дополнение, выраженное существительным, размещается непосредственно за сказуемым [Георгиева 1974: 42; Грамматика 1994: 275]. Это правило сформулировано относительно стилистически нейтральной письменной речи. Но даже для этой функциональной сферы оно далеко не всегда соблюдается. Е.Георгиева, автор цитируемой в данной статье книги и посвященного порядку слов раздела в академической болгарской грамматике [Грамматика 1994], отмечает, что при одновременном использовании прямого и двух косвенных

дополнений в соответствии с нормой за сказуемым следует одно из косвенных дополнений, за ним располагается прямое и далее – второе косвенное: *Някои запазени в град Дубровник търговски тештери и лични завещания дават на обществото ценни сведения за София* [Георгиева 1974: 45]. В примере, приведенном Е.Георгиевой, второе косвенное дополнение (в другой интерпретации – несогласованное определение) подчинено прямому дополнению, а не непосредственно сказуемому. Поэтому данный пример служит лишь иллюстрацией того факта, что в нейтральной болгарской речи выраженное существительным косвенное дополнение может следовать непосредственно за сказуемым и предшествовать прямому дополнению.

Многочисленные случаи неконтактного расположения сказуемого и прямого дополнения, не связанные с условиями речевой актуализации, усугубляют сомнения относительно существования в болгарском языке строгого правила о контактной постпозиции прямого дополнения относительно сказуемого.

В связи с нормативным для болгарского языка размещением обстоятельства образа действия после сказуемого это обстоятельство особенно часто занимает в составе ремы позицию между сказуемым и прямым дополнением. В русском языке в подобных контекстах контактное расположение сказуемого и прямого дополнения сохраняется вследствие стандартной препозиции обстоятельства образа действия по отношению к сказуемому. Ср.: *Борислав // произнася бавно съответния адрес* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – *Борислав // медленно выговаривает адрес* (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко); *Доротея // огледа предпазливо обстановката* (П.Вежинов, Барьерата) – *Доротея // опасливо огледела комната* (П.Вежинов, Барьер, перевод М.Тарасовой).

В русских текстах при нейтральном словопорядке из двух зависимых от сказуемого падежных форм непосредственно за ним следует та, которая, оказавшись в конечной позиции, вопреки коммуникативным намерениям автора речи могла бы быть воспринята как самостоятельная рема [Грамматика 1980]. В связи с этой закономерностью пространственные словоформы (локатив, латив, элатив, трасса), например, часто располагаются сразу после сказуемого, а прямое дополнение следует за ними. Размещение пространственных словоформ после прямого дополнения могло бы привести к их рематизации. Ср.: *Босталоева // сложила в чемодан два запасных платья, ведомость потребных стройматериалов и оборудования, белье...* (А.Платонов, Ювенильное море) и *Босталоева сложила два запасных платья // в чемодан...*

В стилистически нейтральных болгарских текстах пространственные словоформы также часто оказываются в позиции после глагола и перед прямым дополнением. Ср.: *Надявах се да видя тук един познат...* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – *Я надеялся встретить тут одного знакомого...* (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко); *Наистина преди години често взимах в колата си случайни хора* (П.Вежинов, В един есенен ден по шосето) – *Раньше я часто брал в машину случайных попутчиков* (П.Вежинов, Однажды осенним днем на шоссе, перевод Р.Белло); *Само при един поглед на Сеймур жената изважда от шкафа бутылка уиски, шише минерална вода и чаши* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – *Достаточно одного взгляда Сеймура, и она уже достает из шкафа виски, бутылку воды и стаканы* (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко). См. также в переводах с русского: *Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар...* (М.Булгаков, Мастер

и Маргарита) – *Непознатият тутакси извади от джоба си табакера...* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Позицию между переходным глаголом и прямым дополнением могут занимать и другие болгарские обстоятельственные компоненты, в частности обстоятельства времени, которые, по замечанию Е.Георгиевой, характеризуются относительной свободой расположения и не имеют в предложении закрепленной за ними позиции [Георгиева 1974: 83-84]: *Южна Корея изпрати вчера танкер, натоварен с 6,2 хил. тона петрол за Северна Корея* (газ. Сега).

Вместе с тем, некоторые схемы словорасположения, возможные в русском языке при определенных условиях актуализации, в болгарском языке допустимы лишь в случаях стилизации текста. Так, действующие в русском языке механизмы топикизации могут привести к размещению подлежащего между сказуемым в инициальной позиции и прямым дополнением: *Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, // очень черными красками* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита). В болгарском переводе сказуемое и прямое дополнение контактны: *Бездомни беше обрисувал главното действащо лице в поемата, тоест Иисус, // с много тъмни краски* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой). Ср., однако, размещение болгарского подлежащего между сказуемым и прямым дополнением при стилизации под народный эпос: *Залюбил е млади Камен Цена хубавица* (И.Вазов, Грамада).

3. Остановимся подробнее на некоторых случаях коммуникативно обусловленного изменения нейтрального порядка слов в предложениях с прямым дополнением.

В русских текстах очень широко распространено явление топикизации прямого дополнения. При топикизации прямое дополнение вычленяется из рематической группы сказуемого и выносится в абсолютное начало предложения в позицию темы: *Данную в штабе подписку Марютка // держала крепко* (Б.Лавренев, Сорок первый). Ср. исходную структуру: *Марютка // крепко держала данную в штабе подписку*. Далее мы будем использовать понятие *топик* по отношению к прямому дополнению, оказавшемуся в инициальной позиции не только в результате его вынесения из состава ремы исходной конструкции, но и вследствие перестановок в составе темы.

Топикизация прямого дополнения возможна и в болгарском языке, однако сфера ее использования ограничена рамками разговорной речи. В жанрах художественной литературы конструкции с вынесенным в начальную позицию тематическим дополнением передают характерные черты устного общения или являются особенностью стиля писателя: *«Тая история за двете ризи // я слушаме вече две хиляди години»* (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта); *Кафето той // сам си го прави в стъклена колба...* (Б.Райнов, Умирай само в краен случай); *[И наистина, случило се е нещо невероятно:] всесилните самоковски бейове, които пет пари не дават за султанските фермани, Чакъра // ги стряска* (Н.Хайтов, Чакър войвода).

Приведенные примеры показывают, что топикизация дополнения в болгарском языке обычно сопровождается его дублированием краткой формой личного местоимения. Винительный падеж клитики указывает на позицию объекта и устраняет возможность неразличения подлежащего и прямого дополнения.

Отсутствие дублирующей местоименной клитики, по мнению Е.Георгиевой, является показателем использования прямого дополнения в

составе ремы [Георгиева 1974: 75] (см. об этом ниже). Нам, однако, придется добавить, что вынесение прямого дополнения в позицию темы и превращение его в топик возможно и без участия дублирующей клитики: *Памида // изтърсваха небрежно в каци и кошове, // а кехлибареножълтия болгар и мискета, покрит със синкав прах, // нареждаха грижливо в плитки сандъчета...* (Д.Димов, Тютюн); *Влажните бали поставяха // в горните етажи, // а сухите // – в долните или в избата* (там же); *Тази щипка трева скитникът // е откъснал близо край камъшите на утайника* (Й.Радичков, Змийски сняг).

Очевидно, отсутствие в наших примерах клитики связано с желанием писателя избежать стилистической окраски разговорности, характерной для конструкций с дублирующим дополнением кратким личным местоимением.

Особенно интересны контексты, в которых маркером позиции прямого дополнения является возвратно-притяжательное местоимение. Доступная нам литература по болгаристике не содержит упоминаний об использовании этого местоимения в роли маркера определенной синтаксической позиции. Нам также не удалось найти указаний на то, что болгарское возвратно-притяжательное местоимение в полной и краткой форме (*свой* и *си*) не способно употребляться при именах в позиции подлежащего². Тем не менее, в отличие от прилагательного *собствен*, возвратно-притяжательные *свой* и *си* при имени в этой позиции не используются: *Собствената риза е най-близо до гърба*; **Своята риза е най-близо до гърба*; **Ризата си е най-близо до гърба*. Ср. русское *Своя рубашка ближе к телу*.

Невозможность употребления возвратно-притяжательного местоимения при подлежащем превращает его в маркер неноминативных позиций. Очевидно, с этим связано отсутствие дублирующей дополнения личной клитики в следующем болгарском переводе русского предложения: *Чай он всегда пил // с легким отвращением* (В.Пелевин, Желтая стрела) – *Чая си той винаги пиеше // с леко отвращение* (В.Пелевин, Жълтата стрела, перевод И.Попова). Ср. также: *Дипломите си ще получат // 138 офицери и студенти, обучавани в 7 акредитирани специалности* (официальный сайт Министерства обороны Болгарии – md.government.bg); *Запитванията си можете да направите // на електронната поща...* (сайт фирмы Stefi99 Ltd. – pani-na.biz); *Подаръците си ще вземат // на 25 декември в детския коледен град* (информационный сайт news.bg) и под.

Обратим внимание на то, что в использованном иллюстративном материале дополнения, занимающие начальную позицию, выражены словоформами, которые имеют определенный референциальный статус, – именами в членной форме (словоформами с определенным постпозитивным артиклем) и существительными с предшествующим указательным местоимением. Именно референтность таких дополнений позволяет дублировать их кратким личным местоимением. Другими словами, дублирующая клитика может сопровождать только прямое дополнение, являющееся в предложении «данным».

Можно было бы предположить, что невозможность продублировать клитикой дополнение, выраженное нереперентным именем, затрудняет его тематизацию в текстах переводов с русского. Так, в следующих примерах тематическое прямое дополнение оригинала в болгарском переводе заменено рематическим: «...а *соцстрах* можете за меня не платить» (И.Ильф и Е.Петров, Двенадцать стульев) – «*Може да не ми плащате социални*

осигуровки» (И.Илф и Е.Петров, Дванайсетте стола, перевод Т.Баловой); [*Тя шевелила губами, считая петли.*] *Недоумения не выказывала* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – [*Тя мърдаше устни – броеше примките.*] *Не изрази никакво недоумение* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц).

Необходимо отметить, однако, два обстоятельства. Во-первых, в болгарском языке грамматически допустима тематизация прямого дополнения, выраженного нереперентным именем. Так, в следующем примере нечленная именная форма дополнения находится в позиции топика: [*Остава едно портиерско място.*] *Заплата // на първо време, разбира се, не мога да ви обеща* (Б.Райнов, Умирай само в краен случай). Ср. также использование конструкции с неначальным тематическим прямым дополнением в переводе с русского: «*Я чужого // в жизни не возьму*» (В.Пелевин, Желтая стрела) – «*Аз чужди неща // през живота си не съм взимала*» (В.Пелевин, Жълтата стрела, перевод И.Попова)³.

Во-вторых, тексты переводов с русского языка на болгарский дают многочисленные примеры замены русского тематического прямого дополнения болгарским тематическим и в тех случаях, когда дополнение представлено референтной именной группой и, следовательно, при переводе может быть использовано предложение с дублирующей клитикой, т.е. та структура, которая ясно разграничивает позиции подлежащего и прямого дополнения. Тем не менее, вместо использования стилистически маркированной конструкции переводчик изменяет коммуникативное членение оригинала: *Эту поэму Иван Николаевич // сочинил, и в очень короткий срок...* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Иван Николаевич // беше написал поемата, и то в много кратък срок...* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); *Этого свиста Маргарита // не услышала* (там же) – *Маргарита // не чу това изсвирване* (там же); *Барона // обступили со всех сторон* (В.Пелевин, Чапаев и пустота) – *Обкръжиха барона от всички страни* (В.Пелевин, Чапаев и пустотата, перевод Б.Пенчева); «*Прядку-то // подбери, стыдно*» (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – «*Прибери тоз кичур, срамота*» (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц).

Заметим, что довольно часто в стремлении сохранить коммуникативное членение оригинала переводчик выбирает конструкцию, которая позволяет участника, выраженного в русском предложении тематическим прямым дополнением, представить в позиции подлежащего. Из таких конструкций особо выделим распространенный в болгарском языке пассив. Ср.: *Серый берет он // лихо заломил на ухо* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Сивата му барета // беше накривена предизвикателно над ухото* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Сопоставление оригинальных русских текстов с их переводом на болгарский язык оказывается достаточно информативным. Так, нежелание переводчика использовать болгарскую конструкцию с местоименной клитикой, дублирующей тематическое прямое дополнение, является доказательством стилистической окрашенности этой структуры. Замена русского предложения с прямым дополнением в начальной позиции болгарской конструкцией пассива свидетельствует о функциональной эквивалентности этих построений.

Что касается болгарских структур с начальным тематическим прямым дополнением без дублирующей клитики и без возвратно-притяжательного местоимения (независимо от того, может быть использована клитика или нет, т.е. независимо от референтности или нереперентности дополнения), то их

фиксации в переводах с русского единичны. Последнее говорит о том, что названные конструкции отнюдь не относятся к числу типичных для болгарского литературного языка построений. Начальное тематическое прямое дополнение без дополнительных маркеров синтаксической позиции может быть принято за подлежащее, поэтому подобные структуры не могут получить в письменных текстах широкого распространения. В современной устной речи они, однако, нередки, и этот факт нашел отражение в болгарской лингвистической литературе [Ангелова 1988].

Очевидно, среди этих конструкций шанс на «выживание» в письменной речи имеют построения с некоторым набором семантических и грамматических признаков, позволяющих отличить подлежащее от прямого дополнения. В качестве примера приведем предложения с начальным прямым дополнением в составе темы и тематическим подлежащим, в которых интересующие нас позиции занимают именные группы, различающиеся по согласовательным категориям. Из этих именных групп как подлежащее воспринимается то, которое согласуется со сказуемым: *Изборите тук спечели // Иван Кардамов...* (С.Цанев, Мравки и богове). Ср. также в переводе: *Такие штуки может отколоть // любой профессионал-гипнотизер средней силы...* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Такива номера може да прави // всеки средно способен професионалист хипнотизатор...* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

В русском языке очень распространены так называемые безличные конструкции с прямым дополнением в позиции топика: *Фургон // отбросило в сторону по касательной, закрутило и перевернуло резким борцовским рывком вверх колесами* (А.Логинов, Мираж).

В болгарских текстах подобные бесподлежащие построения неупотребительны. Их закреплению и распространению в языке препятствует тот факт, что при отсутствии в составе глагольной формы однозначного маркера безличности инициальная беспредложная форма имени идентифицируется как подлежащее. В переводах с русского языка такие конструкции заменяются личными предложениями, в которых участник, выраженный русским прямым дополнением, занимает позицию подлежащего: *Грозу // унесло без следа* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Бурята // отмина безследно* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); *Плащ Воланда // вздуло над головами всей кавалькады* (там же) – *Наметалото на Воланд // се изду над главите на цялата кавалкада* (там же). Ср. также замену болгарским пассивом русской безличной конструкции с тематическим прямым дополнением в неначальной позиции: *Вдруг горизонт // залило нестерпимо ярким светом* (В.Пелевин, Чапаев и пустота) – *В този момент пустинята // бе заляна от нетърпимо ярка светлина* (В.Пелевин, Чапаев и пустотата, перевод Б.Пенчева).

Русские безличные модальные конструкции с начальным прямым дополнением в составе темы также не имеют аналогичных соответствий в болгарском языке. Одним из функциональных эквивалентов этих структур является болгарский пассив. Ср.: *Этого установить // не удалось* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Те // не можеха да бъдат установени* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); «...*ее* из Зоны выносить // нельзя» (Стругацкие, Пикник на обочине) – «...*тя* // не бива да се изнася от Зона» (Стругацки, Пикник край пътя, перевод М.Асадурова).

Проблематична для болгарского языка тематизация занимающей позицию прямого дополнения *да*-конструкции. В русском же языке нефинитные

клаузы, функционально эквивалентные болгарской *да*-конструкции, легко занимают позицию темы. Ср.: *...оправившись после сабельного ранения, вновь брать в руки оружие он // не пожелал* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *...подир възстановяването си от сабленото ранение // не пожелала повече да хване оръжие* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц).

4. Ударное прямое дополнение, располагающееся в составе ремы перед сказуемым, характерно для разговорных русских конструкций. Эти конструкции, тем не менее, широко употребительны в художественных текстах.

Аналогичные построения частотны и в болгарской разговорной речи, причем препозиция ударного прямого дополнения по отношению к сказуемому не связана с референтным статусом именной группы в роли дополнения. Ср.: *«Аз // прасето си бях загубил нощес»* (Й.Радичков, Свирепостно настроение); *«Така ще го направя, че // кокалите си няма да събере»* (там же); *«А насреца // два портрета съм си окачил»* Вен.Ерофеев, Валпургиева нощ., перевод И.Тотоманова (в оригинале: *«А напротив – // висят два портрета»* Вен.Ерофеев, Валпургиева нощ...); *«...ако си слушал “Мор”, значи // и нея си я слушал»* В.Пелевин, Омон Ра, перевод И.Попова (в оригинале: *«...если “Мор” слышал, то ее // тоже слышал»* В.Пелевин, Омон Ра).

В болгарских художественных текстах эти структуры, однако, не имеют широкого распространения, что связано, очевидно, с их яркой разговорностью и невозможностью передать в письменной речи интонационную маркированность дополнения. В исследованных нами переводах русское препозитивное прямое дополнение последовательно заменяется болгарским постпозитивным: *«...оттого, что я в храме // яблоки просыпала»* (Б.Акунин, Пелагия и белый бульдог) – *...задето в храма // бутнах ябълките* (Б.Акунин, Пелагия и белият булдог, перевод С.Бранц); *[Но этого всего ему мало показалось,] возмечтал он // некую особую, прежде еще не бывалую породу вывести* (там же) – *[Но всичко това му беше малко,] той забленува // да създаде някаква особена, небивала досега порода* (там же); *Сначала // какой-то трактор показали...* (В.Пелевин, Синий фонарь) – *Отначало // показали някакъв трактор...* (В.Пелевин, Синият Фенер, перевод Б.Станчева).

Аналогичной перестановке компонентов подвергаются при переводе и русские предложения с расположенным в составе ремы перед сказуемым неударным прямым дополнением: *А бригадир // документы посмотрел и говорит...* (В.Пелевин, Желтая стрела) – *А бригадирът // погледна документите му и казва...* (В.Пелевин, Жълтата стрела, перевод И.Попова); *«...а мужичок // сумку бросил – и бежать»* (Е.Лукин, В стране заходящего солнца) – *«...а човекът // хвърли чантата – и беж»* (Е.Лукин, В страната на залязващото слънце, перевод И.Попова).

Для русских отрицательных, неопределенных и указательных местоимений-существительных, употребляющихся в составе ремы в функции прямого дополнения, обычным является расположение перед сказуемым. В болгарских нейтральных конструкциях местоимения-существительные указанных разрядов нормативно постпозитивны по отношению к сказуемому, причем отрицательные местоимения интонационно выделены, в отличие от русских, обыкновенно неударных. Ср.: *И изведнъж ми се стори странно, че досега не бях чул нищо за него* (П.Вежинов, В един есенен ден по шосето) – *И мне показалось странным, что я до сих пор ничего о нем не знал и не слышал* (П.Вежинов, Однажды осенним днем на шоссе, перевод Р.Белло); *Омир не разказва нищо за по-сетнешната съдба на героя* (Т.Жечев, Митът за Одисей) –

Гомер *ничего* не рассказывает о дальнейшей судьбе Одиссея (Т.Жечев, Миф об Одиссее, перевод Е.Фалькович); «В нашей стране атеизм *никого* не удивляет», – дипломатически вежливо сказал Берлиоз (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – «В нашата страна атеизмът не учудва *никого*» – каза с дипломатическа учтивост Берлиоз (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой); След като сложите *нещо* отгоре си (Б.Райнов, Денят не си личи по заранта) – После того как вы на себя *что-нибудь* набросите (Б.Райнов, Утро – еще не день, перевод С.Никоненко); Тя, изглежда, разбра *това* (П.Вежинов, Барьерата) – Она, похоже, *это* поняла (П.Вежинов, Барьер, перевод М.Тарасовой).

5. И в русских и в болгарских экспрессивных конструкциях прямое дополнение может выступать в качестве препозитивной ремы. Ср.: «[Я теперь что надо вспомнил.] *Адрес* // вспомнил» (М.Успенский, Чугунный всадник) – «[Сега си спомних каквото трябва.] *Адреса си* // спомних (М.Успенски, Чугуненият ездач, перевод И.Попова); «[Нет, вы не ослушались, – учтиво ответил Берлиоз, –] *именно это* // я и говорил» (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – «[Не, не грешите – учтиво отвърна Берлиоз, –] *тъкмо това* // каза» (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Разговорная речь является основной сферой функционирования болгарских структур с прямым дополнением в функции препозитивной ремы. Сравнительно редко встречающиеся в художественной прозе, эти конструкции, однако, характерны для стиля отдельных писателей. См., например, у Й.Радичкова в рассказе «Змийски сняг»: *Кротост и смирение* // излъчваше гробището, [само дивата шипка по края стърчеше предизвикателно с алениите си плодове]; *Само удавено* // не ядат скитащите кучета.

Как видно из приведенных примеров, использование болгарского прямого дополнения в роли препозитивной ремы экспрессивных предложений не связано с референтностью или нереферентностью являющейся дополнением именной группы. Прямое дополнение в подобных предложениях не дублируется краткой формой личного местоимения.

6. Правила болгарского порядка слов изучены, на наш взгляд, недостаточно. Некоторые установленные для письменной нейтральной речи нормы не подтверждаются существующей языковой практикой. Так, кодифицированная контактность сказуемого и прямого дополнения реально нарушается многими обычными для нейтральной болгарской речи схемами словорасположения.

Предстоит более детально описать грамматические функции болгарского возвратно-притяжательного местоимения *свой/си*, в частности исследовать возможности его использования в качестве маркера неноминативных позиций.

Размещение прямого дополнения в русских и болгарских конструкциях регулируется общими закономерностями, действие которых в болгарском языке ограничивается его именным аналитизмом.

Несоответствия в расположении русских и болгарских прямых дополнений наблюдаются в случае их выражения личными местоимениями. Строгие правила размещения болгарских клитик контрастируют с более свободным расположением русских местоименных форм.

Имеются расхождения в линейном следовании компонентов отдельных русских и болгарских схем словопорядка. Так, русская нейтральная последовательность «обстоятельство образа действия + сказуемое + прямое

дополнение» не совпадает с нейтральной болгарской «сказуемое + обстоятельство образа действия + прямое дополнение».

В сравнении с русским в болгарском языке сфера использования конструкций с прямым дополнением, вынесенным в позицию темы, очень ограничена. Обычные для болгарской разговорной речи, эти структуры не являются предпочтительными для письменных стилей.

Именной анализ, препятствующий топикализации прямого дополнения в письменной нейтральной речи, является причиной отсутствия в болгарском языке безличных конструкций с тематическим прямым дополнением, то есть таких построений, которые в русском языке широко распространены.

Расположение болгарского прямого дополнения в составе постпозитивной ремы перед сказуемым связано с интонационной маркированностью дополнения. Конструкции с таким словоупотреблением распространены в болгарской разговорной речи, но не типичны для речи письменной. Та же особенность характеризует и болгарские экспрессивные предложения с прямым дополнением в функции препозитивной ремы. В письменных текстах болгарские схемы словорасположения, в которых прямое дополнение предшествует сказуемому, лишаются интонационной поддержки. Необходимость ясно различать синтаксические позиции исключает такие схемы их числа предпочтительных для письменных стилей. В русском языке, маркирующем позиции, в первую очередь, падежными флексиями, распространение аналогичных структур не может получить подобных ограничений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Местоименное склонение в болгарском языке частично сохранено.
2. Р.Ницолова, перечисляя синтаксические факторы, влияющие на выбор возвратно-притяжательного или личных притяжательных местоимений, говорит и о синтаксической функции объекта обладания [Ницолова 2008: 172], однако об указанной выше особенности не упоминается.
3. Об использовании аналогичных структур в современной болгарской устной речи пишет И.Ангелова в [Ангелова 1988].

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелова 1988 – *Ангелова И.* Организация на репликата в българската разговорна реч // Български език, 1988/6.
- Георгиева 1974 – *Георгиева Е.* Словоред на простото изречение в българския книжовен език. С.: Издателство на Българската академия на науките, 1974.
- Грамматика 1994 – Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. С.: Издателство на Българската академия на науките, 1994.
- Грамматика 1980 – Русская грамматика. М.: Наука, 1980, т. II.
- Димитрова 1990 – *Димитрова М.* Варианты в словоред на местоименните клитики в новата българска поезия // Език и литература, 1990, № 1.
- Ницолова 2008 – *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. С.: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008.

- Розенталь 1998 – *Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998.
- Цыхун 1966 – *Цыхун Г.А.* Синтаксис местоименных клитик в болгарском и македонском литературных языках. Л., 1966.
- Шанова 2006 – *Шанова З.К.* К вопросу о месте местоименной клитики в болгарском предложении // Материалы XI Державинских чтений. Современность и исторические проблемы болгаристики и славистики. СПбГУ, 2006.

А.Д. Жакупова (Казахстан)

ОСОЗНАНИЕ ФИТОЛЕКСИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУР

Исследовательская программа когнитивной лингвистики, сформулированная Е.С.Кубряковой [Кубрякова 2004: 11], предусматривает решение множества проблем, в числе которых исследование феноменов языка и мышления в аспекте их взаимосвязи и взаимообусловленности. Связующим звеном в решении проблем языка и мышления выступает фактор языкового сознания (ЯС) личности, интерес к которому стимулировался формированием и разработкой идей антропоцентризма. ЯС в качестве самостоятельного объекта исследования выступает во многих областях лингвистического знания – в когнитологии, психолингвистике, лингвокультурологии, лингводидактике и др., приобретая тем самым разные трактовки в соответствии с конкретным научным проектом.

В исследованиях когнитивного направления на первый план выдвигается тезис об участии ЯС в процессах категоризации и концептуализации действительности (восприятие, интерпретация, осмысление), что переводит изучение традиционного аспекта «язык и мышление» в сферу «мышление на языке» (способность говорящего мыслить на данном языке), в которой в качестве активного, познающего субъекта выступает языковая личность, а объектом отражения является язык [Ростова 2000: 32]. При таком подходе ЯС можно рассматривать как «механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка» и изучать в разных аспектах: в аспекте соотношения когнитивных и языковых структур при отображении в психике человека действительного мира, в аспекте оперирования языковыми структурами при организации речевой деятельности, в аспекте отображения в мозгу человека языка как элемента действительности и т.д. [там же: 34]. Все эти аспекты целесообразно решать на основе языковых данных, учитывая, прежде всего, возможности языковой рефлексии говорящего над речью (языком). «Любой носитель языка в той или иной мере осознает структуру своего языка, нормы и правила его употребления, особенности функционирования и т.д. Эта область осознания получает название ЯС» [там же: 33].

Область рефлексии (рационально-логического) ЯС, направленную на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, А.Н.Ростова обозначает как метаязыковое сознание (МЯС), включающее не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого осознания. МЯС вербализуется в результате рефлексии над языком, способствующей выявлению знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности [там же: 45]. МЯС, рассматриваемое как компонент ЯС, лингвисты всё чаще отождествляют с обыденным сознанием и изучают в рамках науки металингвистики или наивной лингвистики [Леонтьев 1997: 149; Алексеев, Панин 1999: 165; Петренко 2005: 165]. Отражение в МЯС семантики языка, место МЯС в структуре языковой личности, МЯС и его роль в организации текста, МЯС как часть национальной ментальности – эти и многие другие вопросы сегодня оказываются весьма актуальными и ждут своего разрешения в языкознании.

Рефлексивная деятельность говорящих, направленная на анализ языковых фактов, другими словами, метаязыковая деятельность «выводит на поверхность» особенности восприятия формы и значения знака, способствует выявлению ментальных ориентиров языкового сознания носителя языка, эксплицирует способность говорящего рассуждать о языке, объяснять его особенности. Изучая речевую деятельность ребенка, метаязык «детских инноваций», Т.А.Гридина приходит к выводу, что одной из основных ментальных доминант ЯС ребенка является мотивационная рефлексия, которая «высвечивает» когнитивные основания, лежащие в основе интерпретации содержания и формы языковых единиц, а также

«обнаруживает те креативные ходы, которые подсказаны ребенку собственно языковой техникой» [Гридина URL]. На наш взгляд, мотивационная рефлексия свойственна не только языковому сознанию ребенка, это – универсальное свойство метаязыкового мышления человека, обуславливающее направленность сознания на соотношение плана выражения и плана содержания языковых единиц, на объяснимость связи между звучанием и значением.

Само понятие «осознание», заимствованное из психологии, традиционно связывалось с осознанием действительности. «Способность высказывать суждения об увиденном и услышанном – это способность отделять, выделять и вновь связывать в уже расчлененном высшем единстве предмет и его свойства, отдельные объекты и отношения между ними, действие, его результат и т.д. Эта способность составляет характерную черту сознания человека как высшей формы отражения. Осознавать действительность – значит расчленять ее на элементы и устанавливать между ними определенные связи и отношения: сходства, тождества, различия, принадлежности, последовательности и т.д. и т.п. И чем больше взаимосвязанных элементов в объекте или ситуации может быть вычленено и вновь связано, тем выше уровень осознания действительности» [Чуприкова 1981: 23]. В современных антропоориентированных лингвистических исследованиях понятие «осознание» всё чаще и чаще можно встретить в связи с изучением вопросов когнитивной семантики [Кубрякова 2004], психосемантики [Петренко 1997], вербализации языкового сознания [Караулов 2005], ассоциативных реакций [Уфимцева, Тарасов 2003] и др. Принимая во внимание психологическую природу этого понятия, лингвисты трактуют его как «своего рода восприятие в знаковой форме» [Петренко 2005: 165], как «о-смысление знака» [Жаботинская 2003: 145]; «осознанно может быть то, что может быть передано, сообщено другому в плане внешней коммуникации или в акте автокоммуникации – т.е. самому себе» [Бахтин 1979: 21].

В настоящем исследовании с учетом идей, высказанных учеными, *осознание* понимается как актуальный для метаязыкового сознания процесс соотнесения языковых единиц друг с другом и с внеязыковой действительностью, основанный на мотивационно-ассоциативных связях и репрезентирующий то, *что* и *как* воспринял, понял и объяснил говорящий.

Именно этот подход, реализуемый в рамках когнитивной парадигмы научного знания, демонстрируют исследования, проводимые в русле идей сопоставительной мотивологии – науки, изучающей общность и специфику лексического явления мотивации слова в аспекте осознания его носителями разных языков [Блинова 1994; Жакупова 1996]. Исходя из понимания процесса мотивации (осознание мотивированности слова) как лингвопсихоментального процесса, обусловленного когнитивными реляциями сознания, сопоставительно-мотивологическое исследование апеллирует к ЯС говорящего путем проведения целенаправленного психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) [Жакупова 2006: 273-275]. ПЛЭ позволяет выявить суждения информантов в виде метатекстовых высказываний (лексических реакций), которые представляют собой продукт (результат) процесса осознания человеком языковой действительности¹. Экспериментальная процедура, ориентированная на выявление осознания лексической семантики носителями языков, заключалась в создании таких условий для информантов, которые максимально эксплицируют их МЯС. В ходе эксперимента письменно (на родном языке испытуемых) было опрошено около 300 носителей языков от 15 до 65 лет, которым предлагались анкеты, содержащие вопрос, нацеливающий на рефлекссию над мотивированностью (лексической и структурной) слова, и образец подобной рефлексии: *«Как Вы думаете, почему именно так называется это растение? Что лежит в основе его названия? Например: **подорожник** – растение, которое встречается около дорог, растет вдоль дорог; **горицвет** – растение, у которого цветки ярко-оранжевого цвета, как бы горят»*.

Осознание мотивированности/немотивированности слова было эксплицировано в ответах-высказываниях в виде мотивирующих толкований (***ворсянка** – листья **ворсистые**; **гвоздика** – стебель, как **гвоздь**; **шпажник** – у этого растения листья очень острые, тонкие, как **шпага**; **лютик** – может, это **лютое** (ядовитое) растение*) или рефлексирующих

толкований, содержащих сомнение, неуверенность, догадку (*дудник – может быть, из стебля этого растения делают дудки, или стебель похож на дудку; жабрица – это растение как-то связано с жабрами, но как, не знаю*).

Как осуществляется действие мотивационного механизма, какая субстанция поддаётся осознанию, что именно актуализируется в ЯС говорящего? Если слово, предлагаемое для осмысления, носителю языка известно (т.е. он знает, что оно обозначает, сталкивался с обозначаемым этим словом объектом в действительности), то в его сознании возникает определённый образ (картинка), который он описывает, прибегая к известным ему языковым единицам. В случае с малопонятным словом информант, воспринимая его, в первую очередь, акцентирует своё внимание на внешней (звуковой) стороне слова, пытается «увидеть» в нём знакомые ему сегменты, затем воспроизводит («вытаскивает из памяти») существующие в его ментальном лексиконе языковые знаки, связывает их значение со значением данного слова (сегмента), и после этого соотносит звучание со смыслом, объясняет содержание слова (мотивизирует). Действие мотивационного механизма, по мнению Т.А.Гридиной, «базируется на “выведении” неизвестного через известное (или по апперцепции, по А.А.Потебне [Потебня 1976]), что применительно к детской речи выражается в попытках ребенка соединить звучание и/или смысл незнакомого слова с уже знакомым (в какой-то степени освоенным), иначе говоря, стремлении понять логику наименования, найти “ключ”, позволяющий вывести значение слова, опираясь на его звучание и структуру» [Гридина URL].

«Понять логику наименования» – значит объяснить рациональность связи звучания и значения слова, т.е. осознать (прояснить) внутреннюю форму слова. Следовательно, можно констатировать, что именно внутренняя форма слова поддаётся осознанию.

Внутренняя форма слова (ВФС) как научное понятие является одним из ведущих в лексической теории мотивации. Традиционный взгляд на природу ВФС связан с учением А.А.Потебни с его диахронным подходом и ономаσιологическим содержанием этого научного понятия, согласно которому ВФ соотносится только с корневой частью слова, а не с лексической единицей в целом [Потебня 1958: 78]. Собственно семасиологическая трактовка ВФС принадлежит В.В.Виноградову, давшему определение ВФС через понятие мотивированности языкового знака: «Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы; ... различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, так называемых “внутренних форм слова”» [Виноградов 1947: 17]. Основное, на что обратил внимание В.В.Виноградов, это обусловленность ВФС мотивированностью лексической единицы, которая становится фактом языкового сознания говорящего. Развивая идеи ученого, лингвисты трактуют ВФС как материализованный в слове признак номинации [Гак 1966: 27; Мигирова 1977: 347; Фёдоров 1970: 139 и др.]. О.И.Блинова, принимая во внимание различные трактовки ВФС, приходит к мнению, что «по звуковой оболочке слова в её соотнесённости с лексическим значением мы судим не только об образе, о признаке, легшем в основу названия, но и о классификационном признаке наименования» и в подтверждение своей мысли приводит пример: «о признаке голубого цвета, определившем выбор мотивирующей единицы для обозначения ягоды голубики, мы узнаём по сегменту звуковой оболочки слова ГОЛУБ/ика/, о том же, что это название предмета, в данном случае ягоды, а не отвлеченное название цвета (голубизна), не название признака неполноты качества (голубоватый), не обозначение процесса становления признака (голубеть), мы узнаём по другому сегменту звуковой оболочки этого слова – по сегменту – ИКА» [Блинова 2007: 61]. Эта мысль служит доказательством двучастного характера ВФС (соотнесённость её как с корневой (мотивирующая часть ВФС), так и с аффиксальной (формантная часть морфемами). Именно она легла в основу мотивологического определения ВФС, данного О.И.Блиновой: «внутренняя форма – это морфо-семантическое свойство слова, позволяющее

объяснить связь его звучания и значения» [там же: 61], на которое мы опираемся в своём исследовании.

Из этого следует, что в ЯС говорящего актуализируется и мотивирующая («левая») и формантная («правая») часть слова, т.е. ВФС членится, в результате чего слово воспринимается носителем языка посегментно. Сегментный характер ВФС «служит основой для выделения мотивационной формы, которая находится в наложении с фонетической формой слова, и мотивационного значения ВФС, которое структурирует лексическое значение слова» [там же: 90]. Структуру ВФС можно представить в виде схемы:

Звуковая оболочка		ГОЛУБИКА
	Мотивационная форма	ГОЛУБ/ИКА
Внутренняя форма слова	<	‘голубая ягода’
Лексическое значение	Мотивационное значение	‘ягода кустарника гонобобеля’

ВФС состоит из двух компонентов: 1) мотивационной формы (МФ) – значимых сегментов (или сегмента) звуковой оболочки слова, обусловленных его мотивированностью, и 2) мотивационного значения (МЗ) – значения или синтеза значения мотивационной формы [Блинова 1985: 142]. Если оба компонента актуализуются в сознании носителя языка, слово квалифицируется как полностью мотивированное; если актуальным оказывается один из компонентов, то слово является частично мотивированным или полумотивированным (лексически или структурно).

Результаты сопоставительно-мотивологического исследования ВФС, проведенного на материале наименований растений русского и болгарского языков, представлены в настоящей статье.

Для экспериментальной проверки осознания мотивированности слова носителями русского и болгарского языков была избрана тематическая группа наименований растений, которая представляет собой достаточно объемный пласт номенклатурной лексики. Для осмысления информантам-носителям русского языка было предложено 330 наименований растений, информантам-носителям болгарского языка – 350 наименований растений, соотнесённых исследователем с латинским международным номенклатурным наименованием (например, [*Erodium* L’Herit.] – рус. **аистник** – болг. **часовниче**).

При осмыслении слова **аистник** носители русского языка дали следующие показания МЯС: «внешне напоминает аиста» (28)², «им питается аист» (23), «как-то связано с аистом, а как, не знаю» (18), «растет там, где обитают аисты» (16), «расцветает, когда прилетают аисты» (9), «плоды – как клюв аиста» (6). Показания МЯС носителей болгарского языка выглядят так: **часовниче** – «предполагаю, что цветчетата му се разтварят на разсъмване като по часовник, в едно и също време» (34), «приличащо на часовник по форма или функции» (13), «растение, което има цвят като часовник» (9), «приемано като билка, регулира нещо в човешкия организъм като по часовник» (8), «не зная» (36). Несмотря на то, что большинство носителей обоих языков были не знакомы с данным растением (это выяснилось в ходе эксперимента), показания МЯС свидетельствуют о действии мотивационного механизма, обусловленного рефлексивной функцией ЯС, т.е. процесс осознания активизирует мотивационную рефлексивную функцию говорящего, которая помогает соединить знание о мире и знание о языке.

На основе полученных в ходе эксперимента ответов-метавысказываний, данных информантами, проводится анализ ВФС. Представим ВФ данных слов схематично (описание структуры ВФС сопровождается указанием на лексический мотиватор (ЛМ) и структурный мотиватор (СМ)):

аистник

- ВФС₁ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <которое внешне напоминает> аиста'
ЛМ₁: *аист*
СМ₁: поповНИК, гроздовНИК
- ВФС₂ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <которым питаются> аисты'
ЛМ₂: ЛМ₁
СМ₂: СМ₁
- ВФС₃ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <как-то связанное с> аистом'
ЛМ₃: ЛМ₁
СМ₃: СМ₁
- ВФС₄ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <которое растет там, где обитают> аисты'
ЛМ₄: ЛМ₁
СМ₄: СМ₁
- ВФС₅ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <расцветающее во время прилета> аиста'
ЛМ₅: ЛМ₁
СМ₅: СМ₁
- ВФС₆ < МФ: АИСТ/НИК
МЗ: 'растение, <плоды которого напоминают клюв> аиста'
ЛМ₆: ЛМ₁
СМ₆: СМ₁

часовниче

- ВФС₁ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <цветки которого раскрываются в одно и то же время, как> часы'
ЛМ₁: *часовник* – часы
СМ₁: безсмъртНИЧЕ, живеНИЧЕ
- ВФС₂ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <по форме?функции? напоминающее> часы'
ЛМ₂: ЛМ₁
СМ₂: СМ₁
- ВФС₃ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <цвет которого как> часы'
ЛМ₃: ЛМ₁
СМ₃: СМ₁

ВФС₄ < МФ: ЧАСОВ/НИЧЕ
МЗ: 'растение, <которое что-то регулирует в организме, будто> часы'
ЛМ₄: ЛМ₁
СМ₄: СМ₁

Как видно из показаний МЯС, данное наименование растения во всех языках является полностью мотивированным (доля ответов, эксплицирующих мотивированность слова, составила в русском языке – 100 %, в болгарском – 64 %), МФ находится в отношении наложения (полностью совпадает) со звуковой оболочкой слова. В обоих языках МФ является двусегментной (состоит из двух частей: АИСТ/НИК; ЧАСОВ/НИЧЕ). Необходимо заметить, что болгарский фитоним характеризуется наложением фрагмента формантной части (-НИЧ-) на фрагмент мотивирующей части (ЧАСОВНИК). Именно таким образом носители языков «прочитывают» ВФ слова, осознают его мотивированность.

Показания МЯС позволяют заметить, что у некоторых носителей языка «прочтение» ВФС вызывает трудности (в русском языке – ВФС₃, в болгарском – ВФС_{2, 4}). В этом случае ЯС информанта направлено на поиск единства плана содержания и плана выражения, т.е. рефлексия по поводу непонятого слова влечёт за собой стремление говорящего найти созвучные слова в своем лексиконе, результатом чего являются возникающие в его сознании ассоциации. Поскольку показания МЯС – «это результат мыслительного акта...» [Налимов 1991: 25], то метавысказывание выглядит как своего рода рассуждение (интерпретация) говорящего и включает различные вводные слова (в РЯ – «возможно», «может», «скорее всего», «наверное», «вероятно», в БЯ – «взможно», «може би», «сигурно», «вероятно», «предполагам», «мисля»). В русском языке, в отличие от болгарского, часто встречаются неопределённые местоимения («как-то», «что-то», «где-то»), содержащие сомнение, неуверенность, догадку, предположение, и формирующие, по словам Т.А.Кадола, «внутреннюю конфликтность» [Кадола 2008: 245] метавысказывания: рус. *мордовник* – «растение, как-то связанное с *мордой*, но как, не знаю», *нитчатка* – «у него, наверное, веточки тонкие, длинные, как *нити*»; болг. *мъдрица* – «сигурно листата му изглеждат набръчкани и стари като мъдри», *белило* – «растение, което вероятно се използва за избелване (като козметично средство)», «взможно е в миналото момите да са използвали това растение като маска за избелване, тъй като кожата им е почернявала от полската работа на слънце» и т.д. Показания МЯС носителей РЯ содержит 40 % такого типа метавысказываний, БЯ – 25 %. Определённую долю составляют так называемые альтернативные метавысказывания, когда носитель языка «предлагает» два или три варианта «толкования» значения слова: рус. *морозник* – «может, цветёт в холодное время года, когда *мороз*, а может, у него цветы белые, напоминающие о *морозе*», *недотрога* – «у цветка настолько тонкий стебель, что, если его тронуть, он упадет, лучше его не *трогать*, а может быть, этот цветок вообще нельзя *трогать*, или он такой колючий, что до него лучше не *дотрагиваться*». В числе показаний МЯС носителей болгарского языка альтернативные метавысказывания встречаются реже. В основном имеют место однозначные толкования. Возможно, это связано с тем, что большинство (70 %) болгарских фитонимов имеют прозрачную ВФС, которая в редких случаях вызывает варианты дефинирования (*алтънче, бисерка, весларка, гнездица, иглица*). Количество альтернативных метавысказываний в русском и болгарском языках составляет примерно 45 % и 20 %.

Как свидетельствуют результаты ПЛЭ, МЗ и МФ как компоненты ВФС – это категории, присущие МЯС говорящего или говорящих на данном языке, которые проявляются в речи/языке и находят свое отражение в текстах/метатекстах.

Являясь способом реализации в слове мотивированности, ВФ выполняет различные функции в языковой системе. В зависимости от того, какую функцию (гносеологическую, репрезентативную, эволютивную, эстетическую) выполняет ВФС в языковой системе, различают следующие её виды: вариантная/ невариантная, лексикализованная/

нелексикализованная, метафорическая/ неметафорическая [подробнее о функциях ВФС см. Жакупова 2002: 55-62; Блинова 2007: 129-157].

Вариантная/ невариантная внутренняя форма мотивированных наименований растений

Основанием для варьирования ВФС можно считать возникающие в ЯС говорящего коллектива ассоциации, обусловленные наличием множества признаков данного явления (предмета). ВФС по-разному осознается носителями языка, в результате чего «полимотивация слова... приводит к разной сегментации мотивационной формы и разному наполнению мотивационного значения» [Блинова 1984: 120]. В приведённом выше примере *аистник-часовниче* ВФС является вариантной. Если ВФС по-разному сегментируется информантами, то она носит вариативный характер (ВОСК/ов/НИЦА, ВОСКОВ/НИЦА). Мотивационные ассоциации у носителей языка могут быть различными в зависимости от того, какой сегмент актуализируется в его сознании и как его интерпретирует говорящий. Мотивационные ассоциации носят предельно индивидуальный характер и влияют на видоизменение не только МФ, но и МЗ (БЕЛозор – ‘растение белого <цвета>’, белоЗОР – ‘растение, <от которого глаза становятся> зоркими’). Если носители языка одинаково воспринимают слово, то МФ и МЗ оказываются неизменными, следовательно, ВФС носит невариантный характер. Например, рус. фитоним *гребенник* большинство носителей языка воспринимают одинаково – «*листья растения похожи на гребень*» (100), его болгарский эквивалент *ракиговица* также характеризуется невариантной ВФС, свидетельством чему являются показания МЯС: «*расте сред ракига*» (100).

Анализ результатов ПЛЭ на предмет выявления осознания фитолексики носителями русского и болгарского языков позволил разделить все наименования растений на две группы: с вариантной ВФ и невариантной ВФ.

В русском языке вариантная (вариативная) ВФ характерна для следующих слов: *аистник, безвременник, белена, белоголовник, бессмертник, блошница, борщевик, василистник, вербейник, верблюдка, вероника, ветреница, водокрас* и т.д. (всего 77 % от общего числа). В болгарском языке вариантной (вариативной) ВФ характеризуются слова: *часовниче, зимзелен, попадийка, боровинка, ранилист, метличина, обичниче, ленивче, ношница, кандилка, ведрица, урока, ресник* и т.д. (всего 80 %). Невариантная ВФС в русском языке наблюдается у слов: *бархатник, белокопытник, белокрыльник, белоус, василёк, вика, вейник, вечерница* и т.д. (23 %); в болгарском языке – *мразовец, блян, девесил, ралица, великденче, гърличе, пресечка, лугачка* и т.д. (20 %).

Мотивационно-сопоставительный анализ (МСА) фитолексики русского и болгарского языков показал, что ВФ эквивалентных лексических единиц (ЭЛЕ) может совпадать по виду, а может различаться. В зависимости от этого выделяем 4 группы соотносительных пар:

а) вариантная ВФС – вариантная ВФС³

<i>Вербейник</i>		<i>Ленивче</i>	
Показания МЯС: « <i>может, лепестки цветка похожи на сережки вербы?</i> » (24); « <i>как-то связано с вербой, а как, не знаю</i> » (17); « <i>не знаю</i> » (59)		Показания МЯС: « <i>расте бавно, лениво</i> » (52); « <i>предполагам, че много дълго, лениво му се разтварят цветчетата</i> » (18); « <i>като билка предизвиква отпуснатост, вялост, леност</i> » (11); « <i>не зная</i> » (19)	
41/59		81/19	
ВФС ₁	< МФ: ВЕРБейНИК МЗ: 'растение, <лепестки которого похожи на сережки> вербы'	ВФС ₁	< МФ: ЛЕНИВ/ЧЕ МЗ: 'растение, <которое долго растёт, как бы> ленивое'
ЛМ ₁ : <i>верба</i>		ЛМ ₁ : <i>ленив</i> – ленивый	
СМ ₁ : <i>бархатНИК, подорожНИК, безвременНИК</i>		СМ ₁ : <i>гърлиЧЕ, еньовЧЕ, жълтурЧЕ</i>	

<p>ВФС₂ < МФ: ВЕРБейНИК МЗ: 'растение <как-то (?) связано с> вербой'</p> <p>ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁</p>	<p>ВФС₂ < МФ: ЛЕНИВ/ЧЕ МЗ: 'растение, <которое долго, как бы> лениво распускается>'</p> <p>ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁</p>
	<p>ВФС₃ < МФ: ЛЕНИВ/ЧЕ МЗ: 'растение, <после употребления которого появляется> лень'</p> <p>ЛМ₃: <i>леност</i> – лень СМ₃: СМ₁</p>

К этой группе относятся также следующие пары: *воронец – ресник, голубок – кандилка, горец – гъшеница, гулявник – мьдрица, дубовик – огненка, дымянка – росопас, журавельник – здравец* и мн. др. Это самая многочисленная группа ЭЛЕ, она составляет 42% от общего числа пар.

б) *вариантная ВФС – невариантная ВФС*

<i>Жабник</i>	<i>Жълтурче</i>
<p>«им питаются жабы» (38); «растёт там, где водятся жабы» (32); «может, им лечат жабу (грудную)?» (30) 100/0</p> <p>ВФС₁ < МФ: ЖАБ/НИК МЗ: 'растение, <которым питаются> жабы'</p> <p>ЛМ₁: <i>жаба</i> СМ₁: дудНИК, донНИК</p>	<p>«растение, което има жълт цвят» (100) 100/0</p> <p>ВФС < МФ: ЖЪЛТ/ур/ЧЕ МЗ: 'растение жёлтого<цвета>'</p> <p>ЛМ: <i>жълт</i> – жёлтый СМ: милодинЧЕ, сапунЧЕ</p>
<p>ВФС₂ < МФ: ЖАБ/НИК МЗ: 'растение, <которое растет там, где много> жаб'</p> <p>ЛМ₂: ЛМ₁ СМ₂: СМ₁</p>	
<p>ВФС₃ < МФ: ЖАБ/НИК МЗ: 'растение, <которым лечат (?)> жабу <грудную>'</p> <p>ЛМ₃: <i>жаба (грудная)</i> СМ₃: СМ₁</p>	

Болгарский фитоним имеет одно МЗ, следовательно, ВФ квалифицируется как невариантная. При восприятии соответствующего русского наименования растения в ЯС говорящих на русском языке людей возникает несколько ассоциаций, что ведет к появлению нескольких МЗ, формирующих комплекс частных МЗ (ЧМЗ). Общее МЗ (ОМЗ) данного слова – 'растение, <связанное с> жабой'. Слово имеет три ЧМЗ: 1) 'растение, <которым питаются> жабы', 2) 'растение, <которое растет там, где много> жаб', 3) 'растение, <которым лечат грудную> жабу'.

Приведем еще примеры, иллюстрирующие названный тип соотносительных ЛЕ: *безвременник – мразовец, белена – блян, бородач – садина, борщевик – девесил, волчец –*

пресечка, ворсянка – лугачка, вьюнок – поветица, ежевика – къпина и др. Количество их составило 30 %.

в) *невариантная ВФС – вариантная ВФС*

<i>Камнеломка</i>		<i>Обичник</i>	
«оно растет среди камней, в трещинах, как бы ломает камни» (100)		«цветчетата приличат на малки висяци сърчица, което е символ на обич» (57);	
100/0		«приличат на обици, които висят на ушите на жената» (35);	
ВФС	< МФ: КАМНЕЛОМ/КА МЗ: 'растение, <которое как бы> ломает камни'	92/8	«не зная» (8)
ЛМ: <i>камень, ломать</i>		МФ: ОБИЧ/НИК	
СМ: <i>красавКА, кровохлёбКА</i>		МЗ: 'растение, <похожее на сердечки – символ > любви'	
		ЛМ ₁ : <i>обич – любовь</i>	
		СМ ₁ : <i>сладНИК, напръстНИК</i>	
		МФ: ОБИЧ/НИК	
		МЗ: 'растение, <похожее на> сережки'	
		ЛМ ₂ : <i>обица – серьга</i>	
		СМ ₂ : СМ ₁	

По сравнению с двумя предыдущими эта группа немногочисленна (12 %). К ней относятся следующие соотносительные пары: *барвинок – зимзелен, василек – метличина, головчатка – звездглавка, костер – овсига, лисохвост – класица, первоцвет – иглица* и др.

В составе групп б) и в) встречаются пары, характеризующиеся отношением пересечения МЗ, т.е. одно из МЗ фитонима с вариантной ВФ соответствует (пересекается) МЗ фитонима с невариантной ВФ: рус. *пузырчатка* (МЗ: 'растение, <цветки которого как> пузыри' – болг. *мехурка* (МЗ₁: 'растение, <которое напоминает> пузырь', МЗ₂: 'растение, <цветки которого как> пузыри', МЗ₃: 'растение, <на котором образуются> пузыри', МЗ₄: 'растение, <плоды которого как> пузырчатые <стручки>'). Сопоставляя ВФ данных фитонимов, замечаем, что МЗ русского наименования растения пересекается с МЗ болгарского фитонима. Комплекс МЗ, выявленных в процессе осознания фитолексики носителями болгарского языка, создаёт наглядный образ (полноценную картинку), представление о предмете (растении), что подчёркивает гносеологическую роль ВФС.

г) *невариантная ВФС – невариантная ВФС*. Данный тип соотносительных ЛЕ характерен для слов, толкование которых носителями языка осуществляется в достаточной мере однозначно, т.к. для ВФ этих слов характерна прозрачность, ясность, очевидность. «Прозрачная внутренняя форма слова обеспечивает ему смысловую определённость, т.е., иначе говоря, позволяет включить слово в определённый парадигматический ряд» [Шмелёв 1973: 361]. Например, *бархатник – щир, волчегодник – гърличе, горицвет – слетикоса, горькуша – млечница, клоповник – горуха, манник – росица, стрелолист – стрелолист* и т.д. (всего 23 % от общего числа пар).

В итоге МСА вариантных/ невариантных ВФ отмечаем, что русский и болгарский языки характеризуются приблизительно одинаковым количеством слов с вариантной ВФ (77% и 80%). Варьирование ВФС не зависит от варьирования самой ЛЕ и происходит при условии возникновения множественных ассоциаций в ЯС носителей языка. ЧМЗ, выявленные на материале одного языка, способствуют созданию более целостного представления о предмете, формируют определённый объём знаний. Сопоставительный

анализ ВФС с точки зрения ее вариантного/ невариантного характера дополняет знания об объекте, расширяя тем самым объем когнитивного понятия.

Лексикализованная/ нелексикализованная внутренняя форма мотивированных наименований растений

Результаты ПЛЭ показывают, что носители языка в ряде случаев узнают, вычленяют сегменты ВФС, но не могут объяснить взаимообусловленность его звучания и значения, дать толкование с опорой на компоненты, ставшие фактом их ЯС. Например, при осознании русского фитонима *ласковец* носители языка выделяют сегмент *ласков-* (ласковый) или *ласк-* (ласкаться, ласка), однако установить мотивационную связь со словом затрудняются: «*может быть, это ласковый цветок?*» (38), «*возможно, качается на ветру, как бы ласкается*» (30), «*как-то связано с лаской, а как, не знаю*». В болгарском языке этому наименованию растения соответствует фитоним *гърбица*, который осознается носителями языка следующим образом: «*може би стъблото му е приведено и прилича на гърбина?*». Как видим, компонент *гърб-* вычленяется, но не может быть объяснен с точностью. В таком случае речь идет о лексикализации ВФС, т.е. об утрате способности слова к актуализации мотивационных отношений (лексических или структурных). Если ПЛЭ обнаруживает осознание как лексической, так и структурной мотивированности, то слово характеризуется нелексикализованной ВФ.

Лексикализованная ВФС, по показаниям МЯС говорящих, отмечается в следующих словах: рус. *буквица, вяжечка, дрёма, жабрица, живокость, ластовень, маргаритка, лунник, морозник* и др. (всего 18 %), болг. *кандилка, пресечка, ресник, къпина, глухарче, незабравка* (15 %) и др. Как правило, если в одном языке слово имеет лексикализованную ВФ, то его эквивалент в другом языке характеризуется либо нелексикализованной ВФ, либо является полумотивированным, либо эквивалент вообще отсутствует. Так, русские фитонимы *коровяк, верблюдка, свинчатка, купена*, ВФ которых лексикализовалась, не имеют своих эквивалентов в болгарском языке.

В результате МСА были выявлены следующие типы соотношения ЛЕ с лексикализованной и нелексикализованной ВФС:

а) *лексикализованная ВФС – лексикализованная ВФС*: *гулявник* (МЗ₁: 'растение, <как-то (?) связано с> гулянием', МЗ₂: 'растение, <может (?), как бы> гуляет') – *мъдрица* (МЗ: 'растение, <листья к-рого, может быть (?), выглядят старыми, как будто> мудрые'), *кровохлёбка* (МЗ: 'растение, <к-рое как-то (?) связано со словами> хлебать <и> кровь' – *динка* (МЗ: 'растение, <может быть, (?) цвета> арбуза'), *наперстянка* (МЗ: 'растение, <к-рое как-то (?) связано с> наперстком') – *напърстник* (МЗ₁: 'растение, <у к-рого цветы, может, (?) похожи на> наперсток', МЗ₂: 'растение, <как-то (?) связанное с> пальцем'). К этой же группе относятся пары: *норичник – живениче, окопник – зарасличе, росянка – росянка* и др. (всего 5 % пар от общего числа сопоставляемых эквивалентов).

б) *лексикализованная ВФС – нелексикализованная ВФС*: *буквица* (МЗ: 'растение, <как-то (?) связанное с > буквой') – *ранилист* (МЗ: 'растение, листья <к-рого используют при лечении> ран'), *вербейник* (МЗ: 'растение, <к-рое как-то (?) связано с> вербой') – *ленивче* (МЗ: 'растение, <к-рое долго растёт, как бы> ленивое'), *живокость* (МЗ: 'растение, <как-то связанное с> живой костью') – *ралица* (МЗ: '<растение красивое, как имя> Ралица'), *маргаритка* (МЗ: 'растение, <как-то связанное с> Маргаритой') – *паричка* (МЗ: 'растение, <похожее на> монетку'). Сюда же относятся пары: *лунник – лопатка, манник – росица, марьянник – гайтанка, морозник – кукуряк, нитчатка – жабуняк* (всего 15 %).

в) *нелексикализованная ВФС – лексикализованная ВФС*: *водосбор* (МЗ: '<растение, к-рое> собирает воду') – *кандилка* (МЗ: 'растение <по форме, может, (?) похоже на> лампаду'), *волчец* (МЗ: 'растение, <к-рое едят> волки) – *пресечка* (МЗ: 'растение, <к-рое, может быть, (?) растёт на> перекрёстке'), *воронец* (МЗ₁: 'растение вороного <цвета>', МЗ₂: 'растение, <к-рое едят> вороны') – *ресник* (МЗ: 'растение, <лепестки к-рого, может быть (?), похожи на>

бахрому <ковра>'). В эту группу входят также: *горец – гъиеница, грьжник – белило, дубовик – огневка, ежевика – къпина, одуванчик – глухарче* и др. (всего 12 %).

г) *нелексикализованная ВФС – нелексикализованная ВФС*. Это самая многочисленная группа слов (45 %), при восприятии которых вычлененные сегменты ВФ осознаются носителями языка как взаимообусловленные: *ворсянка – лугачка, вьюнок – поветица, щавель – киселец, шпорник – ралица* и др.

Сопоставительно-мотивологическое исследование предполагает анализ причин лексикализации ВФС в том или ином языке. Общими для всех языков причинами могут быть изменения обозначаемого денотата, связанные с его реальными признаками, свойствами, особенностями; незнание или забвение легенд, примет, поверий, традиций; утрата национальных, культурных, религиозных, бытовых традиций [Блинова 2007: 246]. Е.В.Михалёва называет ещё ряд причин лексикализации ВФС, таких как неактуальность, малоинформативность, случайность мотивировочного признака, утрата словом образности, десемантизация аффикса и др. [Михалёва 1994: 13]. Только показания МЯС говорящих на разных языках людей помогут выяснить национальные особенности тенденции к произвольности языкового знака и обнаружить специфические причины действия процесса лексикализации.

Метафорическая/ неметафорическая внутренняя форма слова мотивированных наименований растений

Метафорической ВФ характеризуются слова, МЗ которых отражает отношение подобия (сходства, аналогии), например *шпажник* – 'растение <с листьями, похожими на> шпагу'. Метафорическая ВФС, свойственная образным словами, реализует двуплановость семантики и выражает представление о называемом явлении действительности в ассоциативной связи с другим явлением [Юрина 2005: 30-33]. Количество метатекстов, актуализирующих образное значение фитонимов, составило 35 % и 42 % в русском и болгарском языках соответственно. Так, наименование растения *лисохвост – класица* носители языков осознают следующим образом: рус. «*листья растения длинные и пушистые, как хвост лисы*» (100), болг. «*прилича на житен клас*» (48), «*може би прави семена като житен клас*» (22), «*класно цвете*» (17), «*растение с множество класове със специфична форма*» (13). Как видно из показаний МЯС, одно и то же растение воспринимается носителями сопоставляемых языков образно, но образы в ЯС – разные: в ЯС носителей русского языка возникают ассоциации по сходству листьев с хвостом лисицы, а в ЯС болгар пушистые листья данного растения ассоциируются с колосом (колосьями). По словам О.И.Блиновой, «...именно во внутренней форме слова реализована ассоциативность человеческого мышления, образное восприятие» [Блинова 1984: 102].

Корпус метатекстов даёт основания для МСА семантики образных единиц с точки зрения осознания носителями языка соотношения денотативного и ассоциативно-образного планов значения, для выяснения причин переосмысления денотативного содержания образного слова, для выявления случаев деметафоризации ВФС и т.д.

МСА наименований растений русского и болгарского языков позволил выделить несколько групп соотносительных ЛЕ:

а) *метафорическая ВФС – метафорическая ВФС: горицвет* (МЗ: 'растение, цветы <к-рого как бы> горят') – *слетикоса* (МЗ: 'растение, <напоминающее> косу'), *звездчатка* (МЗ₁: 'растение, <цветы к-рого похожи на> звезды', МЗ₂: 'растение, <листья к-рого похожи на лучи> звезды') – *звездица* (МЗ₁: 'растение <цвета> звезды', МЗ₂: 'растение, <похожее на> звезду', МЗ₃: 'растение, <цветки к-рого маленькие и жёлтые, как> звезды'), *камнеломка* (МЗ: 'растение, <к-рое как бы> ломает камни') – *обичник* (МЗ: 'растение, <похожее на сердечки – символ> любви'). Это довольно многочисленная группа эквивалентных ЛЕ: *лисохвост – класица, лунник – лопатка, нитчатка – жабуняк, хохлатка – лисичина, шпорник – ралица, шпажник – ребрика* и др. (всего 28%).

б) *метафорическая ВФС – неметафорическая ВФС*: **бородач** (МЗ₁: '<растение, у которого как бы> борода', МЗ₂: 'растение <как> бородач') – **садина** (МЗ: 'растение, <к-рое> сажают <в саду>'), **борщевик** (МЗ: 'растение <цвета> борща') – **девесил** (МЗ: 'растение, <к-рое даёт человеку> девять сил'), **вероника** (МЗ: '<красивое> растение, <как имя> Вероника') – **великденче** (МЗ: 'растение, <к-рое цветёт на> Пасху'), **дымянка** (МЗ: 'растение, <от которого летит пыльца, как> дым') – **росопас** (МЗ: '<растение, к-рое как бы> собирает росу'), а также **костёр – овсига, сабельник – очеболец, чеснокник – лъжичина, иглица – залист, подсолнечник – слънчоглед** и др. (всего 16 %).

в) *неметафорическая ВФС – метафорическая ВФС*: **водосбор** (МЗ: '<растение, к-рое> собирает воду') – **ведрица** (МЗ₁: 'растение, <похожее на> ведро', МЗ₂: 'растение <цвета> ясного <неба>'), **голубок** (МЗ₁: 'голубое растение', МЗ₂: 'растение, <к-рым питаются> голуби') – **кандилка** (МЗ: 'растение <с цветами в форме> колокольчика'), **дубовик** (МЗ₁: 'растение, <к-рое растёт около> дуба', МЗ₂: 'растение <в> дубовых <лесах>') – **огневка** (МЗ₁: 'растение <с> огненными, <как пламя цветками>', МЗ₂: 'растение огненного <цвета>'), а также **заразиха – китка, лютик – лапчатка, острец – пирей, первоцвет – иглица, солянка – вълмо, мытник – пропаднице, василёк – метличина** и др. (всего 8 %).

г) *неметафорическая ВФС – неметафорическая ВФС*: **безвременник – мразовец, белена – блян, вечерница – нощница, волчегодник – гърличе, вьюнок – поветица** и мн. др.

Известно, что человек воспринимает мир через взаимоотношение с ним, сквозь призму своего «я»; «...соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами» [Телия 1988: 177] реализуется в лингвистике при помощи принципа антропометричности, наиболее отчётливо проявляющегося на уровне семантики образных ЛЕ. МСА филолексики разных языков позволяет выявить многообразие образов, антропометричных по своей природе, и тем самым обнаружить общие и специфические особенности восприятия лексики флоры представителями разных лингвокультурных сообществ.

Представители всех народов достаточно трепетно и с большим вниманием относятся к миру флоры, ведь растения не только украшают землю, они выполняют целительскую функцию, полезны и питательны, а в большинстве наименований растений запечатлен либо сам человек, либо то, что его окружает. Так, фитонимы русского языка в сознании его носителей часто связываются с предметами домашнего обихода: **ремнецветник** – «растение, длинные и плотные листья которого напоминают ремень», **наперстянка** – «растение, у которого головка похожа на напёрсток», **мыльнянка** – «растение, сок которого напоминает мыльную воду», «это растение можно использовать вместо мыла», **манжетка** – «листья этого растения в виде манжеты», **иглица** – «стебель его острый и тонкий, как игла», **гвоздика** – «растение, стебель которого напоминает гвоздь», **зубянка** – «листья растения похожи на зубы человека» и т.д. (всего 35 %). В показаниях МЯС носителей болгарского языка отражено отношение к растению как к живому существу, способному лениться (**ленивче** – «расте бавно, лениво», «предполагам, че много дълго, лениво му се разтварят цветчетата», «като билка предизвиква отпуснатост, вялост, леност»), любить (**обичниче** – «цветчетата приличат на малки висящи сърчица, което е символ на обич»), обманывать (**лъжичина**), быть мудрым (**мъдрица** – «сигурно листата му изглеждат набръчкани и стари като мъдри», «многогодишно растение като мъдри»), злым (**злина**) (всего 30 %). Все эти примеры подтверждают мысль Е.А.Юриной о том, что «свойство образности изначально присуще не самим фактам действительности, а их восприятию и интерпретации языковым сознанием» [Юрина 1994: 9].

В лексических единицах, в первую очередь в мотивированных, отражены разные стороны жизнедеятельности человека. Знания о мире, о том или ином объекте, закрепленные в мотивированных языковых знаках, складываются за счет комплекса ассоциаций, возникающих в ЯС индивида. Именно они составляют основу ВФС, степень осознания которой зависит от языковой способности человека говорить и понимать увиденное/услышанное, от умения воспроизводить и использовать языковые знания, т.е. от степени

владения языком, поскольку «подавляющая масса знаний приходит к человеку через освоенные знания, т.е. через язык» [Кубрякова 2004: 11]. Существует множество факторов, влияющих на восприятие человеком языковой действительности. Это и жизненный (чувственный и рациональный) опыт человека, и осуществление им предметно-познавательной и практической деятельности, это и элементарные ощущения о мире и людях, это и участие его в процессах научно-теоретического познания мира, его уровень образованности, эрудиции, его социальные характеристики и мн. др. Общность и специфика восприятия филолексемы зависит и от национальных особенностей культуры, истории, традиций, обычаев народа-носителя языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Автор статьи на протяжении десяти лет проводит ПЛЭ с носителями славянских (русский, болгарский, польский) и тюркских (казахский, татарский) языков и на сегодняшний день имеет более 15 000 показаний МЯС носителей языков на 1500 мотивированных фитонимов (примерно 100 ответных реакций на каждое слово).
2. После метатекста в скобках указывается количество ответов, данных информантами.
3. Данное обозначение следует понимать так: вариантная ВФ русского фитонима соответствует вариантной ВФ фитонима болгарского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, Панин 1999 – *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: Учебник. М.: Проект, 1999.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979.
- Блинова 1984 – *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 1984.
- Блинова 1985 – *Блинова О.И.* Мотивационная форма и мотивационное значение // Межвуз. науч. конф. «Деривация и история языка»: Тезисы докладов. Пермь, 1985.
- Блинова 1994 – *Блинова О.И.* Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Часть 1. Томск: Изд-во Томского университета, 1994.
- Блинова 2007 – *Блинова О.И.* Мотивология и её аспекты. Томск, 2007.
- Гак 1966 – *Гак В.Г.* Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языка. М., 1966.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947.
- Гридина URL – *Гридина Т.А.* Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка. [Электронный ресурс] // Институт лингвистических исследований РАН: [сайт]. СПб., 2002 – <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html?language=en> (30.01.08).
- Жаботинская 2003 – *Жаботинская С.А.* Теории номинации: когнитивный ракурс // Вестник МГЛУ. Вып. 478. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003.
- Жакупова 1996 – *Жакупова А.Д.* Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1996.
- Жакупова 2002 – *Жакупова А.Д.* Особенности внутренней формы слова в русском и польском языках // Вестник Кокшетауского университета, № 1-2. Кокшетау, 2002.
- Жакупова 2006 – *Жакупова А.Д.* Когнитивный аспект сопоставительной мотивологии (на материале славянских и тюркских наименований птиц) // Тезисы докладов Второй Международной конференции по когнитивной науке. Т. 1. СПб., 2006.
- Кадоло 2008 – *Кадоло Т.А.* Метаязыковая деятельность при восприятии названий городских объектов // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н.Ростова. Кемерово – Барнаул: Изд-во

- Алтайского университета, 2008.
- Караулов 2005 – *Караулов Ю.Н.* «Осознавание» как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т яз-ния РАН. Калуга, 2005.*
- Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Леонтьев 1997 – *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Мигирова 1977 – *Мигирова Н.И.* Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке: На материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка. Кишинёв, 1977.
- Михалёва 1994 – *Михалёва Е.В.* Явление лексикализации внутренней формы слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
- Налимов 1991 – *Налимов В.В.* Рациональное в иррациональном // *Человек, 1991, № 4.*
- Петренко 1997 – *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Петренко 2005 – *Петренко В.Ф.* К проблеме построения образа мира: психосемантический аспект // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. статей / Ин-т яз-ния РАН. Калуга, 2005.*
- Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1. М., 1958.
- Потебня 1976 – *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Наука, 1976.
- Ростова 2000 – *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале говоров Сибири). Томск: Изд-во Томского университета, 2000.
- Телия 1988 – *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке (Язык и картина мира).* М.: Наука, 1988.
- Уфимцева, Тарасов 2003 – *Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф.* и др. Славянски ассоциативен речник. София: Изд-во Софийского ун-та, 2003.
- Фёдоров 1970 – *Фёдоров А.И.* Роль внутренней формы в лексико-фразеологических синонимических отношениях в русском языке // *Исследования по лексикологии и словообразованию.* Красноярск, 1970.
- Чуприкова 1981 – *Чуприкова Н.И.* Сознание как высшая расчлененная и системно-упорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы // *Психологический журнал, 1981. Т. 2, № 6.*
- Шмелёв 1973 – *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М.: Наука, 1973.
- Юрина 1994 – *Юрина Е.А.* Образность как категории лексикологии. Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994.
- Юрина 2005 – *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск, 2005.

Ирина Захариева

МАТРИЦА ПОДТЕКСТА В ПЬЕСЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «АЛЕКСАНДР ПУШКИН»

Тридцатые годы XX века проходили у *Михаила Булгакова* (1892-1940) под знаком поисков средств завуалированного *самовыражения* с использованием фикциональных жанров. Нескончаемые столкновения с госцензурой в истории его жизни объяснялись решительным отказом писателя перерабатывать свои сочинения.

Десятилетие было заполнено работой над созданием *тайного* романа о жизни «Мастер и Маргарита» (1929-1940). Не надеясь на прижизненную публикацию произведения, он тем не менее смотрел на остальные создаваемые вещи как на примыкающие к роману.

В 1936 году под давлением извне в Московском Художественном Театре была снята с репертуара его пьеса «Кабала святош» («Мольер»). В ответ Булгаков прекратил свою служебную деятельность в МХАТ-е и перешел в Большой театр на должность либреттиста. Еще находясь в стенах МХАТ-а, он написал пьесу «Александр Пушкин» (1934-1935). До пьесы о Пушкине была написана также романизованная биография «Жизнь господина де Мольера» (1933).

Издательское объединение «Жургаз», заключившее с Булгаковым договор на создание биографии французского комедиографа XVIII века для серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), не признало объективности изложения. Писатель представил *загадочную* книгу, где объединил через образ рассказчика собственную личность и судьбу с героем книги [Захариева 1991: 21-29]. Отклоненная издательством биография Мольера пополнила список неизданных сочинений в булгаковском архиве и была опубликована впервые лишь в 1962 году.

Вслед за подтекстовым по форме отображением превратностей своего творческого пути в книге о Мольере Михаил Булгаков переключился на предварительное осмысление собственной смерти и судьбы своего неприкаянного литературного наследия в пьесе о Пушкине.

Желая создать впечатление, что он более всего заботится о сохранении духа историзма, Булгаков пригласил в соавторы Викентия Вересаева, автора популярного издания «Пушкин в жизни» (1926-1927). Благоволивший к младшему брату по перу Вересаев ответил согласием, но в дальнейшем отказался от сотрудничества, заметив, что драматург поглощен собственными подтекстовыми идеями и ради них готов пренебречь историзмом¹.

Что же более всего волновало создателя пьесы о смерти Пушкина? Дело в том, что сам он жил в предощущении стремительно надвигающейся смерти. Как профессиональный врач, Булгаков отдавал себе отчет в признаках прогрессирующей у него наследственной болезни – склероза почек. От этой болезни умер в 48-летнем возрасте его отец Афанасий Иванович Булгаков.

В 1932 году в разговоре со своей будущей женой Еленой Сергеевной Шиловской он произнес фразу, поразившую собеседницу: «Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках». Ей пришлось дать клятву. А затем, по ее воспоминаниям, «начиная с года 35-го, он почему-то напоминал мне эту клятву», а «когда наступил 39-й год, он стал говорить: «Ну вот, пришел мой последний год» [Булгакова 1988: 388].

Пьеса о Пушкине, завершенная в 1935 году, при жизни Булгакова не ставилась. За полтора месяца до смерти драматург подписал договор с МХАТ-ом на ее постановку. Первая инсценировка драмы состоялась во время Отечественной войны – в 1943 году. Постановщики дали ей новое наименование: «Последние дни (Пушкин)» [Булгаковская энциклопедия 1988: 13]. Заглавие ориентировало зрителей на верность исторической конкретике – на воспроизведение *реальных событий* жизни и смерти поэта. Между тем архитектура творения, обладающего весомым подтекстовым уровнем, убеждает в глобальности идей драматурга. Номинативное заглавие «Александр Пушкин» свидетельствует о том, что имя указывает – вне каких бы то ни было пояснений – на гениального выразителя национального сознания.

Музыковед А.Гозенпуд аргументированно сравнивал пьесу с Шестой симфонией П.И.Чайковского [Гозенпуд 1988: 158]. Симфония 1893 года (Патетическая) создавалась композитором незадолго до смерти. «Душевные страдания, <...> безотрадное чувство потери всего, чем жил до последней минуты человек, выражалось здесь с силою <...> потрясающею» [Кремлев 1955: 257].

Современники Булгакова, композиторы Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович, (каждый по отдельности) заговорили о возможности создания оперы на основе драмы о Пушкине. Намерения композиторов остались нереализованными, но по ходу анализа мы проследим *тяготение* булгаковской пьесы к музыкальному жанру.

Подобно Шестой симфонии Чайковского, драма «Александр Пушкин» представляет собой целостную четырехчастную композицию. Первое, второе и третье действия содержат по две сцены, а в четвертом действии возникает и третья сцена, играющая роль эпилога. Четыре действия скомпонованы автором как единый смысловой и эмоциональный поток, представляющий скрытое выражение авторской интенции автобиографического естества. «Свет и тьма, правда и кривда, одиночество гения... Вот ради чего писалась пьеса «Пушкин» [Ермолински 1990: 86].

Время действия в произведении исчисляется несколькими днями. В ремарке указано: «...в конце января и в начале февраля 1837 года». Ограниченное сценическое время осложнено двумя контрапунктами: во-первых, заглавием, синонимичным целостной деятельной жизни личности, а во-вторых – продуманным эпиграфом.

В качестве эпиграфа взяты строки из сороковой, завершающей строфы второй главы поэмы А.С.Пушкина «Евгений Онегин»:

И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...

Вторая глава «Онегина» создавалась Пушкиным в 1923 году, когда мысль о значимости написанного выражалась им в пожелательной форме. Такая форма наиболее соответствовала и раздумьям Булгакова о судьбе собственного литературного наследия. Он не познал радости увидеть напечатанными свои основные произведения.

Эпиграф задает тон пьесе, внешний (сюжетный) конфликт которой отодвигается на второй план. Главным оказывается вопрос о нетленности духовных ценностей, созданных Пушкиным. Пушкинские строки в применении к судьбе Булгакова сопоставимы с афоризмом из его романа «Мастер и Маргарита»: «Рукописи не горят».

Относительно Пушкина дуэль на Черной речке в Петербурге – только отправной пункт к духовному воскресению после переправы мертвого тела через Лету – мифическую реку забвения земных дел. Звучащий в эпиграфе мотив судьбы удваивается в авторском подтексте: судьба в одинаковой мере неблагоприятна к позднему Пушкину и к позднему Булгакову.

В книге о Мольере рассказчик настаивал: «Все происходит при свете моих свечей», т.е. изображаемое предстает в свете авторского замысла. Свеча в доме – христианский символ присутствия Божьего духа в домашнем пространстве. Свеча – излюбленный аксессуар творческой ауры для Булгакова. Елена Сергеевна вспоминала, что он любил работать ночью при свечах.

В финале романа «Мастер и Маргарита» героиня говорит герою по пути в желаемый мир: «Смотри, вон твой вечный дом, который тебе дали в награду. <...> ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи» [Булгаков 1990а: 372].

Сцена, вводящая зрителя в пьесу, происходит зимним вечером в гостиной квартиры Пушкина в Петербурге; видна часть кабинета поэта с камином и книжными полками. В гостиной «горят две свечи на стареньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов». Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепиано и напевает: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...».

Хрестоматийно известное пушкинское стихотворение «Зимний вечер» превращено в литературно-музыкальный символ. Оно было написано в 1925 году в период пребывания Пушкина в ссылке в Михайловском и обращено к верному другу – няне Арине Родионовне: «Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?» [Пушкин 1959: т. 2, 113]. Стихотворение не раз перелагалось на музыку, наиболее популярна композиция Александра Алябьева.

Драматург задумывается, в какой эмоциональной атмосфере протекала жизнь Пушкина накануне дуэли, как была воспринята его смерть *своими* и *чужими*, как поступили властвующие *чужие* с его телом и как отнесся к гибели поэта русский народ.

Наблюдаемое нами развитие эмоциональной атмосферы целенаправленно, на наш взгляд, сближает пьесу с музыкальным (симфоническим) произведением. Сближение усиливается на смысловом уровне: автора интересуют общие идеи, связанные с оппозицией *творец/власть*.

Звучащая при открытии занавеса фортепианная мелодия и сольное женское пение воспринимается как структура, «отрешенная от аффектов земного мира», она образует «обособленный мир в себе» [См.: Михов 1993: 28].

В пространстве пушкинского жилья явно намечена оппозиция *свои/чужие*. Мотив семейного уюта в окружении *своих* в первой сцене пресекается вторжением *чужих* в дом поэта. С самого начала зритель наблюдает присутствие часового мастера Биткова, который по заказу жандармского управления неотступно шпионит за Пушкиным в его последние дни. Булгаков чувствителен к детали государственного *надзора*, ибо сам находился в сходной ситуации². Мотив катастрофы усиливается при посещении дома ростовщиком Шишкиным: вскрывается материальная неустроенность семьи Пушкина.

В диалоге камердинера Никиты и Александры Гончаровой тема бедности осложняется мотивом подавленного душевного состояния поэта накануне гибели. Никита, всю жизнь прослуживший своему господину, и Александра, сестра его жены Натальи Николаевны, объединены как носители духа *преданности* Пушкину, сопричастные его трагедии.

Только они двое общаются с «каким-то человеком» в глубине невидимого зрителям кабинета. Именно Александра осеняет крестом на ночь *того*, заболевшего человека в кабинете. Прием отсутствия главного героя в посвященной ему пьесе усиливает гнетущее *ощущение общей утраты*, которое передается автором в зрительный зал.

Носители мотива *сопереживания* Пушкину в переносимых им нравственных страданиях, обострившихся после получения анонимного пасквиля об измене его жены, – так же графиня Александра Кирилловна Воронцова, поэт Василий Андреевич

Жуковский и бывший лицеист Константин Данзас, согласившийся стать его секундантом в дуэльном поединке. Остальные действующие лица пьесы составляют единый лагерь гонителей и хулителей поэта.

Наталья Николаевна Пушкина, в изображении Булгакова, – слепое орудие травли творца. Через образ Натальи развивается мотив красоты как опасного соблазна, сопряженного с угрозой гибели (угроза распространяется и на носителя соблазна). Блестящая московская красавица возражает Жоржу Дантесу, осыпавшему ее комплиментами, в стиле развиваемого автором мотива: «Неужели вам нужна моя гибель?» [Булгаков 1990 б: 283]. В пьесе Наталья выступает антагонистом Александры по линии *сопереживание/равнодушие* к участи поэта.

Наталья в булгаковской пьесе – носительница сумеречной, *лунной* красоты. Барон Геккерен называет ее «северной Психеей» [там же: 295]. Восхищенному ее прелестью императору Николаю Первому она замечает: «Я не люблю дневного света, зимний сумрак успокаивает меня» [там же: 292]. В конце первой сцены в гостиной Наталья «задувает свечи», как бы изгоняя Божий дух из пушкинского домашнего пространства.

Во второй сцене первого действия вечер сменяется «зимним днем» за окном квартиры книголюба Сергея Салтыкова. Во время литературного завтрака хозяин пытается выяснить, кто же в настоящий момент признается первым поэтом России. Из уст драматурга Нестора Кукольника он слышит мнение о том, что «лучшим отечественным поэтом» считается Владимир Бенедиктов, присутствующий на завтраке.

В оценках Пушкина Кукольник объединяет стереотипные суждения враждебной поэту критики: «У Пушкина было дарование... Но он растратил, разменял его! <...> Он стал бесплоден, как смоковница... <...> Единственное, что он сохранил, это самонадеянность» [там же: 290]. Палач Пушкина Дантес с подобным же высокомерием отзывается о Пушкине-литераторе («У него плохой стиль, я всегда это утверждал» [там же: 307]).

Справедливость в оценке первого поэта России восстанавливается графиней Воронцовой, утверждающей несомненное превосходство Пушкина над современными литераторами. Монолог Воронцовой в защиту Пушкина приложим и к Булгакову, о котором к тому времени из десятков ругательных рецензий только три оказались одобрительными. Воронцова сожалеет о том, что «...немногим дано понимать превосходство перед собой необыкновенных людей...» и поражается тому, «как чудесно в Пушкине соединяется гений и просвещение...» [там же: 290]. При этом она добавляет (что применимо и к Булгакову): «Но, увы, у него много завистников и врагов...» [там же].

Сцена литературного завтрака у Строганова разыгрывается в пьесе в сниженной фарсовой манере, напоминающей сборище литераторов МАССОЛИТ-а в романе «Мастер и Маргарита». В романе поэт Рюхин, член массовой литературной организации, завидует памятнику Пушкину в центре Москвы («чугунному человеку»): «Вот пример настоящей удачливости... Какой бы шаг ни сделал в жизни, <...> все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенного есть в этих словах: “Буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло!» [Булгаков 1990 а: 73]. Поразительно, что в романе упоминается стихотворение-рефрен из пьесы «Александр Пушкин».

Во втором действии пьесы совершается резкая смена обстановки: вместо скромной пушкинской гостиной со «стареньким фортепиано» демонстрируется «великая роскошь» во дворце Воронцовой. «Зимний сад. Фонтан. <...> Издалека доносится стон оркестра...» (вместо фортепианной сольной мелодии – оркестровое многозвучие). На фоне великосветского раута в глубине сцены, у колоннады

появляется фигура в черном фраке – вместо требуемого для подобных сборищ придворного мундира, – вызывающая гнев императора Николая Первого. Властелин недоволен не только независимым поведением Пушкина, но и его стихами, верностью друзьям-декабристам и особенно – работой над «Историей Пугачева», поскольку «Злодей истории не имеет» [Булгаков 1990 б: 293].

Реплики царя эксплицируют ощущения кастового превосходства в придворных кругах по отношению к неимущему камер-юнкеру. Драматург дает понять неспособность ортодоксального общества оценить гения. Размышления на эту тему нашли место и в романе «Мастер и Маргарита», когда герой называет себя Мастером – в отличие от окружающих писателей.

Олицетворяет ненависть к гению в пьесе хромой князь Петр Долгоруков – объект едкой пушкинской эпиграммы. Он считался автором и распространителем пасквиля, порочащего семью поэта.

Долгоруков сравнивает Пушкина с волком («...глаза горят, как у волка...»). Вдохновляющий князя сюжет травли поэта получает параллель – облава на волка. Тот же отталкивающий персонаж и мотивирует облаву: «Падение нравов – таков век...» [там же: 297].

Мотив *травли волка* в пьесе усиливается в третьем действии, когда на сцену выводятся палачи Пушкина – посол Голландии в России Геккерен и его приемный сын Жорж Дантес. Проясняется причина затеянной Дантесом любовной интриги с женой Пушкина – причина в подавляющей его невыносимой скуке в сумрачно холодной России: «Снег, снег, снег. Что за тоска. Так и кажется, что на улице появятся волки» [там же: 306]. В реплике Дантеса образ волка вторично проникает в пьесу, а в третий раз педалируемый автором метафорический образ проскальзывает описательно. Геккерен, вспоминая возбужденное состояние оскорбленного поэта, воскрешает приметы волка: «У меня до сих пор в памяти лицо с оскаленными зубами» [там же: 308].

Образ подверженного травле одинокого волка Булгаков использовал в 1931 году в письме к И.В.Сталину. Отчаявшийся писатель сравнивал себя с волком: «На широком поле словесности российской в СССР я был единственный литературный волк. <...> Со мной поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе» [Булгаков 1989: 95].

Так что мотив *травли волка* в пьесе несет в себе явный автобиографический подтекст. Наиболее живая литературная ассоциация для Булгакова, по-видимому, есенинский образ: «Так охотники травят волка, зажимая в тиски облав». Стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу...» вошло в есенинский сборник «Москва кабацкая» (Ленинград, 1924).

Наперекор гонителям Пушкина его давний друг поэт Василий Андреевич Жуковский, ставший воспитателем детей Николая Первого, пытается защитить независимое поведение новоявленного камер-юнкера при дворе. К императору обращены его слова: «...будьте снисходительны к поэту, который призван составить славу отечества...» [Булгаков 1990 б: 293]. Помня об эпистолярной связи Булгакова со Сталиным, мы улавливаем пульсирующую мысль автора, связанную с современностью и с собственной злосчастной участью.

Сцена великосветского бала во втором действии сменяется ночным бдением в жандармской канцелярии. Преобладающим во второй картине оказывается мотив *предательства Иуды* в лице вездесущего Биткова, промышляющего слежкой за Пушкиным и полицейскими доносами на него, что не мешает ему декламировать пушкинские стихи.

Когда заходит речь о вознаграждении за службу, жандармский офицер Дубельт приказывает выписать Биткову тридцать рублей. В ответ на просьбу доносчика об увеличении суммы Дубельт цитирует Евангелие: «Иуда Искариотский иде ко архиереям, они же обещахша сребреники дати...» И было этих сребреников, друг любезный, тридцать. В память его всем так и плачу» [там же: 301]³.

Битков вынужден согласиться на сумму, имитирующую вознаграждение антигерою Евангелия Иуде за предательство по отношению к Христу. В романе «Мастер и Маргарита», в главе двадцать шестой («Погребение») уточняется сумма за «Иудино предательство»:

Афраний вынул из-под хламиды заскорузлый от крови кошель, запечатанный двумя печатями.

– Вот этот мешок с деньгами подбросили убийцы в дом первосвященника. Кровь на этом мешке – кровь Иуды из Кириафа.

– Сколько там, интересно? – спросил Пилат, наклоняясь к мешку.

– Тридцать тетрадрахм.

Прокуратор усмехнулся и сказал:

– Мало [Булгаков 1990 а: 311].

При мотивной перекличке пьесы с романом реальный факт предательства по отношению к Пушкину еще более убедительно соизмеряется с предательством Иисуса Христа Иудой. (А судьба Пушкина – подразумеваемая калька судьбы Булгакова.)

О смехотворности деятельности доносчика Биткова говорит спровоцированный им срочный розыск англичанина Вильяма Джука. Зловещая фигура оказалась всего лишь шуточной подписью В.А.Жуковского в его записках Пушкину.

Расширение евангельской тематики совершается экспликацией идейной основы стихотворения Пушкина «Мирская власть» (1936), вызвавшего неприятие цензоров. Поэт повествует о том, как полицейские служители ограждают от «простого народа» картину Карла Брюллова «Распятие» с изображением жертвы Иисуса, «чья казнь весь род адамов искупила» [Булгаков 1990 б: 303; Пушкин 1959: т. 2, 453].

Евангельская тематика Брюллова в «Распятии» подключается к идее добровольного пожертвования долголетием и благополучием в жизни как Пушкина, так и самого Булгакова.

В момент, когда Дантес принимает решение вызвать Пушкина на дуэль, усиливается мотив нарастающей снежной вьюги за окнами его дома – в унисон с лейтмотивным стихотворением «Зимний вечер».

Во второй сцене третьего действия дуэль становится реальностью, но поединок совершается за пределами сцены. В окружающей обстановке (как и в начале пьесы) преобладают мотивы природной (и метафизической) *тьмы*: «Темно. Из тьмы багровое зимнее солнце на закате. Ручей в сугробах. Горбатый мост». Появившийся на мосту Дантес, с раненой рукой, успокаивает Геккерена следующим образом: «Он больше ничего не напишет» [Булгаков 1990 б: 309].

Фраза убийцы Пушкина призвана доказать политическую подоплеку кровавого поединка, а с образом «зимнего солнца на закате» ассоциируются крылатые слова из журнальной печати, вызвавшие недовольство царя: «Солнце нашей поэзии закатилось...».

В письме к другу П.С.Попову в 1932 году Булгаков связывал свой конец с пушкинским: «Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пушечную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине» [Булгаков 1989: 226]. Сравнение, возможно, пришло по ассоциации со строками из стихотворения Сергея Есенина

«Письмо матери» (1924): «Будто кто-то мне в кабацкой драке / Саданул под сердце финский нож». Для Булгакова травля критиков и бесконечная игра с разрешением и последующим запрещением его театральных постановок была равнозначна криминальным разборкам.

Следуя движению календарного времени в день дуэли, во второй картине третьего действия – при перенесении места событий в дом Пушкина – ремарка гласит: «Темно. Из тьмы – зимний день к концу. <...> [У] кабинетного камина в кресле – Никита, в очках, с тетрадью». Никита читает пушкинское стихотворение «Пора, мой друг, пора!» [Пушкин 1959: т. 2, 387]. Послание 1834 года обращено, по всей вероятности, к жене и выражает настроение, владевшее поэтом в тот период, – желание уйти в отставку и уехать с семьей в деревню («Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег»). На полях черновика им нарисован профиль Натальи Николаевны, а в письме к жене от 26 мая 1834 года выражено то же самое намерение: «...надобно будет, кажется, выдти мне в отставку... <...> Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? Что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?» [Пушкин 1987: 58].

Речь о необходимой для измученного Пушкина перемене места жительства заводит Никита в начале пьесы – возникает мотив, призывающий к спасению затравленного человека от губельного пространства Петербурга: «...поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово» [Булгаков 1990 б: 279]. Призыв обращен к Александре Гончаровой, готовой согласиться, но встречает сопротивление жены Пушкина: «Покинуть столицу? <...> Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне...» [там же: 281]. Мотив осложняется тональностью контраста – *соучастие/равнодушие* к душевному состоянию поэта.

В третьем действии Никита подтверждает подавленность духа Пушкина в Петербурге. Произнося строки из стихотворения «На свете счастья нет, но есть покой и воля», он как бы удваивает тональность строк подтверждением: «Да, нету у нас счастья...».

Как сообщил вездесущий Битков, стихотворение «Пора, мой друг, пора!..» читал своим гостям и Василий Андреевич Жуковский («Одобрительный отзыв дали. Глубоко, говорят»). Мотив *соучастия* в судьбе поэта ведется Жуковским с отклонениями – с выражением недовольства по поводу его дерзкого поведения при дворе («Сечь его, драть!»).

В третьем действии Жуковский наносит визит в дом Пушкина. От выдающегося поэта-современника исходит высокая оценка пушкинского творчества в целом: «Как черпает мысль внутри себя! И как легко находит материальное слово, соответствующее мысленному!» [там же: 314]. Подобренные автором слова Жуковского о Пушкине вполне приложимы и к методу самого Булгакова – прозаика и драматурга.

Далее в третьем действии – в отсутствии Пушкина – развивается мотивный сюжет предощущения поэтом собственной гибели на дуэли.

Данный мотивный сюжет развивается оригинально. Александра Гончарова предлагает Жуковскому *погадать* по новейшему изданию «Евгения Онегина» – на какой странице и какие выпадут строки. Дважды выпадают строки из шестой главы поэмы, описывающей дуэль Ленского с Онегиным: из строфы XLIV – «Познал я глас иных желаний, / Познал я новую печаль...»; из строфы XXXIII – «Приятно дерзкой эпиграммой / Взбесить оплошного врага...». Соединение мотива душевной неудовлетворенности с мотивом неослабевающего нравственного сопротивления совершается в эпиграфе к главе шестой «Онегина» (в оригинале на итальянском языке, с русским переводом из Франческо Петрарки): «La sotto I giorni nubilosi e brevi, / Nasce

una gente a cui l'morir non dole» («Там, где дни облачны и кратки, / Родится племя, которому умирать не больно» [Пушкин 1959: т. 4, с. 112].

Угаданные Жуковским строки из «Онегина» выражают внутренне противоречивую гамму настроений поэта накануне дуэли.

Мотив отсутствия счастья в пушкинской семье, поднятый Никитой в начале третьего действия, исчезает, а затем вновь всплывает в диалоге сестер. На вопрос Александры: «Неужели ты не видишь, что он несчастлив?» жена Пушкина возражает: «Почему никто и никогда не спросил меня, счастлива ли я?» Ответ Гончаровой лаконичен: «Мне больно за семью...» [Булгаков 1990 б: 315].

Насчет любви поэта к женщинам, включительно к жене, мы соглашаемся с автором книги «Дон-Жуанский список Пушкина» П.Губером: «...из всех многочисленных любовных увлечений <...> нельзя указать ни одного, которое подчинило бы вполне душу Пушкина. Он признавался в любви многим, но в действительности <...> любил по-настоящему только свою музу» [Губер 1923: 286-287]. Любовные увлечения питали его лирику.

Несомненную причину дуэли высказал непосредственно после ее свершения молодой М.Ю.Лермонтов: «Не вынесла душа Поэта / Позора мелочных обид, / Восстал он против мнений света / Один, как прежде... и убит!»⁴ [Лермонтов 1957: 7; Булгаков 1990 б: 321]. Лермонтовское стихотворение «На смерть поэта» в булгаковской пьесе читает один из скорбящих студентов перед домом Пушкина. В лермонтовском духе отозвалась Анна Ахматова на кончину Булгакова в рукописном некрологе 1940 года («Памяти М.А.Булгакова»): «Ты так сурово жил и до конца донес / Великолепное презренье» [Ахматова 1990: 250].

Доминантный для третьего действия драмы мотив обделенности поэта счастьем педалируется звучащей в декламации Никиты строкой из стихотворения «Пора, мой друг, пора!..»: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Разворот событий в драме показывает, что для Пушкина уже недостижимы ни *покой*, ни *воля*.

Когда в дом вносят смертельно раненого поэта, реплика сопровождающего его секунданта Данзаса звучит обобщающе: «Велите дать огня». При этом «Пушкина сидит неподвижно», а Гончарова восклицает: «Огня! Огня!». В нашем воображаемом переводе на язык музыки звучат два *разнящихся тона*.

Призыв лицейского приятеля Пушкина «дать огня» возвращает ассоциативное сознание образованных зрителей к пушкинской «Вакхической песне» (1925) поры расцвета его молодости:

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма! [Пушкин 1959: т. 2, 98]

Выбор секунданта Пушкиным не был плодом случайности. «Поэту нужен был в качестве секунданта человек верный, <...> и вместе с тем далекий от <...> светской черни, которая смаковала подробности преддуэльной истории...». Таким был лицейский товарищ поэта Константин Данзас. Вместе с Пушкиным он участвовал в праздновании годовщины 19-го октября 1936 года – «в день 25-летия Лицея» [Друзья Пушкина 1984: 538-539].

Поэт проводил поединок с великосветской чернью обдуманно.

Несмотря на призывы «Огня!», в конце третьего действия дом Пушкина погружается во тьму. Авторская ремарка гласит: «Темно. Занавес».

Тьма властвует и в первой сцене четвертого действия. Обстановка подтверждает факт смерти хозяина дома: «Ночь. Гостиная Пушкина. Зеркала завешены. Какой-то ящик, солома. <...> С улицы доносится по временам глухой гул толпы». Упоминание слова *солома* вызывает ассоциацию с ожиданием рождения Христа. Жуковский появляется «со свечкой», «ставит свечку на фортепиано». Ремаркой к первой картине четвертого действия опровергается мотив духовного одиночества Пушкина в стране.

«Гул толпы» – это голос народа. Неожиданно обнаруживается, что гонимый и презираемый царским двором Пушкин для народного множества – верховный выразитель его чувств и настроений.

Для Натальи Николаевны – непосредственно после гибели поэта – начинается духовная *вечность*, требующая от нее *искупления* нравственной вины (хотя и невольной), как в случае с Пилатом в романе «Мастер и Маргарита».

Жуковский с чуткой проникновенностью описывает ее положение и состояние: «Женщина, скорбная главой... Ведь ее заключают теперь, заключают...» [Булгаков 1990 б: 318]. Затем Жуковский во второй раз предрекает нетерпимость потомства к Наталье Пушкиной: «...ее люди загрызут теперь» [там же: 319]. Намечается упомянутая параллель: жена оказалась *непредумышленным* палачом гения. Как и булгаковскому Пилату, ей предстоит отвечать перед судом вечности. Не только прямой, но и метафорический смысл заключен в ее реплике: «Я не виновата! Клянусь, я не виновата!» [там же: 316]⁵.

В.А.Жуковский – носитель мотива *засвидетельствования* любви народа к Пушкину и скорби по поводу его кончины. Жуковский констатирует: «Всенародная печаль... Я полагаю, десять тысяч перебивало сегодня здесь...», на что жандармский шеф Дубельт уточняет с полицейским рвением: «По донесениям с пикетов, сегодня здесь перебивало сорок семь тысяч человек». *Здесь* – это у дома Пушкина.

На протяжении всей второй сцены четвертого действия звучит церковное панихидное песнопение, служащее звуковым фоном. Мерный звуковой фон взрывается «звоном стекла и шумом» [там же: 320], что заряжает конфликтностью звуковую оркестровку сцены.

Сквозной мотив второй картины выражен в возгласе возмущения, исходящем от безымянного студента: «Почему русские не могут поклониться праху своего поэта?» [там же: 321].

Власти тайно вывозят тело Пушкина из Петербурга для захоронения в Святогорском монастыре.

Событие третьей, заключительной картины четвертого действия происходит на «глухой почтовой станции» (невольно припоминается пушкинская повесть 1825 года «Станционный смотритель»). Смотровитель с женой принимают тех, кто сопровождает тайный груз. В числе сопровождающих – неусыпный наблюдатель за происходящим Битков, верный слуга Пушкина Никита, друг поэта Александр Тургенев и жандармы.

Звуковой фон инсценировки меняется: «Пение постепенно переходит в свист вьюги». Ночная *тьма* прорезывается *световыми* бликами («Свеча. Огонь в печке»).

Вопросы жены смотрителя к проезжающим группируются вокруг темы «Кого везете?» и напоминают наивный тон Иешуа Га-Ноцри в сцене разговора с Понтием Пилатом о том, признает ли он свою вину («Мастер и Маргарита»).

В пьесе удивление простой женщины связано с тем, что, выходит, казнили человека за то, что он писал стихи, и продолжают следить за ним после его смерти («Да ведь теперь-то он помер, теперь-то вы чего за ним?..» [там же: 325]).

Битков декламирует «под занавес» полюбившиеся ему строки из «Зимнего вечера»: «То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...».

Пушкинское стихотворение воспроизводится Битковым *трижды*: в доме поэта (в первом действии), в жандармской канцелярии (во втором действии) и в домишке зрителя (в финале). Внимание тайного шпиона к поэзии Пушкина, в интерпретации Булгакова, подобно поцелую Иуды, предавшего Христа, и трикратному отречению от Спасителя одного из его учеников.

«Буря мглою небо кроет...», известное каждому русскому с самых ранних лет, проходит через всю пьесу то в декламации, то в песенном исполнении. Мотив «Зимнего вечера» усиливает музыкальную тональность драмы и ее эмоционально-психологическую настроенность прощания с пушкинской поэтической аурой.

Валентин Катаев в книге беллетризованных мемуаров «Алмазный мой венец» (1975-1977) вывел своего литературного современника Михаила Булгакова под кличкой *синеглазый*. Он писал: «Впоследствии романы и пьесы синеглазого прославились на весь мир, он стал общепризнанным гением, сатириком, фантастом...»; «Создавалось такое впечатление, что лишь одному ему открыты истины не только искусства, но и вообще человеческой жизни»; «Его моральный кодекс как бы безоговорочно включал в себя все заповеди Ветхого и Нового заветов» [Катаев 1979: 63, 65].

Для авангардистов, к которым причислял себя Катаев, явление Булгакова воспринималось как некий анахронизм. Писатель двигался (и в драматургии, и в прозе) в русле испытанных эстетических традиций, потому и непоколебимо было его новаторство.

Специфику булгаковского творчества в 1930-е годы потомкам предстоит выяснять по линии распознавания метафоризированного смысла авторского *самовыражения*. Как художник слова, он был поставлен перед двусторонней проблемой: *не могу молчать/ не могу говорить*. После пьесы «Александр Пушкин», не удовлетворившись косвенной аналогией с историей драматургии Мольера, он создает в 1936-1937-ом годах произведение на более явной автобиографической основе – «Театральный роман (Записки покойника)». Мотивы книги о Мольере распознаются и дублируются в последнем романе – прощальной струе булгаковского лиризма.

Роман «Мастер и Маргарита», книга «Жизнь господина де Мольера», драма «Александр Пушкин» – опорные вехи авторского самовыражения посредством системы объективированных образных форм. Творчество *с подтекстом* поддерживало в нем веру в духовное бессмертие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: «В письме от 19 декабря 1935 года Вересаев сообщает Булгакову о том, что снимает свое имя с пьесы “Александр Пушкин” и просит известить об этом театры. Автором остается один Булгаков» [Кириленко 1988: 476-477].
2. «Первое упоминание в донесении неизвестного осведомителя ОГПУ о работе Булгакова над ранней редакцией будущего романа “Мастер и Маргарита” датировано 28 февраля 1929 г.» [Булгаковская энциклопедия 1988: 540].
3. См.: «И пошел Иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им»; «Они же услышавши обрадовались и обещали дать ему сребреники» (Новый Завет. Евангелие от Марка, гл. 14, ст. 10, 11) [Библия 1968-1976: 56].
4. Голос Лермонтова в русской поэзии зазвучал с этого стихотворения.

5. В главе второй романа Булгакова «Мастер и Маргарита» («Понтий Пилат») показано, что причастность к гибели Иешуа грозит ему возмездием в веках: «Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: “Погиб!”, потом: “Погибли!..”. И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то бессмертии, причем бессмертие почему-то вызвало нестерпимую тоску» [Булгаков 1990 а: 31].

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова 1990 – *Ахматова А.* Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1990.
- Библия 1968-1976 – Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением. М., 1968-1976.
- Булгаков 1989 – *Булгаков М.* Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989.
- Булгаков 1990 а – *Булгаков М.А.* Собрание сочинений в пяти томах, т. 5. М., 1990.
- Булгаков 1990 б – *Булгаков М.* Избранные произведения. Киев, 1990.
- Булгакова 1988 – *Булгакова Е.С.* О пьесе «Бег» и ее авторе // Воспоминания о Булгакове. М., 1988.
- Булгаковская энциклопедия 1988 – Булгаковская энциклопедия. М., 1988.
- Гозенпуд 1988 – *Гозенпуд А.* «Последние дни (Пушкин)» // М.А.Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988.
- Губер 1923 – *Губер П.К.* Дон-Жуанский список Пушкина: Главы из биографии. СПб.: Петроград, 1923.
- Друзья Пушкина 1984 – Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. В двух томах, т. II. М., 1984.
- Ермолински 1990 – *Ермолинский С.* Из записок разных лет. («Михаил Булгаков»). М., 1990.
- Захариева 1991 – *Захариева И.* Особенности книги М.Булгакова о Мольере // Болгарская русистика, 1991, № 5/6.
- Катаев 1979 – *Катаев В.* Алмазный мой венец. М., 1979.
- Кириленко 1988 – *Кириленко К.* М.А.Булгаков и В.В.Вересаев // М.А.Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988.
- Кремлев 1955 – *Кремлев Ю.* Симфонии П.И.Чайковского. М., 1955.
- Лермонтов 1957 – *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в четырех томах, т. 1. М., 1957.
- Михов 1993 – *Михов А.Е.* Ранний романтизм в поисках музыки. М., 1993.
- Пушкин 1959 – *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. М., 1959.
- Пушкин 1987 – *Пушкин А.С.* Письма к жене. Серия «Литературные памятники». Л., 1987.

Бактыгул Алиев (Канада)

ИСТИНА И БАСНИ В *БОРИСЕ ГОДУНОВЕ* А.С.ПУШКИНА: ИРОНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ФИЛОСОФИИ И РИТОРИКИ

Цель настоящей работы состоит в выявлении философской системы в пьесе Александра Пушкина *Борис Годунов*. Пушкин не оставил после себя какого-либо философского наследия – он был прежде всего литератором и поэтом. Тем не менее, в *Борисе Годунове* в литературной форме обыгрываются фундаментальные философские постулаты, восходящие к основателям западной философии Сократу и Платону. Сравнительный анализ *Бориса Годунова* с диалогом Платона *Горгий* позволяет выявить философский подтекст пушкинской пьесы. Философская проблема пьесы Пушкина может быть обозначена как противостояние философии и риторики в их отношении к истинному знанию. Царь Борис и Самозванец Григорий противостоят друг другу не просто как два претендента на трон, но и как философ и риторик.

Чтобы не быть голословным, я предпочел анализировать философию пьесы не на обширном философском материале вообще, но на примере конкретного философского и драматургического текста¹. Но это не значит, что мой анализ ограничивается контекстом данного диалога Платона, так как философские понятия *Горгия* распространяются на платоновские диалоги вообще и выходят далеко за рамки античности, имея прямое отношение к философским вопросам во времена Пушкина, таким, как романтическая ирония.

Творчество Пушкина хронологически следует за появлением в Европе интеллектуальных течений, связанных с немецким романтическим кружком братьев Фридриха и Огюста Шлегелей. Фридрих Шлегель опубликовал свои критические *Фрагменты* на стыке XVIII-го и XIX-го веков и положил начало тому кругу идей, которые впоследствии стали собирательно называться «романтической иронией». Шлегель во многом отталкивался от диалогов Платона, находя в сократовской иронии прототип иронии современного человека².

Фридрих Шлегель обогатил понятие иронии, превратив ее из риторического приема, из сократовской ловушки для собеседника в философский принцип современности. До Шлегеля ирония имела узкий смысл риторического приема, позволяющего человеку сказать противоположное тому, что он на самом деле думает [Behler 1990: 76]. Шлегель идет дальше: у него ирония приобретает свободу не означать что-то определенное вообще, включая противоположный смысл того, что сказано. Согласно Шлегелю, современный человек не может не быть ироничным, так как он осознает ограниченность своих знаний, как когда-то провозгласил Сократ: «Я знаю, что я ничего не знаю». Фигура Сократа была знаковой как для Шлегелей, так и для последующих теоретиков иронии в культуре и литературе, таких, как Сорен Кьеркегор³.

Исследователи творчества Пушкина неоднократно прибегали к понятию «романтической иронии». Так, Рабинович, изучая параллели между «Пиром»

Платона и «Пиром во время чумы» Пушкина, указывает на романтическую иронию как связующее звено. Он утверждает, что учение об иронии было знакомо Пушкину не из работ Платона, но из трудов немецких романтиков. Рабинович указывает на «отсутствие всяких данных даже о чтении Пушкиным Платона» и предлагает тезис о том, «что в 30-е годы Пушкин был очень близок к идеям хотя бы тех же Шлегелей» [Рабинович 1972: 469]. Рабинович предпочел не анализировать «весь имеющийся материал», сославшись на две работы, упоминающие романтическую иронию Пушкина [там же].

К сожалению, «весь материал» (если под материалом подразумевать готовые исследования, а не сырой материал) довольно скуден. Ван Скохенвельд описывает композиционный прием «приманки и отказа» у Пушкина и, не представив каких-либо доказательств, заявляет, что «мотивировка такой игры – романтическая ирония» [Схоневельд 1956: 584]. Гинзбург видит романтическую иронию как признак переходного периода от классицизма к реализму. «Тут нужна была промежуточная инстанция, и такой именно инстанцией на пути от абстрактного к конкретному, от условного к реальному оказалась романтическая ирония» [Гинзбург 1987: 69]. Гинзбург находит «реалистические потенции» в ироническом стиле Пушкина на примере *Евгения Онегина* [там же: 70]. Статья Гордина прослеживает влияние иронического сказа басен Крылова на поэмы начала 1830-х годов Пушкина. Новшеством Пушкина явилось то, что у Пушкина ироничен не сам писатель, как это было у Крылова, но рассказчик (иными словами, у Крылова была тождественность между автором и рассказчиком, а у Пушкина эти два понятия расходятся). В результате герои Пушкина обретают автономное, независимое от автора существование в поэмах «Домик в Коломне» и «Езерский» – к такому выводу приходит Гордин. Среди западных исследователей Гринлиф подчеркивает значение идей Шлегеля о «романтическом субъекте» для изучения творчества Пушкина в целом [Greenleaf 1994: 39]. Вообще, сравнение с идеями Шлегеля встречается во многих исследованиях, посвященных Пушкину. Но когда дело доходит до детального анализа текста, исследователи останавливаются на *Евгении Онегине*, этой кладези разных форм иронии (авторской, лексической, романтической и т.д.). Интересная работа Гринлиф не составляет исключения в этом плане.

Я разделяю мнение тех, кто пишет о большом значении романтической иронии для исследования творчества Пушкина. Мне кажется, понятие романтической иронии действительно помогает вскрыть некоторые интересные аспекты творчества Пушкина. Но такое сравнение затрудняется тем, что у Шлегеля не находится стройной и единой концепции романтической иронии (сам термин стал употребляться позже и стал накладываться на интеллектуальное наследие Шлегеля). Исследователи, акцентирующие романтическую иронию Пушкина, могут лишь описывать сходство некоторых идей Шлегеля и определенных элементов поэмы Пушкина. О прямом влиянии немецкого романтизма на Пушкина можно говорить, в лучшем случае, опосредованно. Так, Рабинович, говоря о связи Пушкина с немецким романтизмом Шлегеля, вынужден ограничиться общими ремарками: «[Пушкин] был хорошо знаком с творчеством немецких романтиков, и здесь совпадение взглядов было естественным и осознанным. Немецкие романтики были старшими современниками Пушкина. Что было заимствовано им, а что

явилось результатом сходной эволюции – не столь важно – ведь заимствуется только то, что усваивается как свое» [Рабинович 1972: 469].

Немного противореча выкладкам Рабиновича, Гринлиф отмечает, что Пушкин был мало осведомлен о немецкой романтической мысли. Тем не менее, в процессе подготовки к написанию *Бориса Годунова* Пушкин заказывает копию *Курса лекций о драматическом искусстве и литературе* Огюста Шлегеля [Greenleaf 1994: 160]⁴. Роль этой книги в формировании литературных взглядов Пушкина остается неизвестной, но она могла привлечь внимание Пушкина хотя бы тем, что затрагивала творчество Шекспира, которым он интересовался [там же].

Подводя предварительный итог обзора литературы, можно сказать, что проблема иронии вообще и романтической иронии в частности в пьесе Пушкина *Борис Годунов* практически не изучена. Более того, не существует единого подхода к данной проблеме, что объясняется признанной сложностью определения понятия иронии. Во избежание разногласий в интерпретации идей Шлегеля и Кьеркегора в отношении понятия *романтическая ирония* (такие разногласия вполне легитимны, но выходят за рамки данной работы) я предпочитаю обратиться к одному из первоисточников – диалогу Платона *Горгии* для выведения из него понятия иронии и применения этого понятия к тексту *Бориса Годунова*.

В *Горгии* Платон показывает спор философа Сократа с риториком Горгием. Согласно определению Горгия, риторика – это искусство «убеждать посредством речи судей на судах, советников в собраниях <...> и в любом другом обществе» [Plato 1998: 33]. В определении Горгия риторика является эффективным инструментом для представления тех или иных точек зрения в политических собраниях. Если риторика ставит целью убедить слушателя в целесообразности того или иного решения, то философия ставит задачей исследовать сами принципы, по которым принимаются решения.

Отличительная черта *Горгия*, как и многих других диалогов Платона, в том, что ни одна из представленных сторон не способна победить в споре. Каждая сторона, будь то философ или риторик, представляют аргументы, которые не проводят четкой грани между риторикой и философией [McCoу 2008: 86]. Едва ли возможно провозгласить победителя, когда нельзя отличить одного соперника от другого. Дело в том, что философы должны прибегать к риторике при изложении своих идей и аргументации своих позиций. С другой стороны, риторика также неотделима от философии в использовании логических доводов и постулатов: «Plato sees rhetoric as sharing a sufficient number of characteristics with the philosophical, such that it also forces us to ask further critical questions about the nature of reasoning, the value of the intellectual life, the consistency of belief, and the like. There is no final or complete distinction between philosophy and rhetoric in the *Gorgias* because a key part of Platonic philosophical activity is to continue to test philosophy itself» [там же: 109].

Трудность разделения философии и риторики у Платона усугубляется самим жанром диалога, в котором выполнены его работы. Тот факт, что Платон использовал именно диалог (именуемый некоторыми исследователями жанром платоновского диалога) для обсуждения философских проблем, оттеняет и подчеркивает его философские взгляды. В диалоге философская истина достигается не раз и навсегда, но всегда с определенной долей условности. Эта

условность характеризуется обстоятельствами места и времени диалога: биография участников, исторический фон, эмоциональная окраска речи и т.п. Иными словами, диалог подразумевает сопоставление точек зрения конкретных людей со всеми «отягчающими» человеческими обстоятельствами, а не трансцендентный обмен чистыми идеями⁵.

Драматическое искусство по своей природе во многом зависит от диалога как основного события на сцене. Но в *Борисе Годунове* диалогичность выходит за рамки разговора между двумя и более персонажами и приобретает структурный характер⁶. Это позволяет говорить о жанровой связи платоновских диалогов и пушкинской пьесы⁷. Как в платоновских диалогах подчас трудно установить правоту того или иного персонажа, так и в *Борисе Годунове* нет «поэтического центра» как главного героя или темы [Clayton 2004: 52]. С точки зрения развития децентрализованного диалогичного изображения, пьеса *Борис Годунов* явилась важной вехой в литературной биографии Пушкина. «Пушкин порывает с монологическим мышлением, осознав свое истинное мировосприятие и мышление в их диалогической природе» [Непомнящий 1983: 215]. При этом тенденция к диалогизму обозначилась у Пушкина еще до *Бориса Годунова* в поэмах *Цыгане*, *Руслан и Людмила* и стихотворении «Разговор поэта с книгопродавцем» [Clayton 2004: 52; Непомнящий 1983: 216-217].

Диалогичность *Бориса Годунова* имеет прямое отношение к проблеме различия между философией и риторикой. Как я уже отметил выше, диалогичность подразумевает ограниченность и условность любой точки зрения. В *Борисе Годунове* это выражается в периферийности изображения. Одни из самых главных событий пьесы, такие как убийство царевича в Угличе или вход Самозванца в Москву, происходят вне сцены. Читатель или зритель вынужден домысливать и достраивать в своем воображении ход опущенных событий и наблюдать за происходящим не с фронтальной, а с периферийной позиции. Например, об общем положении дел в стане Годунова мы узнаем вместе с Самозванцем от плененного русского солдата (сцена 20: Севск). Что бы ни сказал пленник – это информация из вторых рук, опосредованная и представленная в виде домыслов и обрывочных фраз.

Диалогичность пьесы обнажает ограниченность единичной точки зрения, показывая заблуждения персонажей и заставляя читателя подумать о своих потенциальных заблуждениях. Царь Борис умирает, отдав последние наставления и услышав клятвенные заверения своих ближайших подданных о верности Феодору Годунову. Налицо заблуждение титульного персонажа – то ли искреннее, то ли от безысходности. Позже, когда Самозванец уже вошел в Москву, Феодор и его сестра Ксения видят в окно, как к ним идут «бояре». Феодор наивно комментирует: «Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы» (448)⁸. Несколько кинематографическими репликами-картинками спустя (все в рамках одной сцены – в этом сказывается невозможность театральной постановки пьесы) оказывается, что Феодор и Ксения «отравили себя ядом» (450). Характерность этой сцены в том, что ни читатель-зритель, ни Феодор, ни народ не знают и не видят, что происходит. Пьеса как бы заставляет читателя осознать ограниченность как своей точки зрения, так и точек зрения отдельных персонажей.

Вопрос о том, *что* же происходит на самом деле, *что* мы наблюдаем с осознанно-ограниченной точки зрения, – есть вопрос философский по существу. Само по себе событие – суть философия; а то, как оно преподносится, как показывается, насколько полно, опосредовано или фрагментарно – суть риторика. В *Борисе Годунове* нет прямого пути к философской истине (как правды о вине Годунова, о том, что же еще могло происходить важного, что нам не было показано, и т.п.), но есть лишь риторические способы описания, которые не только проливают свет на события и рассказывают о них, но и многое скрывают и маскируют важнейшие детали. В этом пьеса Пушкина подходит близко к диалогичной структуре платоновских диалогов: «...philosophical discovery is always a process of becoming and not being: any expressions of truth will always be in part poetic, historical, and limited rather than presented in a transparent, ahistorical, and complete logos. Philosophy exists precisely in this tension between the universal and the particular, between the world of the forms [т.е. чистые идеальные формы вне опыта – Б.А.] and that of human discourse and desire. For this reason, the philosophy within Plato's dialogues is always rhetorical...» [McCoy 2008: 19].

Итак, философия и риторика неотделимы в философии Платона. Представление философского спора, который в принципе не может быть разрешен ни в ту, ни в другую сторону, – есть признак платоновской иронии [там же: 86]. Подобная ирония присутствует также в *Борисе Годунове*, если рассматривать противостояние царя Бориса и самозванца Григория не просто как борьбу двух претендентов на царский трон, но и как спор философа с риториком. При этом диалогичность этого спора указывает на зыбкую границу между противоположными сторонами. Как Борис может выступать в роли философа, так и Гришка Отрепьев имеет свою философию. И наоборот, оба персонажа обладают достаточным арсеналом риторических средств для достижения своих целей, а потому могут по праву называться риториками.

Царь Борис Годунов и его политический соперник Григорий Отрепьев, претендент на русский престол, являются двумя главными персонажами пьесы Пушкина. Именно вокруг них разворачиваются главные события: войны, предательства, убийства и заговоры. Эти два персонажа обозначают не только политические, но и философские полюса драмы. В исследованиях, посвященных *Борису Годунову*, типично противопоставление царя Бориса и Самозванца как статического и динамического героев. Если образ Бориса связан с «четкой и единой идентичностью» [Emerson 1986: 102], то образ Самозванца – это образ *tabula rasa*, некоего чистого листа бумаги, на котором можно написать что угодно [Greenleaf 1994: 195]. Борис как бы «застыл» в своих представлениях, он пытается понять, что происходит и что таится за слухами. Самозванца же устраивает такое положение вещей, где ничто не прочно и политическая ситуация меняется день за днем. Самозванец, в отличие от Бориса, готов менять маски в зависимости от конъюнктуры и меняющихся обстоятельств – и в этом состоит его сила.

Образ Самозванца Григория восходит к древнегреческим риторикам или, как их еще называли, софистам. Пушкинский Лжедмитрий олицетворяет те самые черты риторика, которые мы находим у Платона. Григорий владеет искусством убеждать – в данном случае убеждать в том, что он истинный наследник русского престола. В духе политической риторики, описанной Горгием у Платона, Григорий

входит в самые разные общества и завоевывает их поддержку своим красноречием. Прибыв в Польшу, Самозванец обращается к опальным русским князьям, к польским королям, к донским казакам и даже поэтам. Для всякой аудитории у Лжедмитрия находится что сказать – ему удастся затронуть чувствительные струны каждого. Как прототипичный риторик Горгия, Лжедмитрий эффективен в любом сколько-нибудь политическом собрании: «For Kurbsky's son he creates a reentry into Russian history, precisely what his exiled father had forfeited. He flatters the Polish nobleman Sobanski's illusions about his independence <...> [The Pretender] makes sure to address each interlocutor's interests and tastes at the moment he is talking to him» [Greenleaf 1994: 195].

В *Горгии* риторике Горгию противостоит философ Сократ. Последний критикует риторика за то, что она не содержит настоящего знания, но лишь умело скрывает его отсутствие. Признаком настоящего философского знания Сократ считает справедливость. Философ имеет понятие о справедливости и поступает справедливо, в то время как риторик либо не обладает таким знанием, либо не желает следовать ему. В доказательство Сократ приводит пример того, как афинские ученики, изучающие риторика, отказываются платить учителям после окончания риторических курсов.

Данный случай из афинской истории, приведенный Сократом, имеет свое отображение в *Борисе Годунове*. Григорий также был учеником риторики, но риторики в древнерусском контексте как церковной письменности и словесности. Вот как Игумен Чудова Монастыря описывает Григория: «я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, зная, грамота далася ему не от Господа Бога» (290). Услышав от Пимена историю об убийстве юного царевича в Угличе, Григорий решает выдать себя за царевича. Этим самозванством Григорий противоречит церковной морали его учителя Пимена, который осуждает обманный путь на престол. Таким образом, Григорий напоминает афинского ученика риторики, познавшего формы красноречия (риторики) и не желающего влить в них истинное философское содержание (справедливость).

Критика Сократа, направленная против риториков наподобие Горгия, близка по смыслу тем словам, которые бросает царь Борис о своем противнике Григории. Отрицая царскую сущность Григория, Борис говорит о пустой форме Самозванца. Молва и слухи, окружающие Григория, как и его красноречие суть лишь маска, за которой нет истинного царевича. Борис отмечает всякие притязания Самозванца на трон: «Возможно ли? Расстрига, беглый инок // На нас ведет злодейские дружины // Дерзает нам писать угрозы!» (390). Годунов считает, что его «грозный супостат» – это всего лишь «пустое имя, тень» (342). В контексте философской критики риторики Борис пытается выявить ту же пустоту, что и Сократ. Сократ (Борис) критикует Горгия (Григория) за то, что его риторика не содержит настоящего знания (звания), но лишь умело скрывает его отсутствие.

В философско-риторическом противостоянии царя Бориса и Григория Отрепьева первый может играть роль философа как внешне более философская фигура, нежели Самозванец. (Отрепьев тоже философ, но другого, более современного, иронического плана – об этом ниже.) Григорий вообще отличается

способностью не думать, не вдаваться в подробности своих планов и не беспокоиться о том, что его ждет. Потерпев поражение в битве и потеряв большую часть своего войска, он спокойно засыпает. Его успехи не столько результаты его планирования, сколько дела providения, признаки везения и удачи.

Борис, напротив, предстает человеком, потерянным в думах. Вероятно, он думает об убийстве юного царевича в Угличе в прошлом. В настоящем его беспокоят недоверие народа и противодействие бояр, которые хотят видеть в воеводах людей из своего круга. Борис, как рациональный политический мыслитель, желает назначать военных лидеров по их способностям, а не по происхождению. Его политическую теорию мы наглядно видим в его предсмертной речи сыну о том, что можно выиграть время, отменив опалы и казни, а затем снова «затя[нуть] державные бразды», и в других подобных конкретных, не общих, наставлениях (432-434). Советы Бориса сыну напоминают указания человека, уходящего из дома и наставляющего того, кто остается, в том, как управлять хозяйством в его отсутствие. Речь Бориса в высокой степени прагматична и рациональна, указывает на важные детали, она нацелена на достижение политической стабильности и сохранение власти за своим сыном. Самое главное в предсмертной речи – это благополучная власть Годунова-сына. Борис уверяет сына в том, что отцовские грехи не падут на него: «Я подданным рожден и умереть // Мне подданным во мраке б надлежало; // Но я достиг верховной власти... чем? // Не спрашивай. Довольно: ты невинен, // Ты царствовать теперь по праву станешь...» (432).

Борис умалчивает о том, какой ценой он достиг власти. Как бы то ни было, его грехи уйдут вместе с ним и не будут распространяться на его сына – в этом основная мысль речи. Этим самым Борис повторяет тезис Макиавелли о том, как нужно укрепить власть после того, как она была захвачена через переворот и убийство законных наследников: «To possess them [т.е. народ – Б.А.] securely, it is only necessary to have extinguished the family line of the prince who ruled them, because in so far as other things are concerned, men live peacefully as long as their old way of life is maintained and there is no change in customs» [цит. по: Greenleaf 1994: 177]. В приведенных словах Макиавелли видна важность соблюдения традиций и спокойствия. Так же и Борис вторит Макиавелли и наставляет сына «не изменя[ть] теченья дел», так как «привычка – душа держав» (434)⁹.

Таким образом, Борис – скорее философ, чем риторик, ибо он обдумывает свои шаги и склонен к рефлексии. Тот факт, что в его политической деятельности прослеживаются принципы Макиавелли, говорит о том, что у него есть теория, некое понимание того, как устроен политический мир. Именно в этом состоит одно из различий между риториком и философом. У последнего есть знание, которое он пытается выразить, в то время как риторик говорит с тем, чтобы склонить собеседников к своей точке зрения. Согласно Сократу, у риториков вообще может и не быть никакого знания, но они могут сохранять способность убеждать. Можно сказать, что риторик вьет сеть слов, за которой ничего может и не быть, но которой он может объять аудиторию и подчинить ее своим амбициям. В отличие от риторика, философ говорит с тем, чтобы обратить внимание людей на некую сущность, которая существует объективно вне его речи как «идея правды вне нас» [McCoу 2008: 19].

Царь Борис, как философ, ориентирован на правду, на то, что скрывается за словами. Он хочет знать, верны ли слухи о живом царевиче и не погиб ли царевич в Угличе. Об этом он спрашивает Шуйского, чтобы удостовериться, что у опасных слухов нет оснований. С точки зрения Самозванца, настоящий Дмитрий и не нужен в той череде событий, которую он спровоцировал. Об этом он говорит полячке Марине, в которую влюблен: «... ни король, ни папа, ни вельможи – // не думают о правде слов моих. // Димитрий я иль нет – что им за дело? // Но я предлог раздоров и войны. // Им это лишь и нужно...» (384). Самозванец нужен полякам как предлог войны с Москвой, внутренним врагам Бориса – как способ его свергнуть. Как говорит Самозванец, правда никому не нужна. Именно это его пренебрежение правдой делает Лжедмитрия потенциальным объектом сократовской критики в *Горгии*, направленной против риторики. Риторика безучастна к истинному положению дел. Для риторики важна победа в споре, как для Самозванца победа на политическом поприще.

Гришка Отрепьев напоминает Горгия в своих политических амбициях и в том, что он их реализует с помощью риторики. Григорий рвется к власти, используя легенду о живом царевиче, распуская повсеместно слухи и прокладывая себе путь к Москве самым сильным оружием – словом. Не зря Годунов предупреждает сына о том, что Самозванец «именем ужасным ополчен» (432). Имя как слово эквивалентно армии или полкам (ополчен). Ту же мысль озвучивает приспешник Самозванца Пушкин, объясняя секрет успешного взятия русских городов: «Но, знаешь ли, чем мы сильны, Басманов? // Не войском, нет, не польскою подмогой // А мнением; да! мнением народным» (440). Политическая власть Самозванца приходит к нему благодаря его риторическому таланту убеждать словом, в результате чего «везде без выстрела ему // Послушные сдавались города» (там же). Риторические способности Самозванца усиливаются влиянием мифа о живом, или воскресшем, царевиче. Такие слухи муссируются в массах, о чем доносятся отголоски в разных сценах пьесы. Несомненным компонентом успеха Самозванца является его способность к грамоте, к изложению идей, к риторике вообще.

Горгий Платона видит в риторике, в первую очередь, средство обрести политическую власть. Горгий называет риторику «величайшим из человеческих занятий» [Plato 1998: 32] и «источником свободы людей и, в то же время, власти над другими» [там же: 33]. Эта политическая власть над другими, которую Горгий обещает тому, кто овладеет искусством риторики, приходит к Гришке Отрепьеву вполне по заслугам, если следовать логике Горгия. Григорий показывает себя искусным оратором, способным излагать мысли так, как того требует ситуация. Он изворотлив, как видно из сцены неудавшейся попытки русских приставов задержать его в Литве. Читая вслух письмо-указ об «изловлении» беглого монаха Григория Отрепьева, Гришка быстро сочиняет собственный текст, описывающий одного из присутствующих, следуя протокольному языку.

Но приведенная сцена есть лишь мелкая инсценировка, деталь на фоне крупномасштабного риторического обмана, или образа, который построил Самозванец. Сократ, критикуя риторику за ее способность скрывать обман, называет ее «властью, демонической в своей величии» [там же: 38]. Патриарх в *Борисе Годунове* называет Григория «бесовским сыном» (392) и «безбожным

злодеем» (396); его чары есть «мощь бесов» (там же). Таким образом, Григорий и Горгий олицетворяют обманчивую, бесовскую силу риторики.

Приведенное выше сравнение Бориса с философом, а Самозванца с риториком следует понимать условно. Действительно, противостояние Бориса и Григория во многом схоже с оппозицией философа и риторика в платоновских диалогах. Но эта оппозиция условна не потому, что сами параллели между произведениями Пушкина и Платона условны, а потому, что данная оппозиция сохраняется, даже если поменять местами Бориса и Григория как философа и риторика. Я имею в виду то, что оппозиция *философ – риторик* может быть применима к *Борису Годунову*, даже если под философом мы будем подразумевать Григория, а риториком будет Борис.

Борис тоже является в некотором роде самозванцем, как и Гришка Отрепьев. На протяжении всей пьесы Бориса мучают видения, сомнения и, может быть, угрызения совести, связанные с убийством малолетнего царевича в Угличе. Мы так и не узнаем из текста пьесы, в чем состоит вина Бориса и в какой степени он виноват. Внутри пьесы Борис, скорее всего, так или иначе причастен к убийству. Об этом можно судить на основании народной молвы и общего недоверия царю Борису. Сам Борис признает тот факт, что его недолюбливают и постоянно в чем-то обвиняют. Но это внешнее обвинение есть лишь признак внутренней вины, которую он признает, но не говорит, в чем она заключается: «И все тошнит, и голова кружится, // И мальчики кровавые в глазах... // И рад бежать, да некуда... ужасно! // Да, жалок тот, в ком совесть нечиста» (296).

Борис намекает на свою вину, но тут же обходит ее. Его вина, в чем бы она ни состояла, создает психологический фон его образа и, в то же время, не выходит на поверхность его речи, его слов. Шуйский намекает, что Борис запланировал и совершил царевубийство в Угличе но, позже, отрекается от своих слов. Один лишь юродивый открыто заявляет то, что у всех на уме, но о чем никто не смеет сказать: царь Борис «зарезал <...> маленького царевича» (Пушкин 404)¹⁰. Текст Пушкина содержит достаточно намеков для осуждения Бориса и признания за ним вины царевубийства, но в нем отсутствует последнее слово, вердикт, который бы окончательно решил этот вопрос. Все, что мы имеем, – это слухи, инсинуации и слово юродивого.

Борис восходит на царский престол, повторяя некоторые элементы ритуала, введенные Иваном Грозным. Смысл этих ритуальных действий заключается в получении санкции законности власти царя, пришедшего в результате переворота и убийства. Гринлиф называет такие действия «риторикой самозванства» и находит ее описание в трудах Макиавелли [Greenleaf 1994: 175-178]. Связь между тактикой Бориса и теорией власти Макиавелли может читаться двояко. Уже упоминавшаяся предсмертная речь Бориса не только указывает на продуманность, запланированность и теоретичность политики Бориса (на его философию), но и на его риторику самозванства. У Макиавелли мы находим следующий совет государю: «It is not necessary for the prince to have all of the above-mentioned qualities [mercy, faithfulness, integrity, kindness, above all, religion] but it is very necessary for him to appear to have them. Furthermore, I shall be so bold as to assert this: that having them and practicing them at all times is harmful; and appearing to have them is useful...» [цит. по: Greenleaf 1994: 178]¹¹.

В предсмертной речи Борис также наставляет своего сына, русского принца, соблюдать внешние формы царского приличия, чтобы иметь поддержку среди народа. Нужно быть милостивым, хранить «гордую стыдливость», почитать семью (434). Но за этим внешним фасадом приличия скрывается тайна убийства царевича и восхождения на престол Бориса. Риторика самозванства, согласно Гринлиф, позволяет Годунову закрепить власть за своей фамилией и утвердить ее в глазах народа и бояр как законную и данную Богом. Иными словами, законность Бориса основана на беззаконии государственного заговора и цареубийства.

Борис хочет знать истину за внешней оболочкой слухов о Самозванце: «хочу сообразить известия; иначе не узнаем мы истины» (336). На эти слова Бориса Шуйский отвечает тем, что чернь «для истины глуха и равнодушна, а баснями питается она» (338). Дело в том, что эта «истина» в конечном счете есть результат риторики самозванства Бориса, согласно которой он, Борис, есть истинный царь – в этом смысл риторического вопроса Бориса Шуйскому: «...Слышал ли ты когда, // Чтоб мертвые из гроба выходили // Допрашивать царей, царей законных, // Назначенных, избранных всенародно, // Увенчанных, избранных патриархом?» (340).

Таким образом, в *Борисе Годунове* происходит взаимопроникновение понятий «истина» и «басни». Противостояние философии как метода познания истины и риторики как способа одерживать политическую победу становится зыбким. Философия и риторика взаимопроницаемы, и Борис одновременно представляет философию в своем стремлении к «истине» и разоблачению риторики Самозванца, – и в то же время мы видим, как он фабрикует истину о законности своего царствования. С другой стороны, есть признаки того, что Самозванец не просто риторик, но и философ и тоже ратует за истину и справедливость.

В *Борисе Годунове* одни и те же сцены могут читаться двояко (в этом состоит ироничность текста). Я уже приводил сцену о том, как Григорий решает воскресить имя убитого царевича Дмитрия, вдохновленный рассказом Пимена о событиях в Угличе. И хотя церковь однозначно отрекается от своего беглого летописца, сам Григорий видит себя продолжателем дела Пимена, который хотел осудить Бориса в той исторической летописи, которую он писал. Гришка действительно наказывает Бориса, но не риторически в летописи, как это бы сделал Пимен, а на деле и исторически (т.е. в области философии как того, что существует вне текста). Услышав историю об убийстве царевича, Григорий в монастыре грозит Борису: «И не уйдешь ты от суда мирского, // Как не уйдешь от Божьего суда» (284). Позже, на поле битвы, Григорий оправдывает войну преступлением Бориса: «Но пусть мой грех падет не на меня – // а на тебя, Борис-цареубийца!» (388). Получается, что Григорий пытается восстановить справедливость и наказать цареубийцу.

Философия Гришки – это философия иронии. В древнегреческой традиции слово «ироник» означало «лжец» [Рабинович 1972: 465], а слово «эйрон», от которого происходит «ироник», означало плута и обманщика [Furst 1984: 6]. Этимология слова ведет также к понятию маски и притворства [Furst 1984: 6-7]. Ироник по определению не может быть самим собой. Если он говорит, то он говорит не то, что он думает, но играет какую-то роль. В *Горгии*, как и во многих других диалогах Платона, Сократ ведет разговор иронично, притворяясь глупым и

несведущим. Эта древняя традиция иронической речи, получившая название сократовской иронии, получила новый, современный смысл в упомянутых работах Фридриха Шлегеля [Behler 1990: 73].

У Фридриха Шлегеля понятие иронии выходит за лексические рамки и распространяется «на всю сферу человеческой деятельности» [Рабинович 1972: 465]. Обыденное притворство становится философской реакцией, позволяющей «человеку испытывать разнообразные и противоречивые переживания, находясь при этом выше любого из них, смотреть на это переживание как бы со стороны, не полностью отдаваясь ему (т.е. с обыденной точки зрения – притворяться)» [там же: 465]. Эта характеристика иронии применима к образу Самозванца в *Борисе Годунове*. Во-первых, Гришка решается покинуть монастырь от скуки. Он жалуется на однообразную монастырскую жизнь как Пимену (276), так и Чернецу, заявляя, что он предпочел бы войну видам монашеских «черных ряс» и звукам церковных «колоколов» (286). Во-вторых, будучи на гребне славы в роли царевича и наследника престола, Гришка готов все бросить ради чувства любви к польской княгине Марине Мнишек. Открыв ей правду про маску царевича, он признает, что «поляков безмозглых обманул» несмотря на то, что от этих поляков зависит его дальнейший успех (376). Эти два факта говорят о том, что для Гришки его головокружительный взлет не самая серьезная вещь. Именно поэтому он может спокойно заснуть после проигранной битвы и готов скорее рассуждать о своем умирающем коне, чем о потерянных войсках. Самозванец – самозванец вдвойне, ибо он не до конца серьезно относится к своим политическим амбициям, к своей роли царевича.

Согласно учению Кьеркегора, «ирония есть утверждение субъективности[; в] иронии субъект негативно свободен, свободен от оков, которые в данной действительности крепко удерживают его» [цит. по: Рабинович 1972: 466]. Именно такую ироническую свободу мы находим в образе Григория. Он свободен от уз идентификации с одним фиксированным образом. Бывший писец, будущий царь, военачальник, политический лидер, любовник, поэт – Гришка состоит из множества разных ипостасей. Критики часто подчеркивают эту свободу Григория, называя ее разными именами, но от их внимания ускользнула ироническая подоплека такой свободы. Например, Эмерсон указывает на то, что Григорий плавно и грациозно переходит из одной роли в другую. Множественность или отсутствие единой идентичности не только основа успехов Самозванца, но и составляет главную характеристику его образа [Emerson 1986: 100]. Гринлиф также подчеркивает отсутствие рамок, «ограничивающих или определяющих» поведение Григория [Greenleaf 1994: 194]. Свобода Григория есть «свобода от внешней идентификации или свобода самому назвать себя» [там же].

Сказанное выше позволяет утверждать, что Гришка Отрепьев – философ иронического плана и олицетворяет философию романтической иронии Шлегеля и Кьеркегора. Царь Борис – это глубинный риторик, чьи ритуалы и политические действия позволяют ему выстроить образ законного и законопослушного царя. Борис использует такую структурную риторику, чтобы закрепить власть за собой и попытаться передать ее сыну Феодору.

Как я это неоднократно показывал выше, одни и те же сцены и действия персонажей в *Борисе Годунове* могут интерпретироваться двояко: как признак

философии героя и как доказательство его риторичности. Установить фиксированный и постоянный смысл слов и действий героев невозможно из-за структурной иронии самого текста. Установить, в какой степени Борис либо Самозванец искренни или преследуют скрытую цель невозможно на основании их слов и поступков, смысл которых двоится. Это может показаться бессмысленным, но для определения «настоящих» намерений персонажей требуется каким-то образом спросить их самих и получить «искренний» ответ. Таким образом, проблема изучения пушкинских образов подходит к непреодолимой преграде реальных, настоящих, истинных намерений (интенций) героев¹². Вопрос об истинных намерениях героев, по-моему, не следует воспринимать буквально, но символически как признак того, что философское знание ограничивается риторикой (хотя вне риторики философии не существует). Структурная двоякость текста Бориса Годунова становится явной при сопоставлении пьесы с философскими диалогами Платона, в которых обыгрывается противостояние риторики и философии. Как Платон был ироничен в написании *Горгия*, так и Пушкин использует ироничность текста для постановки эпистемологической проблемы человеческого знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследователи философских диалогов Платона многократно подчеркивают, что для полноценного понимания идей Платона необходимо учитывать литературный и драматургический аспекты его текстов. Об этом см. статьи Michael Svoboda «Athens, the Unjust Student of Rhetoric: A Dramatic Historical Interpretation of Plato's *Gorgias*» и Charles Kahn «Drama and Dialectic in Plato's *Gorgias*». Латентный драматургический элемент *Горгия* вполне сопоставим с пьесой Пушкина, учитывая низкий уровень драматургичности *Бориса Годунова*. В свою очередь, пьеса Пушкина представляет обширное поле для философской интерпретации в духе платоновских диалогов, что я пытаюсь показать в настоящей работе.
2. О происхождении романтической иронии и роли таких ее теоретиков, как Фридрих Шлегель и Сорен Кьеркегор, пишут, помимо прочих, следующие исследователи: Lilian Furst, *Fictions of Romantic Irony*; Ernst Behler, *Irony and the Discourse of Modernity*; D.C. Muecke, *Irony*.
3. Впоследствии понятие иронии настолько расширилось, что стало целесообразным различать различные и многочисленные виды иронии. Вообще, единой таксономии иронии не существует. Исследователи признают, что ирония представляет собой неизмеримо текучий и зыбкий объект исследований: «The more closely one examines irony, the more intractable it proves to be. For its resistance to definition it fully deserves its Ancient Greek connotation of 'sly fox'. The normal scholarly procedures – dictionaries, handbooks, the term's semantic history, delineation by comparison to neighboring modes such as satire – lead more to an appreciation of the problem than to its solution. From whichever angle irony is approached, it is always its elusiveness that emerges as its primary characteristic. However disconcerting, this has to be accepted as pivotal to the nature of irony» [Furst 1984: 11].

4. Среди братьев Шлегелей Фридрих был более продотворным и оригинальным. Огюст играл роль скорее распространителя идей романтизма, нежели их автора, каковым был Фридрих.
5. Чарльз Грисвольд в первой части своей статьи «Irony in the Platonic Dialogues» вкратце обрисовывает картину исследований платоновских диалогов: проблема идей Платона во многом зависит от интерпретации жанра диалога.
6. Я заимствую термин «диалогичность» из монографии Непомнящего Поэзия и судьба (глава «Наименее понятый жанр»). Как и Непомнящий, я не имею в виду диалогичность Бахтина. В то же время я должен отметить, что Непомнящий не раскрывает весь потенциал, скрытый в понятии о диалогичности Пушкина.
7. Рассуждая о схожести «Пира во время чумы» Пушкина и «Пира» Платона, Рабинович предполагает, что причины такого совпадения «лежат в [не исследованных] еще областях психологии творчества и теории жанров» [Рабинович 1972: 470].
8. Здесь и далее текст *Бориса Годунова* цитируется по версии 1825 года, опубликованной в книге Честера Даннинга (Chester Dunning, *The Uncensored Boris Godunov*).
9. Моника Гринлиф посвятила несколько страниц параллелям между Борисом Годуновым и политическим учением Макиавелли. См. ее *Pushkin and Romantic Fashion*, с. 175-178.
10. В «Истории» Карамзина вопрос о причастности Бориса к убийству царевича был решен однозначно. Карамзин осудил Бориса за убийство и видел в Самозванце божественное наказание Борису за его грех.
11. Гринлиф использует данную цитату для выводов, отличных от моих.
12. Разбирая произведение Горгия (написанное историческим Горгием) *О том, чего нет* (*On What Is Not*), Уорди отмечает трудность интерпретации этого текста в том, что невозможно установить, когда автор серьезен, а когда он иронизирует (притворяется): «But the fact that any attempt to answer the question “does Gorgias text have the status of ‘authentic’ philosophy?” seemingly presupposes an affirmative answer to that question, suggests that its actual genre is only to be discovered in the intentions and pretensions of its author, and not in or from the *logos* itself» [Wardy 1996: 24].

ЛИТЕРАТУРА

Behler 1990 – *Behler E.* Irony and Discourse of Modernity. Seattle: University of Washington Press, 1990.

Clayton 2004 – *Clayton D.* Dimitry's Shade: A Reading of Alexander Pushkin's Boris Godunov. Evanston, IL: Northwestern UP, 2004.

Dunning Ch. The Uncensored Boris Godunov: The Case for Pushkin's Original Comedy. Madison, Wisc: University of Wisconsin P, 2006.

Emerson 1986 – *Emerson C.* Boris Godunov: Transpositions of a Russian Theme. Bloomington, IN: Indiana UP, 1986.

Furst 1984 – *Furst L.* Fictions of Romantic Irony. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984.

Greenleaf 1994 – *Greenleaf M.* Pushkin and Romantic Fashion. Stanford, CA: Stanford UP, 1994.

Griswold Ch. Jr. Irony in the Platonic Dialogues. *Philosophy and Literature*, 26, 2002.

Kahn Ch. Drama and Dialectic in Plato's Gorgias. *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. Ed. Julia Annas. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1983.

McCoy 2008 – *McCoy M.* Plato on the Rhetoric of Philosophers and Sophists. Cambridge: Cambridge UP, 2008.

Plato 1998 – *Plato.* Plato: Gorgias and Phaedrus. Trans. James Nichols Jr. Ithaca, NY: Cornell UP, 1998.

Svoboda M. Athens, the Unjust Student of Rhetoric: A Dramatic Historical Interpretation of Plato's Gorgias. *Rhetoric Society Quarterly* 37, 2007.

Wardy 1996 – *Wardy R.* The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and Their Successors. London: Routledge, 1996.

Гинзбург 1987 – *Гинзбург Л.* Литература в поисках реальности. Л.: Советский писатель, 1987.

Гордин М.А. Пушкин и Крылов (к вопросу об иронических связях) // Известия Академии Наук: Серия литературы и языка 41.3, 1982.

Непомнящий 1983 – *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983.

Рабинович 1972 – *Рабинович Е.Г.* «Пир» Платона и «Пир во время чумы» Пушкина. Античность и современность / Ред. М.Е.Грабарь-Пассек, М.Л.Гаспаров, Т.И.Кузнецова. М.: Наука, 1972.

Схоневельд 1956 – *Схоневельд К.В.* Заметка об одном композиционном приеме Пушкина. For Roman Jakobson. Hague: Mouton, 1956.

Суровцева Е.В. (Россия)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ХРУЩЁВЕ И БРЕЖНЕВЕ

Социокультурная ситуация и, в частности, огосударствление русской литературы первой половины XX века уже становились предметом изучения литературоведов-русистов – этому аспекту посвящены монографии [Голубков 1992; см. также Бабиченко 1994], отдельные главы исследований, посвящённых смежным проблемам [В тисках идеологии 1992: 3-61; Голубков 2001: 54-69; Суровцева 2008: 31-43], разделы учебников по истории русской литературы XX века [История русской литературы XX века 2006: 11-67]. К сожалению, социокультурная ситуация постсталинского периода описана гораздо хуже. Мы можем назвать только два исследования, посвящённых взаимодействию партии и культуры (не только литературы) в интересующий нас период [Кречмар 1997; Эггелинг 1999]. Следует назвать сборники документов, посвящённых этому взаимодействию [Литературное движение советской эпохи 1986; Идеологические комиссии ЦК КПСС 2000; Аппарат ЦК и культура 2001 и др.]. (К слову отметим, что изучение первой половины XX века также более «богато» на подобные издания [см., напр.: В тисках идеологии 1992; «Литературный фронт» 1994; «Счастье литературы» 1997; История политической цензуры 1997; Власть и художественная интеллигенция 2002; Большая цензура 2005 и др.].) В настоящей статье мы ставим перед собой цель рассмотреть социокультурную ситуацию и проблемы взаимодействия власти и литературы при Хрущёве и Брежневе, систематизировать имеющиеся сведения по данному вопросу, а также назвать известные нам сборники документов и исследования по более частным аспектам темы, что, хочется надеяться, может стать частью более глобального исследования или лекционного курса по истории русской литературы XX века.

13 января 1953 г. «Правда» поместила передовую статью под сенсационным заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». В статье сообщалось, что арестованы десять «врачей-вредителей» (Вовси, Виноградов, Фельдман, Этингер, Гринштейн и др.). «Правда» утверждала, что врачи «залечили» Жданова и Щербакова. Однако 5 марта 1953 г. Сталин умер. Его соратники с самого начала были настроены против «дела врачей». Они хорошо помнили, что на процессе Бухарина 1938 года тоже судили «убийц в белых халатах». Теперь они опасались, что «вдохновителями врачей-вредителей» окажутся они сами. Поэтому сразу после смерти Сталина решено было дело прекратить.

После смерти Сталина началась эпоха, определяемая названием повести Эренбурга «Оттепель» (1954) и стихотворением Заболоцкого «Оттепель» (написано в 1948 г., опубликовано в 1953 г.) [см.: Оттепель 1989а; Оттепель 1989б; Оттепель 1990; От оттепели до застоя 1990; Зубкова 1991, 1996; Опенкин 1991; Одесский, Фельдман 2004]¹. Это было первое произведение, в котором прямо говорилось о недавнем прошлом, о провокационном «деле врачей», о надежде на перемены. Повесть Эренбурга, воспринятая ещё до XX съезда партии как «антикультурная», была встречена официальными кругами как вызов².

Первым шагом «оттепели» было прекращение «дела врачей». Кроме того, началось освобождение политзаключённых – родственников высших руководителей страны. Например, были освобождены жена Молотова, Полина Жемчужина, бывший жених дочери Сталина Алексей Каплер, по просьбе маршала Жукова отпустили ряд арестованных генералов и адмиралов.

Но в то же время 10 – 11 июня 1954 г. Твардовскому пришлось после резкой критики «Тёркина на том свете» писать оправдательное письмо в Президиум ЦК КПСС и в ЦК КПСС – по поводу своего «кулацкого» происхождения.

Л.П.Берия стремился пойти впереди «оттепели». Так, он лично освобождал многих политзаключённых. Однако в Берии руководители страны продолжали видеть прежде всего чекиста. В июне 1953 г. Берия был арестован по обвинению в заговоре с целью захвата власти, в декабре того же года расстрелян. Влияние Госбезопасности в руководстве страны после ареста Берии было почти сведено на нет. Расстрелы отдельных видных чекистов продолжались до 1955 г. Реабилитация заключённых продолжалась и после ареста Берии. Освобождали прежде всего родных и близких тех, кто теперь стоял у власти. К осени 1956 г. на свободу вышли почти все политзаключённые – сотни тысяч человек. Среди них были не только коммунисты, но и уцелевшие меньшевики, эсеры и т.п. Многих реабилитировали посмертно. В заключении остались те, кто воевал в 40-е годы против Советской власти («власовцы», партизаны Прибалтики и Украины – «лесные братья» и «бандеровцы»). Кроме того, реабилитация не коснулась «раскулаченных», осуждённых по «шахтинскому делу» и т. п. Не сняли вину с Г.Зиновьева, Л.Каменева, Н.Бухарина и др.

Ещё Г.М.Маленков, чьи позиции сильно ослабли после падения его союзника Берии, говорил о необходимости прекращения «политики культа личности» уже на первом после похорон Сталина Президиуме ЦК 10 марта 1953 г. Первоначально вопрос преодоления культа свёлся к перестройке пропаганды, и ЦК хотел этим ограничиться. Но в июле на пленуме ЦК Маленков заявил, что дело не только в пропаганде, а и в самих принципах руководства. Однако всё, о чём говорилось на этом пленуме, оставалось для народа тайной за семью печатями. Хрущёв (во многом под влиянием борьбы за власть) шагнул гораздо дальше Маленкова в либерализации общества, в развенчании Сталина.

Чтобы исключить в будущем массовые «чистки», недостаточно было просто освободить тех, кто был арестован прежде. Требовалось и политически осудить подобные меры. Такое осуждение готовилось постепенно. В печати появилось выражение «культ личности». Газеты писали, как Ленин и Сталин всегда выступали против «культа личности». Имя Сталина в печати встречалось всё реже.

14 февраля 1956 г. открылся XX съезд КПСС, первый после смерти Сталина. Это был наиболее благоприятный момент для его прямого осуждения. Высшие руководители партии понимали, что это бросит тень на них самих. Однако бывшие соратники Сталина опасались, как выразился А.Микоян, «раскачивания стихии». Если осуждение прежних «чисток» пройдёт без их участия, оно обратится против них.

25 февраля 1956 г. в последний день работы XX съезда КПСС совершенно неожиданно для подавляющего большинства присутствующих Хрущёв вышел на трибуну с докладом «О культе личности и его последствиях». Вспоминая о необходимости своего выбора в 1956 г., Хрущёв признавал, что «эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие. И это было бы гибелью для руководства, которое не прислушалось к велению времени» [цит. по: История России 1995: т. 2, 346]. Хотя заседание было закрытым и делегатов предупредили о секретности происходящего, тайны, долгие годы окружавшей имя Сталина, больше не существовало. Впервые было сказано об отступлении от «принципов социалистической демократии», о грубейших нарушениях законности, массовых репрессиях, крупнейших просчётах и порочных методах руководства, допущенных по вине Сталина. Объяснение причин этих явлений было дано в русле старой традиции, списывающей недостатки на наличие капиталистического окружения и трудности построения социализма в одной стране. Вместе с тем, огромное значение было придано личности Сталина. По существу, возникновение негативных явлений в практике социалистического строительства СССР было отнесено к воздействию недостатков характера Сталина. Сама же деятельность Сталина оказалась разделённой на два периода – «положительный» (период борьбы с

оппозицией, время индустриализации, коллективизации, Великая Отечественная война) и «отрицательный», когда у Сталина, упрощённо говоря, стал «портиться характер». Так в истории появился новый термин «период культа личности». Этот период (с весьма нечёткими хронологическими рамками) воспринимался в качестве «зигзага», «случайности» в победоносной истории страны Советов.

Доклад Хрущёва содержал не только общие рассуждения, но и рассказ о судьбе нескольких арестованных. Это были члены ЦК и Политбюро: П.Постышев, Н.Вознесенский, А.Кузнецов и другие. Хрущёв рассказывал о пытках, которые к ним применялись, об их письмах перед казнью. Известно, – например, из свидетельства Эренбурга, – что на делегатов XX съезда доклад Хрущёва произвёл такое шокирующее впечатление, что некоторые даже падали в обморок. Доклад считался секретным, но слухи о нём немедленно разошлись по стране. Особое волнение это вызвало в Грузии, на родине Сталина, где демонстрации разгонялись войсками. С середины марта по всей стране стали проходить тысячи открытых партсобраний, на которых зачитывали доклад. Правда, делать записи на этих собраниях запрещалось – этот доклад оставался как бы секретным. 2 июля 1956 г. «Правда» поместила большой постановление ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий». Документ выглядел мягче, чем доклад.

Полный текст доклада впервые напечатали за границей, в США, в июне 1956 г. В Союзе его опубликовали только в 1989 г. [Хрущёв 1989; см. также: Реабилитация 1996: 19-67; Сталин 2002: 548; Доклад Н.С.Хрущёва 2002; о XX съезде см.: Аксютин, Волобуев 1991; XX съезд КПСС 1991; Гусев 1993].

В мае 1956 г. покончил с собой Фадеев, оставив предсмертное письмо ЦК.

1957 г. – победа Хрущёва в борьбе с «антипартийной группой» (Маленков, Каганович, Молотов), отставка Жукова, во многом благодаря которому Хрущёв смог победить.

17 октября 1961 г. в Москве открылся XXII съезд партии. Этот съезд стал своеобразной «присягой» новому политическому курсу. Тон задал Хрущёв, сказавший, что Сталин и члены «антипартийной группы» отвечают за массовые репрессии. После этого почти все выступавшие развивали эту тему.

После съезда все члены «антипартийной группы» были исключены из партии. На съезде было принято решение вынести тело Сталина из мавзолея и похоронить его у Кремлёвской стены, что и было сделано в ночь на 31 октября, накануне закрытия съезда. Имя Сталина вычеркнули из названий городов, сёл, улиц. Только в некоторых грузинских городах сохранялись «улицы Джугашвили». По всей стране были уничтожены тысячи памятников Сталину.

Литературная ситуация при Хрущёве была настолько разнообразной и пёстрой, что её трудно представить в виде цепочки последовательных событий. Более того, главным качеством литературной политики становились непоследовательность, непредсказуемость. Это во многом было обусловлено противоречивой фигурой Хрущёва. Как и его предшественники, партийные руководители, Хрущёв пристальное внимание уделял литературе и искусству. Человек авторитарный, скорый на слова и решения, Никита Сергеевич то помогал писателям ощутить воздух свободы, то сурово одёргивал и всякий раз в качестве третейского судьи выставлял «великий советский народ». Хрущёв был убеждён, что партия и государство имеют право вмешиваться в вопросы культуры, и потому очень часто и подолгу выступал перед творческой интеллигенцией, перед писателями.

По инициативе Хрущёва прошла череда читательских обсуждений романа В.Дудинцева «Не хлебом единым». По решению Президиума ЦК КПСС была создана специальная комиссия, которая подготовила проект письма ЦК КПСС партийным организациям «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов». В качестве примеров ослабления бдительности были названы выступления К.Паустовского в ЦДЛ на обсуждении романа В.Дудинцева

«Не хлебом единым», О.Берггольц с критикой догматического постановления ЦК КПСС по журналам «Звезда» и «Ленинград», К.Симонова с «ревизией» основополагающих принципов партийного руководства литературой и искусством. Но вместе с тем на волне «оттепели» многие читатели могли безнаказанно высказывать свою точку зрения на роман Дудинцева, находя в нём много положительных сторон.

В современной науке для обозначения генерации советских людей 1960-х годов употребляется слово «шестидесятники». В литературе это обозначение и более конкретно, и более размыто: шестидесятники – участники литературной борьбы, в особенности на страницах «толстых журналов», и выразители новых идей, нового ощущения жизни, возникшего в период постсталинской «оттепели». Сам термин «шестидесятники» содержит в себе отсылку к «шестидесятничеству» XIX века. В действительности шестидесятники – люди разных поколений и разных мировоззрений: это и Е.Евтушенко, и А.Вознесенский, и Б.Окуджава, и М.Мамардашвили, и А.Битов, и И.Эренбург, и А.Солженицын, и Вен.Ерофеев. С понятием «шестидесятники» связывают в особенности деятельность «Нового мира», возглавляемого А.Твардовским: журнал в определённом смысле придерживался линии, намеченной Хрущёвым в докладах на XX и XXI съездах КПСС, однако он был несовместим не только, говоря официальным языком, с «ленинскими нормами партийной жизни», но и отчасти с литературно-эстетическими и общественно-политическими убеждениями шестидесятников. Шестидесятники исчерпали себя на рубеже 1990-х годов, вместе с крахом коммунизма [о шестидесятничестве см.: Адамович 1991; Вайль, Генис 1996; Махлин 2003; Буртин 2003].

Твардовский дважды приступал к редактированию журнала «Новый мир» и дважды отстранялся от этой деятельности. Редактором «Нового мира» Твардовский являлся в 1950 – 1954 и 1958 – 1970 гг. Около 17 лет редакторской работы пришлось на разные периоды «оттепели» – на её раннее предвестье, на её бурное начало и продолжение, на её полное затухание, драматический финал. Как редактор Твардовский оба раза сменял К.М.Симонова [см.: Биуль-Зедгинидзе 1996; Бианки 1999].

При первом назначении Твардовский признавался, что имел смутное представление о профессии редактора. Тем не менее, уже в 1952 г. журнал опубликовал произведения, ставшие признаками едва обозначившейся новой эпохи. Это новаторские статьи М.Щеглова, «Русский лес» Л.Леонова (1954, № 5), сочинения В.Померанцева «Об искренности в литературе» (1953, № 12), М.Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» (1954, № 2), Ф.Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954, № 4), а также ставшие широко известными произведения И.Эренбурга («Оттепель»), В.Пановой («Времена года»), Ф.Панфёрова («Волга-матушка река») и другие. В них авторы отошли от традиционной для «литературы подвигов» лакировки реальной жизни людей в социалистическом обществе. Впервые за многие годы был поставлен вопрос о губительности для интеллигенции той атмосферы, которая сложилась в стране.

Публикация этих работ была признана партийным руководством ошибочной, а линия «Нового мира» «вредной». В июле 1954 года Секретариат ЦК КПСС принял закрытое постановление об ошибках журнала и его главного редактора, а президиум правления СП освободил Твардовского от руководства журналом. Характерно, что в вину ему была поставлена публикация материалов, противоречащих решениям партии 1946 – 1948 гг. Чтобы не допустить впредь подобных «отклонений» от линии партии, по указанию ЦК, СП принял меры по «коренному улучшению работы печатных органов».

В постсталинский период зарождается одно из ведущих направлений русской советской литературы – «деревенская проза». Она берёт начало в публицистических очерках о селе В.Овечкина «Районные будни» (первая часть появилась в 1952 г.), Е.Дороша «Деревенский дневник» (1954 – 1962), а также в программной статье Ф.Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) и первом романе его будущей тетралогии – «Братья и сёстры» (написан в 1951 г., опубликован в 1958 г.), в ранних рассказах В.Астафьева и первых произведениях «лирической прозы» –

«Владимирские просёлки» (1957) В.Солоухина. Формирование художественных и нравственных основ «деревенской прозы» связано с ранними произведениями А.Солженицына «Матрёнин двор» (1959), «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Захар-Калита» (1965). К писателям-«деревенщикам» относятся В.Белов, В.Астафьев, В.Шукшин, Б.Можаев, Е.Носов, В.Распутин (о феномене «деревенской прозы» см., напр., [Вильчек 1987; Кузнецов 1998; Большакова 2000, 2003]).

Атмосфера «оттепели» была поддержана и создателями альманаха «Литературная Москва», в первом выпуске которого участвовали К.Федин, С.Маршак, Н.Заболоцкий, А.Ахматова, А.Твардовский, В.Тендряков, Л.Гроссман, Б.Пастернак. Редакторы альманаха – М.Казакевич, М.Алигер, В.Каверин – попытались повторить идею Серапионовых братьев – собрать литераторов, не связанных никакими идеологическими установками. Альманах продавался в кулуарах XX съезда партии. Во втором выпуске были помещены стихи М.Цветаевой, отклик на них И.Эренбурга, «Заметки писателя» Н.Крона. Крон писал, что литературой может управлять только здравый смысл, что литература не может являть собой перечень образцовых произведений, что непрерываемость – не категория литературы. Статья Крона и рассказ А.Яшина «Рычаги» вызвали враждебную реакцию властей. По существу состоялся разгром альманаха. В «Литературной газете» (редактор В.Кочетов) и других изданиях появились фельетоны по поводу духа и текстов «Литературной Москвы». В очередной раз писатели привычно каялись, кто был посмелее – промолчал. Образцом героизма стал поступок Вс.Иванова, вышедшего в знак протеста из редколлегии «Литературной газеты». Хрущёв, не вникший в суть проблемы, но сориентированный «товарищами» на то, что альманах отдаёт антисоветчиной, выступил резко и связал литературное издание с «выпадами антисоветских элементов».

Аналогичная судьба постигла и другой альманах – «Тарусские страницы. Литературно-художественный сборник», вышедший в Калуге в 1961 г., в котором была опубликована проза К.Паустовского, Ф.Вигдоровой, Б.Окуджавы, Ю.Казакова, Б.Балтера, стихи Н.Коржавина, Д.Самойлова, Н.Заболоцкого [см.: О судьбе сборника «Тарусские страницы» 1993].

После XX съезда партии значительно увеличилось число литературных журналов и издательств, выросли тиражи. Появились журналы «Москва», «Нева», «Иностранная литература», «Наш современник», «Дружба народов» и другие. Всего во второй половине 50-х годов впервые или после длительного перерыва стали выходить 28 журналов, 7 альманахов, 4 газеты литературно-художественного профиля. В это же время в ходе реабилитации жертв политических репрессий 30 – 40-х годов были возвращены читателю книги М.Кольцова, И.Бабеля, А.Весёлого, И.Катаева, Т.Табидзе, П.Маркина.

После XX съезда партии было несколько ослаблено идеологическое давление в области музыки, живописи, кинематографии. Ответственность за «перегибы» прежних лет была возложена на Сталина, Берию, Жданова, Молотова, Маленкова и др.

Однако идеологический диктат партийного руководства в этих сферах сохранялся и позже. В мае 1958 г. ЦК КПСС издал постановление «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”», в котором были признаны бездоказательными и несправедливыми прежние оценки творчества Д.Шостаковича, С.Прокофьева, А.Хачатуряна, В.Шебалина, Г.Попова, Н.Мясницкого. В то же время Хрущёв лучше, чем кто-либо другой, выражал своим поведением одну из характерных черт тоталитарной системы – отрицание всего, что не имеет прямого отношения к задаче построения коммунизма, не вписывается в официальную идеологию или лично неприятно самому лидеру страны. Так, генсек критически отозвался о джазе (после премьеры концерта американского музыканта Б.Гудмана), совершил знаменитый разгром художников-абстракционистов на выставке в манеже, раскритиковал ряд кинокартин, в том числе явно неординарный фильм М.Хуциева «Застава Ильича». Хрущёв про себя говорил: «В искусстве я сталинист». Печально знаменитой была речь

Хрущёва на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства в марте 1963 г. Как и прежде, Хрущёв высказывался за простоту и доступность художественных произведений. Свои литературные вкусы он выдавал за эталон и ругал писателей, кинематографистов и художников за элементы модернизма, абстракционизма в их произведениях. В июле 1963 г. Хрущёв на партийном Пленуме заявил, что оценку литературным произведениям должна давать партия.

Очевидно, что «оттепель» не была стопроцентной. Официальные «ограничители» продолжали действовать во всех сферах искусства. Это привело к возникновению к концу 50-х годов «самиздата»: выпуску машинописных журналов, в которых публиковались произведения молодых поэтов, писателей, историков, философов. Первым из таких журналов стал «Синтаксис» А.Гинзбурга, в котором публиковались не прошедшие официальной цензуры произведения Б.Ахмадуллиной, Е.Гинзбург, В.Некрасова, Б.Окуджавы, В.Шаламова и других. Издавали неофициальных поэтов – М.Цветаеву, О.Мандельштама и прочих; переводы, рассказы, лагерные воспоминания.

Термин «самиздат» возник после того, как ещё в конце 40-х годов поэт Н.Глазков стал называть свои напечатанные на машинке и не предназначенные для Госиздата сочинения «самсебяиздат».

В шутку слово «самиздат» расшифровали так: «Сам пишу, сам издаю, сам распространяю, сам отсиживаю за это» [о самиздате см.: Соколов 1992; Конрад 1994; Самиздат века 1997; Николюкин 2003; Самиздат в Ленинграде 2003; По страницам самиздата 1990].

Арест А.Гинзбурга в 1960 г. и прекращение выпуска «Синтаксиса» не означали разгрома «самиздата». Наоборот, именно на этой основе начало зарождаться диссидентское движение [см.: Алексеева 1992; Безбородов, Мейер, Пивовар 1994; Степанов 2004], связанное на данном этапе с именами В.Буковского, Ю.Галанскова, В.Осипова, Э.Кузнецова и многих других. Диссидентское движение начиналось с немногочисленных подпольных кружков, обычно молодёжных. Они стали появляться сразу же после Великой Отечественной войны, в конце 40-х. Новый толчок движению придали XX съезд и осуждение «культы личности Сталина». По форме, а часто и по основным идеям подпольные кружки обычно подражали партии большевиков. С подполья начинали многие диссиденты – например, генерал П.Г.Григоренко.

29 июня 1958 г. в Москве на открытии памятника Маяковскому читали свои стихи официальные поэты. Потом стали выходить желающие из публики и тоже читать стихи. Такой стихийный вечер многим понравился, и участники условились продолжать эти встречи. С тех пор почти каждый вечер превращался в вечер поэзии. Люди здесь свободно говорили о литературе, об искусстве, читали запрещённых поэтов (например, О.Мандельштама, М.Цветаеву). Сначала власти спокойно относились к этим вечерам, но потом забеспокоились. На некоторое время удалось прекратить чтения. С сентября 1960 г. чтения возобновились и стали происходить по выходным. Власти сделали всё, чтобы прекратить чтения. Последние чтения состоялись 9 октября 1961 года, в день открытия XXII съезда партии. Троиц (В.Осипов, Э.Кузнецов, И.Бакштейн, которые были постоянными участниками) арестовали по обвинению в антисоветской агитации и приговорили к 5 – 7 годам заключения. Эти чтения помогли диссидентам выйти «на свет», к открытой деятельности.

Роман Е.Замятина «Мы» (впервые опубликован на английском языке в Нью-Йорке в издательстве Зильбурга в 1924 г., а затем в 1927 г. фрагменты романа появились на русском языке в пражском журнале «Воля России») и роман Б.Пильняка «Красное дерево» (впервые опубликован в издательстве «Петрополис» в 1929 г.) ознаменовали рождение такого явления, как «текст-эмигрант» (Д.Сигал), ставшего одной из форм борьбы за свободу русской литературы. Вторично в качестве «текста-эмигранта» роман «Мы» выступил в 1952 году, когда появилась его полная публикация на русском языке в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова. Появление «Мы» предварило зарубежную

публикацию «Доктора Живаго» Б.Пастернака и последовавшую за ним волну «тамиздата» [о «тамиздате» см.: Тамиздат Цадаса 1989; «Тамиздат» 1990]. Многие из таких книг тайно ввозились в страну.

Из-за того, что «Доктор Живаго» (1957) был впервые опубликован в Милане, началась организованная травля Пастернака. Именно в это время родилась одна из формул литературного быта: «Роман я не читал, но считаю...». Чтобы остаться в Союзе, Пастернак отказался от присуждённой ему в 1958 году Нобелевской премии. В октябре 1958 г. Борис Леонидович направляет письма в СП и Хрущёву. Писателя из СП исключили.

В 1963 г. в Мюнхене издана поэма Ахматовой «Реквием», с пометой, что печатается она «без ведома и согласия автора». До первой публикации в России в 1987 году поэма перепечатывалась и распространялась как самиздат. В 1962 г. Ахматова передала «Реквием» в «Новый мир», однако он не был опубликован. В 1987 г. поэма была опубликована сразу в двух журналах – «Октябрь» (№ 3) и «Нева» (№ 6).

В 60-е гг. появляются первые произведения русского постмодернизма – «Москва – Петушки» Вен.Ерофеева, «Пушкинский дом» Битова, «Школа для дураков» Саши Соколова.

Многим запомнилось выступление Хрущёва на Третьем съезде советских писателей в мае 1959 г. Хрущёв в своём докладе формулировал задачи литературной критики: «Когда читаешь книги, то одна волнует, доставляет удовольствие, другая книга вызывает чувство гнева и возмущения против того или иного явления, которое отражено в этом произведении. Третью книгу читаешь, а глаза смыкаются. Хочешь прочитать, потому что говорили об этой книге товарищи, читавшие её, хочешь иметь своё мнение о ней, но читается она с трудом, глаза снова закрываются. Потрёшь их, начинаешь опять читать, опять смыкаются глаза. Чтобы всё-таки прочитать книгу, берёшь иной раз булавку, делаешь себе уколы и тем подбадриваешься, чтобы прочитать книгу до конца» [Третий съезд писателей СССР 1959: 220]. Отвечая на вопрос, кто же должен выступать в роли критика, Хрущёв утверждал, что судьёй должен быть народ и что умная критическая статья – это как «берёзовый веник для человека, который любит ходить попариться в баню: он парится и веничком себя похлопывает, а если сам себе не хочет этого делать, то сделает ему другой» [Третий съезд писателей СССР 1959: 221].

Вскоре после повторного назначения Твардовского на пост главного редактора «Нового мира» в 1958 г. это журнал превратился в постоянную мишень для литературных критиков и партийных идеологов. Несмотря на прочное положение Твардовского, его общественные посты (депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС), личное и близкое знакомство с Хрущёвым, в прессе тех лет то и дело появлялись злобные выступления, направленные против «Нового мира».

Колоссальный общественный резонанс имела публикация в журнале Твардовского рассказа А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в 1962 году (№ 11). В.Я.Лакшин пишет: «Через два-три дня о повести неизвестного автора говорил весь город, через неделю – страна, через две недели – весь мир. Повесть заслонила собой многие политические и общественные новости: о ней толковали дома, в метро и на улицах. В библиотеках 11-й номер “Нового мира” рвали из рук. В читальных залах нашлись энтузиасты, сидевшие до закрытия и переписывавшие повесть от руки» [Лакшин 1989: 202]. После этого десятки бывших заключённых тоже стали писать о пережитом в лагерях. Правда, в печать из них попали очень немногие. Например, «Новый мир» напечатал лагерные воспоминания генерала А.Горбатова. В своих литературных заметках «Бодался телёнок с дубом» получивший мировое признание Солженицын расскажет о том, как непросто складывались его отношения с Твардовским и «Новым миром», как редактор Твардовский «ломал» молодого автора, стремясь актуализировать в его творчестве идеи XX съезда партии [Солженицын 1996]. Отношения Твардовского и Солженицына отражают распространённый тип взаимодействия писателя и критика-

редактора, взаимодействие, при котором каждый привержен своей правде. Однако известные факты свидетельствуют о гражданском мужестве Твардовского, рискнувшего подключить Хрущёва, чтобы пробиться через жёсткие цензурные препоны и прорвать плотину молчания вокруг ГУЛАГа в литературе и искусстве. Многие люди были причастны к этой публикации, и всё же Твардовский при поддержке Хрущёва взял на себя главную ответственность, совершив поистине редакторский подвиг (он даже послал рукопись рассказа Хрущёву, приложив к ней своё письмо).

Литературные критики, оценив факт появления такого произведения в открытой печати, поняли, что Солженицына могли опубликовать только с ведома и одобрения ЦК КПСС, и встретили произведение одобрительным хором. Правда, чуть позже этот одобрительный хор сменился дружной хулой. Как позднее писал один из сотрудников «Нового мира» критик Ю.Буртин, общественная ситуация резко изменялась, а «Новый мир» осознал себя демократическим изданием, стоящим на тех позициях, которые были созвучны ранней «оттепели». Журнал по-прежнему боролся с силами торможения, стремился критически осмыслить историю и современность, а главное – избегал «полуправды» [см. об этом: Буртин 1987]. В стране негласно шла реабилитация Сталина, поддержанная на знаменитых встречах руководителей партии с интеллигенцией в 1963 г. С приходом Брежнева вновь воцарилось внешнее благолепие.

В 1960 г. Твардовский направляет письма Хрущёву и секретарю ЦК КПСС Е.А.Фурцевой. С.П.Злобин обращается к Хрущёву с протестом против расправы над Пастернаком и Дудинцевым, против зажима молодой прозы и поэзии – Аксёнова, Бакланова, Вознесенского. О.Д.Форш в конце жизни обратилась за советом и поддержкой по поводу переиздания своего «Сумасшедшего корабля» к Н.Тихонову, секретарю СП. Шолохов обращался к Хрущёву.

В.С.Гроссман в 1943 г. начал роман о войне. В 1949 г. он сдал рукопись в «Новый мир». Три года длилась подготовка романа к печати. Рукопись трижды набиралась заново (сохранилось двенадцать авторских вариантов текста). Наконец, в 1952 г. роман под названием «За правое дело» увидел свет («Новый мир», 1952, № 7-10). Вскоре появилась разгромная статья М.Бубеннова «О романе В.Гроссмана “За правое дело”» («Правда», 1953, 13 февраля). В 1954 г. роман вышел отдельным изданием, но в урезанном виде. Полный текст произведения, без купюр, сделанных в «Новом мире» и «Воениздате», появился в печати только в 1956 г. Гроссман продолжил работу над эпопеей о Великой Отечественной Войне; она приняла форму диалогии. В 1960 г. автор сдал рукопись второй части диалогии под названием «Жизнь и судьба» в журнал «Знамя». Рукопись не только была отвергнута как «идейно-порочная», но и отправлена в ЦК, после чего органы Госбезопасности изъяли у автора остальные её экземпляры со всеми вариантами и заготовками. Однако Гроссман смог уберечь один экземпляр, и уже после его смерти стараниями его друзей (С.И.Липкина, В.Н.Войновича, а также А.Д.Сахарова и Е.Г.Боннэр) он был переправлен за границу и в 1980 г. напечатан в Швейцарии. На Родине роман был впервые напечатан в 1988 г. («Октябрь», № 1-4), тогда же вышло отдельное издание (издательство «Книжная палата»); к 1990 г. относится публикация наиболее достоверной редакции по рукописи, сохранённой В.И.Любодой. После ареста «Жизни и судьбы» Гроссмана фактически перестали публиковать и почти не упоминали его имя в печати (был опубликован лишь его послевоенный рассказ «Дорога»). Некоторые рассказы удалось включить в сборник «Добро Вам!» (1967) уже после смерти автора. Повесть «Всё течёт...» была сначала опубликована во Франкфурте-на-Майне (1970), а на Родине – лишь в 1989 г. («Октябрь», № 6).

Во второй половине XX века философское сознание стало воскресать после анабиоза, вспоминая, что было раньше: демократическую идею («Новый мир» 1960-х), русскую национальную идею («Наш современник» 1970 – 1980-х). Оба направления при своей трагической для литературы этого периода оппозиционности были устремлены, в итоге, к общей цели: они воссоздавали в новых постсталинских условиях забытые и

утраченные стороны русской культуры, русского сознания. Оба направления, представляемые этими журналами, стояли на реалистических позициях. С их деятельностью связано появление и эстетико-философское осмысление таких явлений русской литературы второй половины XX века, как деревенская проза, а также военная, городская, лагерная проза. Разногласия, политико-идеологические, эстетические, личные, существовавшие между интеллигенцией, приверженной тому или иному направлению, сейчас кажутся незначительными. Виднее сходство: огромная их роль в возрождении русской литературы и русского сознания, пусть и с разных его сторон, которые тогда писателями и журналистами мыслились как взаимоисключающие. Нравственным и эстетическим исканиям «Нового мира» во многом оказалась созвучна позиция молодёжного литературно-художественного журнала «Юность» (с 1955 г. его главным редактором был В.П.Катаев, а с 1962 по 1981 гг. – Б.Полевой). Несмотря на то, что Твардовский всегда стоял на партийных позициях, власти всегда усматривали в его редакторских действиях и вообще в политике «Нового мира» черты свободомыслия. Такое стечение общего духа времени и позиции журнала привело к открытой травле Твардовского и его сотрудников. Особенно громко заявил о своём неприятии новомирской политики журнал «Октябрь» под редакцией В.Кочетова. Журнальная полемика между этими двумя изданиями с разной степенью интенсивности продолжалась практически до конца 60-х гг. Кочетов, являвшийся официальным партийно-литературным идеологом, выстроил платформу своего журнала вопреки либерально-демократической ориентации «Нового мира». В редакционных статьях и рецензиях всё, исходившее из «лагеря» новомирцев, нещадно критиковалось.

На рубеже 1950 – 60-х годов литературная жизнь оживилась за счёт издания многих областных (региональных) литературно-художественных журналов: «Дон», «Подъём», «Север», «Волга» и др. С 1956 г. вновь выходит журнал «Детская литература». Реанимировалась и литературная критика как особая сфера научно-художественного творчества. После Второго съезда писателей в мае 1959 г. работа писательского союза наладилась, и съезды стали проходить регулярно. На каждом из них говорится и о состоянии литературной критики. С 1958 г. к союзным съездам добавятся ещё и съезды писателей Российской Федерации (учредительный состоялся в 1958 г.). На всех партийных съездах, начиная с двадцатого, в отчётных докладах непременно появлялись специальные абзацы, посвящённые литературе. Ведь в шестой статье Советской Конституции – статье, отменённой лишь в 1990 году, было сказано о руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза во всех сферах общественно-политической жизни. Так что партийное руководство литературой было по существу закреплено конституционно.

4 мая 1961 г. был принят указ о борьбе с туеядцами. В их число попадали все взрослые граждане, «уклоняющиеся от общественно-полезного труда». 29 ноября 1963 г. газета «Вечерний Ленинград» напечатала фельетон «Окололитературный трутень». В нём высмеивался и разоблачался как туеядец И.А.Бродский. «Этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден, – замечала газета. – Надо перестать нянчиться с окололитературным трутнем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде». После двух судов (открытого и закрытого; заседания открытого суда застенографированы Ф.Вигдоровой и распространялись в самиздате – запись «Судилище») 18 февраля 1964 г. Бродский приговорён к ссылке сроком на 5 лет за туеядство. Во время судов между судьёй и подсудимым несколько раз повторялся один и тот же диалог: «Судья: Объясните суду, почему Вы не трудились. Бродский: Я работал. Я писал стихи. Судья: Но это не мешало Вам трудиться. Бродский: Я трудился. Я писал стихи. Раздражённая, судья поинтересовалась: “А кто признал, что Вы поэт? Кто причислил Вас к поэтам?” “Никто, – отвечал удивлённо Бродский. – А кто причислил меня к роду человеческого?” “А Вы учились этому? – спросила судья. – Не пытались закончить вуз?” “Я не думал, что это даётся образованием, – сказал Бродский и с лёгкой растерянностью добавил: – Я думаю, это... от Бога”. В последнем слове он под смех судьи и заседателей заявил: “Я не только

не тунеядец, а поэт, который прославит свою Родину»» [цит. по: Судилище 1964; о деле Бродского см.: Якимчук 1990].

В 60-е годы формируется уникальный феномен – советская многонациональная литература.

В конце 50-х возникает авторская песня – многогранное социокультурное явление, в известной мере – общественное движение 50 – 60-х годов XX века. «Своё слово о нём ещё предстоит сказать людям самых разных областей: музыковедам, культурологам, социологам, историкам» [Новиков 1997: 9; об авторской песне см.: Ничипоров 2006]. Среди поэтов, находившихся у истоков авторской песни, следует назвать М.Анчарова, Ю.Визбора, Ю.Кима, А.Якушевой; если обратиться к более ранним временам, нельзя не вспомнить А.Вертинского. Однако ключевыми фигурами считаются Б.Окуджава, А.Галич, В.Высоцкий.

Параллельно с авторской песней развивалась рок-поэзия, особенно в 70-е годы. Это разновидность авторской песни и собственно музыкально-поэтическое явление. Наряду с самиздатом и тамиздатом в 60 – 70-е годы существует магнитиздат (кстати, эти слова образованы по аналогии со словом «Госиздат»), возникший в связи с широчайшим распространением магнитофонных записей авторских песен Б.Окуджавы, А.Галича, В.Высоцкого и произведений рок-поэзии (Б.Гребенщиков и другие).

В октябре 1964 г. Хрущёв был свергнут в результате заговора испугавшейся за свои привилегии правящей верхушки и отправлен на пенсию. В том же году Брежнев был избран Председателем Президиума Совета СССР и чуть позже – 1-м секретарём (с 1966 г. – генсеком). Годы правления Леонида Ильича вошли в историю под названием «эпоха застоя» (о литературе этого времени см., напр., [От оттепели до застоя 1990]).

Дело Бродского стало определённой исторической вехой. Пастернака не решился защитить никто. А в защиту Бродского выступили уже более сотни людей, в том числе около двадцати писателей: К.Чуковский, А.Ахматова, С.Маршак, К.Паустовский и др. В «деле Синявского и Даниэля» два года спустя число протестующих дошло до нескольких сотен человек. Н.Мандельштам замечала по этому поводу: «Сейчас репрессии против одного интеллигента порождают десятки новых. Мы это наблюдали во время дела Бродского» [Мандельштам 1999: 108]. В результате активного общественного протеста ссылка Бродского (которую он проводил в деревне Норенской Архангельской области) с 5 лет была сокращена до 1,5. В 1965 г. поэт вернулся в Ленинград. В 1927 г. он эмигрирует. Покидая СССР, он пишет письмо Брежневу «с просьбой позволить <...> присутствовать в литературном процессе в своём отечестве». В декабре 1965 г. группа деятелей культуры обратилась к П.Н.Демичеву с просьбой предоставить Солженицыну квартиру в Москве. Осенью 1965 г. были арестованы Синявский и Даниэль. Судебный процесс над ними, который был воспринят как один из знаков окончательного завершения периода оттепели [см. очерк Г.Белой в: Цена метафоры], состоялся 10 – 14 февраля 1966 г. Их судили за то, что они ещё в 1956 году начали публиковать свои произведения во Франции под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. «Забывшим (или не знавшим) демократическую традицию былых времён, когда писатель мог свободно выбирать себе любой псевдоним и свободно печатать свои произведения там, где хотел, – именно это вскоре было преподнесено как “измена Родине” и “двурушничество”», – пишет Г.Белая в своём очерке «Да будет ведомо всем...» [Цена метафоры 1989: 5]. После ареста писателей в Союзе был уничтожен уже отпечатанный тираж книги Даниэля «Бегство» (сокращённый вариант опубликован в № 6-8 журнала «Пионер» за 1989 г.). Даниэля приговорили к пяти годам лагерей строгого режима, Синявского – к семи. Суд над Синявским и Даниэлем стал заметным событием в общественной истории нашей страны. Впервые на открытом политическом процессе подсудимые не признали себя виновными. Им открыто выразили поддержку многие люди: К.Паустовский, К.Чуковский, видные филологи Л.Копелев и В.Иванов представили суду свои отзывы в защиту обвиняемых, но суд отказался их рассмотреть. Особое негодование властей вызвала повесть Даниэля «Говорит Москва», в

которой автор писал, что власти объявили «День открытых убийств». Арест Синявского и Даниэля и процесс по их «делу» впервые за время существования тоталитаризма поднял волну протеста против насилия над правом человека «на свободу убеждений и на свободное выражение их» («Всеобщая декларация прав человека»). В Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР, в Московский городской суд, в верховные суды СССР и РСФСР шли письма в защиту писателей. Было написано в защиту осуждённых письмо 62 писателей. Это «дело» получило международный резонанс.

В середине 60-х годов диссидентское движение, ранее бывшее в подполье, вышло на свет, стало открытым. После этого у многих диссидентов возникло стойкое предубеждение против подполья. Его выразил П.Г. Григоренко в названии своей книги: «В подполье можно встретить только крыс». Чтения у памятника Маяковского были шагом к открытому существованию диссидентов. Окончательным же шагом в этом направлении стал суд над Синявским и Даниэлем. Отголоски этого процесса, реагируя на очередной конфликт «царя и поэта», парадоксально отстаивали именно права индивидуальной авторской правды. Днём рождения правозащитного движения считается 5 декабря 1965 г., когда в день Сталинской конституции диссиденты решили провести демонстрацию протеста вскоре после ареста Синявского и Даниэля. Эти демонстрации (сначала 5 декабря, затем 10 декабря – в День прав человека) стали традиционными.

После суда над Синявским и Даниэлем А. Гинзбург и Ю. Галансков составили «Белую книгу», в которую вошли советские и зарубежные газетные статьи о суде, письма протеста, последнее слово подсудимых и многие другие материалы. Эта книга распространялась в самиздате. В 1967 г. их и двух «сообщников» (В. Лашкову и А. Добровольского) арестовали. В январе 1968 г. состоялся так называемый «процесс четырёх». Гинзбург получил пять лет заключения, Галансков – семь. Этот второй публичный процесс вызвал самые широкие общественные протесты. Письма протеста подписали около 1000 человек. Среди них, например, Б.И. Балтер, А.А. Ахматова, Арс. Тарковский, А.Т. Гладилин...

Самиздат после суда над Синявским и Даниэлем получил особое распространение. В конце 60-х наряду с литературным возник новый, политический самиздат. С 30 апреля 1968 г. диссиденты издают «Хронику текущих событий», своеобразную летопись общественной жизни страны, распространяемую в самиздате. Она издавалась до 1983 г., вышло 64 выпуска, несмотря на аресты редакторов. Кроме того, в самиздате распространялись правозащитные сборники, позднее журналы «Вече», «Поиски», «Варианты», «Поединок» и другие. В самиздате бытовали произведения Солженицына «В круге первом» (1955 – 1958) и «Раковый корпус» (1963 – 1966); в 1968 г. они были опубликованы за рубежом и стали фактом тамиздата.

Накануне XXIII съезда КПСС, прошедшего 29 марта – 8 апреля 1966 г., Э. Ханпира, И. Мельчук, Ю. Апресян, Л. Булатова обратились с письмом к Брежневу, в котором просили либо организовать пересмотр дела Синявского – Даниэля, освещая его в печати, либо помиловать этих людей. На этом съезде Шолохов выступил с гневным обличением арестованных. В ответ на это выступление Л. Чуковская написала «Открытое письмо Михаилу Шолохову», не предназначенное для публикации, в котором писательница упрекала Шолохова за негуманное поведение.

Положение журнала «Новый мир», который постоянно подвергался нападкам со стороны властей, стало особенно шатким после чехословацких событий 1968 г., когда усилилась политическая цензура. В каждой журнальной книжке искали особый подтекст. Номера выходили с опозданием, а некоторые публикации изымались в последний момент, и часть журнала поступала к подписчикам с белыми страницами. Во второй половине 60-х Твардовский пишет три безответных письма Брежневу. Как это бывало в годы жёсткого политического контроля, удалось сфабриковать несколько читательских и писательских писем. В знаменитом «Письме одиннадцати литераторов», опубликованном в «Огоньке», в письме рабочего Захарова (газета «Социалистическая индустрия») и других подобных

откликах речь шла об антипатриотической позиции журнала, об отказе от идеалов партийности и народности. В феврале 1970 г. Твардовский был уволен с поста редактора, и вся его редакция тоже покинула журнал. Удар был такой силы, что через полтора года Твардовский скончался. Солженицын очень скорбно воспринял смерть Твардовского [см.: Солженицын 2000]. Однако некоторые даже годы спустя будут обвинять «Новый мир» в легальном экстремизме и во многих других грехах. В конце 60-х велась организованная травля Солженицына [см.: Кампания по разоблачению... 1993].

После публикации за границей в 1973 г. «Архипелага ГУЛАГа» она стала особенно резкой. Многие газеты пестрели заголовками: «Как А.Солженицын воспел предательство власовцев», «Отпор литературному власовцу», «Без царя в голове» и т. п. В период 1967 – 1974 гг. Солженицын направляет ряд писем «наверх», в том числе своё знаменитое «Письмо вождям Советского Союза» (1973; первая публикация – 1974). В феврале 1974 г. советские газеты сообщили о высылке Солженицына за границу. Спустя неделю после высылки писателя «Литературная газета» опубликовала подборку «Конец литературного власовца». В частности, в этой подборке были опубликованы нападки на Солженицына советских писателей, например П.Проскурина, М.Алексеева.

Шолохов направил в Секретариат СП письмо против Солженицына – правда, немного раньше: в 1967 г. Кроме того, Шолохов в 1968 г. направил 2 письма Брежневу, в 1962 г. – в Совет Министров РСФСР, председателю Совета Министров РСФСР в 1963 и в 1970 гг. В 1968 и в начале 1970-х гг. «наверх» обращается Высоцкий, творчество которого всячески преследовалось. В 1974 г. Войнович после исключения из СП направил ему письмо, а в 1981 г. – Брежневу, уже из эмиграции.

21 января 1972 г. после длительного перерыва критика вновь привлекла к себе внимание: вышло постановление «О литературно-художественной критике». Однако постановление это вполне соответствовало традиционному шаблонному тексту «о состоянии и задачах». Как обычно, речь шла о недостатках литературной критики, которая снисходительна «к идейному и художественному браку», отличается субъективностью и групповыми пристрастиями и, кроме того, недостаточно активна на пути утверждения идеалов гуманизма и противостояния буржуазной культуре. В качестве причин такого положения были названы недостатки кадров и отсутствие научных разработок в области истории и теории литературной критики. Текст не содержал никаких конкретных директив, никаких примеров и имён, а только общие слова о необходимости «улучшения», необходимости «направить внимание». Результатом постановления явилось издание критико-библиографического журнала «Литературное обозрение» (с 1973 г.), появление многочисленных сборников и целых журнальных номеров, посвящённых литературной критике.

Ко второй половине 60-х – 70-м гг. относится третья волна эмиграции. В конце 70-х – начале 80-х гг. формируется и достигает рассвета проза сорокалетних (Маканин, Ким, Курносиков, Курчаткин).

Такова в общих чертах социокультурная ситуация при Хрущёве и Брежневе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Некоторые исследователи считают, что «оттепельные» тенденции проявились несколько раньше. «Возвестила её (оттепели – Е.С.) наступление писательница Вера Панова. В коротком эссе “Тост”, опубликованном “Литературной газетой” 1 января 1952 г., она пожелала всем коллегам: “Чтоб не стало произведений тусклых, серых, вялых, похожих друг на друга”. И задала далеко не риторический вопрос: “Почему у нас нет, например, дискуссии по вопросам формы?”. Мало заметный призыв Пановой как бы поддержала газета “Правда”, уже 8 января опубликовав огромную, в три колонки теоретическую статью А.Вишнякова вроде на чисто философскую тему – “О борьбе между старым и новым”. Однако в статье среди

прочего содержалось и такое утверждение: “Борьба нового со старым проявляется во всех областях общественной жизни. Она идёт не только в области экономики, но и в идеологии, в науке, литературе и искусстве”» [Жуков 2005: 573-574].

2. Отметим, что повесть Эренбурга была настороженно воспринята не только властями. Так, Шолохов оценил её так: «Я считаю его (Эренбурга – Е.С.) “Оттепель” клеветнической, клеветой на русский народ» [Осипов 2005: 436]. А вот мнение Синявского: «Почитайте кумиров 50-х – 60-х скажем, “Оттепель” Эренбурга. Говорить о расцвете литературы на основании этой, да и других вещей, невозможно. Подъём был скорее политический, нежели творческий» [цит. по: Осипов 2005: 417].

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 1991 – *Адамович А.М.* Мы – шестидесятники. Статьи. М., 1991.
- Аксютин, Волобуев 1991 – *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд КПСС: Новации и догмы. М., 1991.
- Алексеева 1992 – *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. М., 1992.
- Аппарат ЦК и культура 2001 – Аппарат ЦК и культура. 1953 – 1957. Документы. Сост. Е.С.Афанасьевой и др. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы»). М., 2001.
- Бабиченко 1994 – *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.
- Безбородов, Мейер, Пивовар 1994 – *Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И.* Материалы по истории диссидентского правозащитного движения в СССР 50 – 80-х годов. М., 1994.
- Бианки 1999 – *Бианки Н.П.* К.Симонов, А.Твардовский в «Новом мире»: Воспоминания. М., 1999.
- Биуль-Зедгинидзе 1996 – *Биуль-Зедгинидзе Н.* Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т.Твардовского (1958 – 1970 гг.). М., 1996.
- Большакова 2000 – *Большакова А.Ю.* Нация и менталитет: Феномен деревенской прозы XX века. М., 2000.
- Большакова 2003 – *Большакова А.Ю.* Деревенская проза // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н.Николукин. М., 2003.
- Большая цензура 2005 – Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917 – 1956. Сост. Л.В.Максименков. М., 2005.
- Буртин 1987 – *Буртин Ю.* «Вам, из другого поколения ...» // Октябрь, 1987, № 8.
- Буртин 2003 – *Буртин Ю.* Исповедь шестидесятника. М., 2003.
- В тисках идеологии 1992 – В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917 – 1927. Сост., вступ. ст. К.Аймермахер; Ред. Т.Громова. М., 1992.
- Вайль, Генис 1996 – *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М., 1996.
- Вильчек 1987 – *Вильчек Л.Ш.* «Деревенская проза» // Современная русская советская литература. Часть 2. М., 1987.
- Власть и художественная интеллигенция 2002 – Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг. Сост. А.Н.Артизов и О.В.Наумов. М., 2002.
- Голубков 1992 – *Голубков М.М.* Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20 – 30-е годы. М., 1992.
- Голубков 2001 – *Голубков М.М.* Русская литература XX века. После раскола. М., 2001.
- Гусев 1993 – *Гусев Ю.* Грани диссидентства // Вопросы литературы, 1993, вып. IV. XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.

- Доклад Н.С.Хрущёва 2002 – Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. Ред. К.Аймермахер; Сост. В.Ю.Афиани (отв. сост.) и др. М., 2002.
- Жуков 2005 – *Жуков Ю.Н.* Сталин: Тайны власти. М., 2005.
- Зубкова 1991 – *Зубкова Е.Ю.* После войны: Маленков, Хрущёв и «оттепель» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.
- Зубкова 1996 – *Зубкова Е.Ю.* Оттепель (1953 – 1964) // История России. XX век. М., 1996.
- Идеологические комиссии ЦК КПСС 2000 – Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 – 1964. Документы. Сост. Е.С.Афанасьевой и др. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы»). М., 2000.
- История политической цензуры 1997 – История политической цензуры. Документы и комментарии. Отв. ред. и руководитель творческого коллектива Г.М.Горячева. М., 1997.
- История России 1995 – История России. Учебное пособие для вузов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ. Под ред. С.В.Леонова. В 2 томах. М., 1995.
- История русской литературы XX века – История русской литературы XX века. 20 – 50-е годы. Литературный процесс. Учебное пособие. М., 2006.
- Кампания по разоблачению... 1993 – Кампания по разоблачению «литературного власовца» А.И.Солженицына // Вопросы литературы, 1993, вып. 5.
- Конрад 1994 – *Конрад Д.* Самиздат. Оглядываясь на самиздат. Что-то закончилось // Вопросы литературы, 1994, № 4.
- Кречмар 1997 – *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970 – 1985 гг. М., 1997.
- Кузнецов 1998 – *Кузнецов Ф.Ф.* На переломе: Из истории литературы 1960 – 70-х годов. М., 1998.
- Лакшин 1989 – *Лакшин В.Я.* Открытая дверь: Воспоминания, портреты. М., 1989.
- Литературное движение советской эпохи 1986 – Литературное движение советской эпохи: Материалы и документы. М., 1986.
- «Литературный фронт» 1994 – «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932 – 1946 гг. Сборник документов. Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1994.
- Мандельштам 1999 – *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1999.
- Махлин 2003 – *Махлин В.Л.* Шестидесятники // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. М., 2003.
- Николюкин 2003 – *Николюкин А.Н.* Самиздат // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. М., 2003.
- Ничипоров 2006 – *Ничипоров И.Б.* Авторская песня в русской поэзии 1950 – 1970-х гг.: Творческие индивидуальности, жанрово-стилистические поиски, литературные связи. М., 2006.
- Новиков 1997 – *Новиков Вл.* Авторская песня как литературный факт // Авторская песня. М., 1997.
- О судьбе сборника. «Тарусские страницы» 1993 – О судьбе сборника. «Тарусские страницы» // Вопросы литературы, 1993, вып. 2.
- Одесский, Фельдман 2004 – *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика «оттепели». Материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // Вопросы литературы, 2004, № 5.
- Опенкин 1991 – *Опенкин Л.А.* Оттепель: как это было (1953 – 1955). М., 1991.
- Осипов 2005 – *Осипов В.О.* Шолохов. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 2005.
- От оттепели до застоя 1990 – От оттепели до застоя. М., 1990.
- Оттепель 1989а – Оттепель: 1953 – 1956: Страницы русской советской литературы. М., 1989.

- Оттепель 1989б – Оттепель: 1957 – 1959: Страницы русской советской литературы. М., 1989.
- Оттепель 1990 – Оттепель: 1960 – 1962: Страницы русской советской литературы. М., 1990.
- По страницам самиздата – По страницам самиздата / Сост. К.Г.Мяло и др. Предисл. К.Г.Мяло. 1990.
- Реабилитация 1996 – Реабилитация: Политические процессы 30 – 50-х годов. М., 1996.
- Самиздат в Ленинграде 2003 – Самиздат в Ленинграде. Сб. материалов и документов. М., 2003.
- Самиздат века 1997 – Самиздат века. М., 1997.
- Соколов 1992 – *Соколов Б.В.* Первый самиздат // Московский наблюдатель, 1992, № 5-6.
- Солженицын 1996 – *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996.
- Солженицын 2000 – *Солженицын А.И.* Богатырь (К 90-летию со дня рождения А.Т.Твардовского) // Новый мир, 2000, № 6.
- Сталин 2002 – Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002.
- Степанов 2004 – *Степанов Ю.* Диссиденты // Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2004.
- Судилище 1964 – Судилище. Б.м. и г. [1964].
- Суровцева 2008 – *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху. 1920-е – 1950-е гг. М., 2008.
- «Счастье литературы» 1997 – «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925 – 1938. Документы. Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1997.
- «Тамиздат» 1990 – «Тамиздат» от осуждения к диалогу. Саратов, 1990.
- Тамиздат Цадаса – Тамиздат Цадаса и современный литературный процесс в Дагестане. Махачкала, 1989.
- Третий съезд писателей СССР – Третий съезд писателей СССР. М., 1959.
- Хрущёв 1989 – *Хрущёв Н.С.* О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущёва XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС, 1989, № 3.
- Цена метафоры 1989 – Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989.
- Эггерлинг – *Эггерлинг В.* Политика и партия при Хрущёве и Брежнев. 1953 – 1970 гг. М., 1999.
- Якимчук 1990 – *Якимчук Р.* Как судили поэта (Дело И.Бродского). Л., 1990.

Валерий Занглигер

УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КРИТЕРИЙ ОТБОРА ПОСЛОВИЧНОГО МИНИМУМА

Отбор языкового материала всегда был и до сих пор остается важнейшей методической проблемой, поскольку хорошо известно, что рациональный отбор языковых средств является верным залогом успешного обучения. Можно сказать, что проблемой отбора методисты занимались на протяжении всего XX века, начиная с появления первых частотных словарей. Теперь есть все основания утверждать, что важнейшим достижением методики XX века является создание языковых минимумов для разных языков, этапов обучения и категорий учащихся.

Долгое время проблема отбора лексического материала разрабатывалась исключительно в отношении однословных единиц. Отбор же сверхсловных единиц словаря (фразеологизмов разных структурно-семантических типов) сдерживался отсутствием серьезной фразеологической теории. Хотя в 60-е – 70-е годы фразеологическая теория в лингвистике разрабатывалась исключительно активно и плодотворно, в то же время методисты отмечали, что «разработка фразеологических минимумов русского языка только начинается» [Быстрова 1979: 312]. Это замечание особенно верно отражает положение дел в отношении отбора паремий, поскольку до недавнего времени паремии были объектом чисто литературного и исторического изучения. Паремии (и в первую очередь пословицы) не считались частью словаря и поэтому не привлекали внимания лингвистов. Вопрос о лингвистическом статусе пословиц не решен однозначно до сих пор, однако становление антропоцентрической парадигмы в лингвистике и бурное развитие в последние годы лингвокультурологии способствует повышению интереса лингвистов и методистов к таким «культуроносным» единицам, какими являются пословицы.

Хотя учебные словари пословиц появились еще в 60-е годы [Григорьева, Мотина 1963; Герд 1965; Жуков 1966; Кицис 1969], составители этих словарей теорию отбора пословиц не разрабатывали. Одним из первых, кто поставил вопрос об отборе специального паремиологического минимума, был Г.Л.Пермяков. В 1974 году в Москве состоялся VI Международный конгресс фольклористов, в рамках которого был проведен симпозиум по паремиологии. На этом симпозиуме Г.Л.Пермяков выступил с докладом на тему: «К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений)». В докладе, однако, основное внимание было уделено доказательству необходимости отбора паремиологического материала в учебных целях и классификации этого материала. Вопрос же о критериях отбора особо не обсуждался, поскольку в то время спорной казалась сама идея отбора. В отношении критериев было лишь заявлено, что отбираемый минимум должен включать «наиболее употребительные паремии». Заявленные в тезисах идеи об отборе паремиологического минимума были развиты и конкретизированы в более поздней публикации Г.Л.Пермякова [Пермяков 1982], но и в ней вопрос о критериях отбора пословиц не рассматривается.

В последние годы вследствие лингвокультурологической и страноведческой направленности языкового обучения интерес к пословицам все больше возрастает со стороны как методистов, так и преподавателей-практиков и составителей учебных пособий. Первые учебные паремиологические словари создавались именно как

лингвострановедческие пособия, что определило и подход к паремиям, и критерии их отбора.

При определении критериев отбора критерию употребительности отводится особое место, поскольку составитель любого минимума стремится включить в него в первую очередь наиболее употребительные единицы. По этой причине критерий употребительности многими методистами считается «основным и наиболее важным» [Остапенко 1959: 115] или, по меньшей мере, «одним из главных принципов отбора» [Быстрова 1979: 316]. Поначалу отбор пословиц для всех учебных словарей (в том числе и для известного паремиологического минимума Г.Л.Пермякова [Пермяков 1986]) осуществлялся только по критерию употребительности. Теперь пословичные минимумы отбираются по системе критериев, позволяющей учесть специфику и своеобразие пословичной единицы. В любом случае, однако, критерию употребительности отводится центральное место. Составители обычно отмечают, что в словарь «отобраны самые популярные, известные любому русскому пословицы» [Влахов 1999: 5].

Хотя важность критерия употребительности никем не оспаривается, тем не менее в методической литературе этот критерий интерпретируется по-разному.

В большинстве случаев употребительность понимается как частота использования той или иной языковой единицы в речи, поэтому употребительность и частотность нередко используются как взаимозаменяемые термины-синонимы.

Употребительность и частотность – это близкие термины, поскольку наиболее употребительные языковые единицы (или, по крайней мере, подавляющее большинство этих единиц), вероятно, чаще всего используются в речи. Эти два термина, однако, нельзя признать идентичными. Употребительность шире частотности, она характеризуется не только частотными, но и другими параметрами языковой единицы. Т.е. частотность – важнейший, но не единственный признак, характеризующий употребительность той или иной единицы.

Интерпретируя критерий употребительности при отборе пословиц для учащихся-иностранцев, необходимо учесть два важнейших обстоятельства.

Во-первых, частотность – это статистический термин, и без конкретных статистических данных использование критерия частотности в методических целях теряет практический смысл и может быть лишь чисто декларативным.

При отборе русских пословиц частотность не может быть показателем употребительности, поскольку русские пословицы пока не подвергались достаточно широкому статистическому изучению, которое позволило бы получить надежные частотные списки с указанием частотности употребления каждой пословицы. Предпринимавшиеся попытки статистического обследования русских пословиц носили до сих пор односторонний и фрагментарный характер.

Такая попытка была предпринята, например, в диссертационном исследовании И.Е.Савенковой, одной из задач которого было «выявить действенный запас русских пословиц и поговорок, функционирующий в языке современной художественной и публицистической литературы, определив таким образом наиболее популярные в современном русском языке пословицы и поговорки» [Савенкова 1989: 2]. Важнейшим практическим результатом этой работы явилось выделение 600 «наиболее употребительных в русском языке пословиц и поговорок», список которых дан в Приложении к ее диссертации.

Однако составление списка наиболее употребительных русских пословиц не было главной целью исследования. Поэтому описание и обоснование методики работы по анализу текстов и подсчету пословиц сделано в работе лишь схематично. Не обоснован должным образом объем проанализированных текстов, их жанровая

принадлежность, выбор авторов и другие важнейшие параметры, которые могли бы свидетельствовать о надежности и общезыковой репрезентативности анализа. Тем не менее, выделенные пословицы объявляются «наиболее употребительными в русском языке», а сам список пословиц рассматривается как основа русского паремиологического минимума.

Аналогичным образом (основываясь на письменных источниках) выделяют круг 500 наиболее употребительных русских пословиц С.С.Кузьмин и Н.Л.Шадрин [Кузьмин, Шадрин 1989]. Составители словаря указывают, что «основным критерием отбора служила регулярная употребительность каждой пословицы/поговорки в русской художественной литературе XIX – XX веков и в произведениях советских писателей» [Кузьмин, Шадрин 1989: 5].

Рассматривая подобные списки и словари, важно отметить, что при выделении наиболее употребительных пословиц путем анализа литературных текстов не учитывается тот важнейший факт, что пословицы – это фольклорные единицы, предназначенные для функционирования в устной речи. Возникновение пословиц, их структура и смысл неразрывно связаны с их устноречевым бытованием. Можно сказать, что пословицы являются такими, какие они есть, именно потому, что естественная сфера их бытования – устная речь. Всякий анализ и особенно выделение пословиц в отрыве от устной речи представляется искусственным.

Литературные тексты до какой-то степени отражают устную речь, но лишь до какой-то степени. Порождение письменного литературного текста и устного высказывания с психологической точки зрения принципиально различны (потому это разные виды речи). В письменном тексте и в устном высказывании используются разные языковые средства, которые по-разному комбинируются. И эти различия особенно заметны и важны в отношении пословиц – единиц по природе своей устноречевых.

Между тем выделение наиболее употребительных пословиц путем анализа литературных текстов является в настоящее время самым распространенным. Учебные пособия по усвоению пословиц, как правило, строятся на материале «наиболее распространенных пословиц и поговорок, встречающихся в классической и современной литературе, в публицистике последних лет и т.д.» [Андрейчина, Спасова 1992: 120], т.е. пословиц, выявленных в письменной речи.

В свете вышеизложенного оправданным представляется критическое отношение к любым пословичным спискам, составленным на основе анализа литературных текстов, хотя такие списки с успехом могут быть использованы при отборе учебного словаря для чтения на иностранном языке.

В отличие от других исследователей Г.Л.Пермяков при выделении общеупотребительных паремий пытался исходить только из анализа устной речи. Составляя исходные списки паремий для своего эксперимента, он подчеркивает тот факт, что «все они записывались только из устной речи независимо от того, авторскими или фольклорными по своему происхождению эти изречения являются» [Пермяков 1971].

Г.Л.Пермяков, однако, не намеревался составлять частотный словарь русских паремий. Он ставил своей целью «выявление наиболее известных в наше время русских пословиц, поговорок и других паремий» [Крикман 1995: 339], а не установление частотности употребления каждой из них. Экспериментальным путем Г.Л.Пермяков выделил, по его словам, «изречения всеобщей знаемости» [Пермяков 1988: 144], что имеет к частотности реального употребления лишь косвенное отношение.

Необходимо указать еще на одну немаловажную причину, препятствующую использованию имеющихся частотных данных в качестве показателя

употребительности пословиц. При статистическом исследовании речи анализируется, как правило, речь (тексты) носителей языка, а не иностранцев на изучаемом языке, хотя никто не отрицает того факта, что процесс порождения речи на родном и на иностранном языке не одинаков. В частности, речь носителя языка и иностранца существенно отличается по используемым языковым средствам. В одной и той же коммуникативной ситуации, говоря на одном и том же языке, носитель языка и иностранец используют разные языковые средства. Это прежде всего относится к фразеологии и в еще большей степени – к пословицам. Проведенное нами исследование показало, что в иноязычной речи даже на близкородственном языке фразеологизмы появляются редко, а пословицы практически отсутствуют [Иванова, Занглигер 1980]. Иностранец и носитель языка по-разному оформляют свои мысли, и это своеобразие необходимо учитывать при отборе языкового материала для активного усвоения. Почти полное отсутствие статистических исследований иноязычной речи не позволяет учесть ее своеобразие, используя статистику.

При отборе пословиц для иностранцев под употребительностью мы понимаем не частоту использования той или иной пословицы в речи носителей языка, а прежде всего необходимость пословицы для выражения своих мыслей на изучаемом языке, ее ценность для речи на другом языке. Употребительность включает в себя использование языковой единицы не только в речи (в тексте), но и в мыслительном процессе порождения речи на неродном языке.

Психологам, методистам и преподавателям-практикам хорошо известно, что порождение иноязычной речи обычно проходит под большим или меньшим влиянием родного языка, «при передаче своих мыслей студенты пытаются в иноязычной речевой деятельности руководствоваться объемом и системами значений слов и словосочетаний родного языка, строить фразы по структурно-речевым образцам, свойственным родному языку» [Фалькович 1972: 3]. Это в полной мере относится и к употреблению иноязычных пословиц. Говоря на иностранном языке, как и на родном, человек естественно стремится называть типовые ситуации пословицами, которые для этой цели в языке и существуют. Однако в разных языках окружающая человека действительность отражается по-разному. По-разному отражается в языке и социальный опыт разных народов, вследствие чего у них формируются разные системы типовых ситуаций и разный состав называющих эти ситуации пословиц. Это приводит к тому, что многие пословицы не имеют в другом языке пословичных соответствий. Если же в обоих языках какая-то ситуация является типовой и обозначается пословицей, то родная и соответствующая ей иноязычная пословицы могут не совпадать по частотности. Например, болгарская пословица *Лозе не ще молитва, а мотика* используется в речи гораздо чаще, чем ее русское соответствие *Аминем квашии не заквасишь*. Такое же несовпадение характерно и для таких пословичных пар, как *Храни куче, да те лае* (рус.: *Вскорми ворона, он тебе очи выклюет*); *Дума дупка не прави* (рус.: *Брань на вороту не виснет*); *Цървули няма, гайда иска* (рус.: *На брюхе шелк, а в брюхе щелк*) и др. То, что пословицы идентичного содержания у разных народов не совпадают по частоте их использования в речи, характерно не только для русского и болгарского, но и для других пар языков.

Учитывая психолингвистические особенности порождения речи на иностранном языке, по критерию употребительности в пословичный минимум следует включать как наиболее частотные пословицы изучаемого языка, так и иноязычные соответствия наиболее частотных родных пословиц.

При отсутствии достоверных частотных показателей следует прибегать к иным способам установления употребительности языковых единиц. С этой целью в методике нередко используется метод экспертной оценки, когда необходимость усвоения той или

иной языковой единицы определяется мнением опытных специалистов. Таким образом устанавливалась, например, употребительность («коммуникативная ценность») фразеологизмов при составлении фразеологического минимума для средней школы [Шанский, Быстрова 1976]. Основой этого минимума «явился список фразеологических единиц, составленный путем интуитивной выборки их из “Словаря русского языка” С.И.Ожегова и “Фразеологического словаря русского языка” под ред. А.И.Молоткова более чем 30-ю информантами (методистами, преподавателями и другими специалистами русского языка)» [Шанский, Быстрова 1976: 14-15].

Метод экспертной оценки можно использовать и для установления употребительности пословиц. Показателем употребительности можно считать наличие той или иной пословицы в нескольких учебных словарях сравнительно небольшого объема. Следует отметить, что более верная и надежная экспертная оценка получается при анализе учебных словарей именно небольшого объема, поскольку известно, что чем меньше словарь, тем тщательнее он отбирается. Пословица считается тем употребительнее, чем в большее количество учебных словарей ее включают составители. В этом случае употребительность каждой пословицы определяется на основе исследовательского и преподавательского опыта составителей, а также с учетом так называемой «субъективной частотности», которая обладает «сильным прогнозирующим фактором» [Фрумкина, Василевич 1970: 67].

При работе с пословичным материалом, где так много субъективного и интуитивного, учет многолетнего опыта исследователя имеет особенно важное значение.

Необходимо отметить, что опора на опыт исследователей, их индивидуальное языковое чутье при отборе пословиц не есть «открытое культивирование субъективизма» [Денисов 1978: 31]. Сопоставление различных списков и словарей при отборе минимумов в лингводидактике давно считается «обычной практикой» [Теоретические основы... 1981: 334], доказавшей свою эффективность.

Идея опоры на языковое чутье, на интуицию исследователя не чужда и современной лингвистике. Теперь довольно широко распространена та точка зрения, что «к описанию языковой системы можно идти от интуиции носителя языка» [Алпатов 1993: 25]. Это соответствует принципам антропоцентрического подхода к языку. Опора на языковую интуицию человека при описании языковых явлений позволяет учесть речевые механизмы и структуру языковой личности, что особенно важно при рассмотрении многогранных и противоречивых явлений, каковыми являются пословицы.

Вместе с тем важно отметить и то, что употребительность той или иной пословицы, ее необходимость для речи проистекает из целого ряда ее лингвистических характеристик, учесть которые позволяет использование других критериев отбора. Пословица, попавшая в несколько сопоставляемых словарей, совсем не обязательно должна включаться в паремиологический минимум. Но такая пословица непременно должна подвергаться тщательному анализу по другим показателям и критериям, и лишь на основе этого анализа может решаться вопрос о ее включении или исключении из пословичного минимума.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 1993 – *Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания, 1993, № 3.
Андрейчина, Спасова 1992 – *Андрейчина К., Спасова Р.* Век живи, век учись (333 русские пословицы и поговорки). С., 1992.

- Быстрова 1979 – *Быстрова Е.А.* Минимизация фразеологического материала в учебных целях // Переводная и учебная лексикография. М., 1979.
- Влахов 1999 – *Влахов С.И.* Руски пословици (за изучаващите чужди езици в българските училища). С., 1999.
- Герд 1965 – *Герд А.А.* Русские и немецкие пословицы и поговорки. Пособие для преподавателей и студентов. Ростов-на-Дону, 1965.
- Григорьева, Мотина 1963 – *Григорьева Н.Г., Мотина Н.И.* Русские пословицы, поговорки, образные выражения. М., 1963.
- Денисов 1978 – *Денисов П.Н.* Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978.
- Жуков 1966 – *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.
- Иванова, Занглигер 1980 – *Иванова Здр., Занглигер В.Ф.* Усвоение русской лексики учащимися болгарской школы. С., 1980.
- Кицис 1969 – *Кицис А.Б.* Пословицы, поговорки, фразеологизмы. Краткий русско-английский словарь. М., 1969.
- Крикман 1995 – *Крикман А.* Паремииологические эксперименты Г.Л.Пермякова // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л.Пермякова. М., 1995.
- Кузьмин, Шадрин 1989 – *Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л.* Русско-английский словарь пословиц и поговорок: 500 единиц. М., 1989.
- Остапенко 1959 – *Остапенко В.П.* Принципы отбора и построения списка-минимума глагольных устойчивых словосочетаний и их объяснение на I курсе языкового института // Ученые записки кафедр западных иностранных языков ИМО. Вып. 2, 1959.
- Пермяков 1971 – *Пермяков Г.Л.* Материалы для паремииологического минимума. Машинопись. 1971.
- Пермяков 1982 – *Пермяков Г.Л.* К вопросу о русском паремииологическом минимуме // Словари и лингвострановедение. М., 1982.
- Пермяков 1986 – *Пермяков Г.Л.* 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на болгарском языке). С., 1986.
- Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремииологии. М., 1988.
- Савенкова 1989 – *Савенкова И.Е.* Структура и семантика пословиц и поговорок современного русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1989.
- Теоретические основы... 1981 – Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1981.
- Фалькович 1972 – *Фалькович М.М.* Лексический минимум по английскому языку (для языковых вузов). М., 1972.
- Фрумкина, Василевич 1970 – *Фрумкина Р.М., Василевич А.П.* К вопросу о расхождении между субъективными и объективными оценками частот слов // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языкам. М., 1970.
- Шанский, Быстрова 1976 – *Шанский Н.М., Быстрова Е.А.* 700 фразеологических оборотов русского языка. М., 1976.

Владимир Манчев

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЛЕКСЕМ, НЕСУЩИХ КУЛЬТУРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Приступая к детальному и углубленному изучению многих вопросов, касающихся культурной информации и ее отражения в языке, следовало бы обратить пристальное внимание на то обстоятельство, что если данная культура формируется, бытует и развивается, то она отражается в языке, в связи с чем нельзя не затронуть становление, развитие и влияние друг на друга соседних, а также близкородственных этносов и их культур.

Вряд ли наличествует такая область культуры, в которой условия становления, развития и отмирания процессов поддаются столь точному определению, как в языке, и, равным образом, едва ли существует другая такая культурно-историческая наука, метод которой мог бы быть доведен до такой степени совершенства, как, например, сравнительно-исторический метод изучения языка, зафиксировавшего развитие этой культуры. Иными словами, нет других таких наук, которые могли бы выйти так далеко за пределы устной и письменной традиции и достигли бы такой степени умозрительности и конструктивности, как лингвистика и культурология. К тому же следовало бы обязательно отметить, что эта специфическая черта тесно связывает языкознание с культурно-историческими науками, что и объясняет широкое использование в нашей работе историко-филологических данных.

Общеизвестно, что эпоха великого переселения народов, длившаяся с конца IV по V в. н.э., привела к активным контактам между народами на большей части территории современной Европы. Набеги и войны этой эпохи сталкивали множество народов: римлян и греков, кельтов и германцев, славян и угро-финнов, арабов и тюрков. Большинство современных европейских наций оформилось именно в ходе продолжительного сообщества разнообразных этнических групп.

Между тем, по историческим данным, славянские племена занимали территорию Центральной и Восточной Европы, ограниченную на севере прибалтийскими лесами, на юге – отрогами Карпат, на западе – реками Вислой и Одером, а на востоке – средним течением Днепра.

Сведения о прародине славян можно почерпнуть и из лексического фонда их языков. Так, например, наличие сравнительно большого количества лексем, обозначающих реки и болота, позволило многим ученым сделать вывод о географических особенностях территории, которую занимали предки славян. В.М.Мокиенко отмечает, в частности, «...отсутствие единой детализованной терминологии для обозначения горных массивов, степей или пустынь» [Мокиенко 1990: 35]. Но, с другой стороны, как утверждает ученый, «...обильно отражены в этой лексике такие понятия, как лес, небольшие возвышенности, водоемы самых разных масштабов, лесные поляны и болота. Исключительно разнообразна у славян именно терминология болот. При этом разнообразии, однако, ярко выделяется несколько возможных мотивировок для наименований болот, известных всем группам славянских языков» [там же].

Бесспорно, среди потенциальных объектов сопоставительных лингвокультурологических исследований русского и болгарского языков немаловажное место занимает система топонимов, причем следует особо подчеркнуть, что топонимия,

являясь неотъемлемой частью лингвокультурной информации, представляет собой несомненный интерес с точки зрения как теории и практики перевода, так и лингвокультурологии. Вступая в контакт с другими народами, расселившиеся на обширной территории славянские племена усваивали, наряду с иной лексикой, и географические названия. В качестве примера можно привести турцизм *Джендеми*, проникший в болгарский язык в период османского владычества: «Жени тук, сред *Джендемите* – помисли си той, – и това е добра плячка!» (Й.Йовков, «Шибил», 231).

В свою очередь, в русском языке бытует определенное количество угро-финских топонимов, таких, как *Песь, Насва, Тосно, Валдай*:

В тех краях продолжается путь,
Где когда-то, беспечно болтая,
Колокольчик – легенда *Валдая* –
Волновал утомленную грудь...

(С.Куняев, «Слева Псков, справа станция Дно...», с. 195)

Данное обстоятельство можно объяснить активными контактами части восточнославянских племен с финскими племенами.

Немаловажно было бы отметить существование в древнейший период славянской истории племени, которое можно условно назвать праславянским, со свойственным ему особым единым племенным диалектом (логично было бы назвать его, соответственно, *протославянским диалектом*). Это праславянское племя, с течением времени, разделялось на новые славянские племена со своими диалектами, сохранявшими большую близость между собой в силу единства своего происхождения. Процесс разделения славянских племен продолжался по мере их расселения и освоения все новых и новых территорий, причем возникали также и новые диалекты. Исторические данные свидетельствуют о том, что эти нововозникшие и обособившиеся племена не разобщались, а образовывали славянские племенные союзы с общим языком, который в науке принято называть общеславянским.

Известно, что славянская общность начала распадаться в эпоху Великого переселения народов, когда, оказавшись в центре бурных исторических событий, племена славян начали обособляться. Результатом этого процесса стало возникновение трех ветвей славян – западной, южной и восточной.

Как уже давно установлено, западные славяне (поляки, чехи, моравы, полабские и поморские племена) остались на своей прародине, а также частично заселили территорию, оставленную германцами, – земли между Одером и Эльбой. Южные славяне (болгары, сербы, хорваты, словенцы) расселились на Балканском полуострове, а восточные славяне, в свою очередь, освоили обширные лесостепные районы Восточной Европы.

Нельзя обойти молчанием и взаимоотношения славян с Византией, поскольку последняя сыграла немаловажную роль в исторических судьбах южных и восточных славян. Следовало бы отметить и то, что первые упоминания о славянах в византийских источниках относятся к V – VI векам новой эры. Известно, что по приказу императора Юстиниана I на дунайской границе была создана система крепостей. Однако эти меры не смогли остановить экспансию воинственных соседей, часто нападавших на балканские провинции великой империи. С VII в. славянские племена начинают заселяться на территориях, принадлежавших Византии, и за 100 последующих лет овладевают тремя четвертями Балканского полуострова.

Многочисленные данные исторической науки свидетельствуют о том, что в 681 году, на уже освоенных к тому времени славянами придунайских землях, было

образовано Первое Болгарское царство, ядро которого составляла возглавляемая ханом Аспарухом тюркская народность болгар, попавшая в круговорот Великого переселения народов. С течением времени тюрки слились с местным славянским населением в один народ с общим, славянским, языком. По свидетельству С.Младенова, контакты славян с болгарскими Аспаруха незначительно отразились на лексическом фонде современного болгарского языка. Об этих контактах говорят слова: *бисер, белег, белчуг (белезници), бѣбрек, пашеног (баджанак), тояга, чипаг (чепкен), сандѣк, капище, кумир, сан, чертог* и др. [Младенов 1920-1921].

Существует разноречие во мнениях лингвистов относительно количества тюрко-протоболгарских слов в современном болгарском языке. Таких слов насчитывается около 30-40, но в последнее время некоторые ученые сходятся на том, что их может быть больше.

Появление на Балканах сильного болгарского государства не могло не привести к конфликтам с мощной Византийской империей, стремившейся сохранить свое влияние в этом регионе.

Однако между Византией и славянами имели место также торговые и культурные связи. Так, например, принятие Болгарией христианства в 865 году приобщило ее к богатой византийской культуре. Особенно стоит отметить в этом отношении деятельность братьев Кирилла и Мефодия – просветителей славянства и создателей славянской азбуки – кириллицы.

Бесспорно, принятие христианства, а точнее православия, и кириллического письма сыграло огромную роль в истории Болгарии и России. Наряду с культовой переводилась и светская литература, включающая труды древнегреческих историков и философов. И вполне логично, что греческий язык оказал значительное влияние на структуру как болгарского, так и русского языков, не коснувшись лишь типичной славянской фонетики.

В свою очередь, контакты древнерусского государства, образовавшегося в результате объединения восточнославянских племен в 882 году (Киевская Русь), с Византийской империей осуществились на более позднем этапе, чем у южных славян. И вполне закономерно прямым следствием этих культурных, экономических, политических и иных контактов явилось принятие Русью христианства в его православной форме. Однако новая религия непросто приживалась в древнерусском государстве, языческие обычаи и верования (превратившиеся впоследствии в суеверия) еще долгое время существовали бок о бок с христианскими обрядами. Церковь была вынуждена мириться с этим и включала некоторые особенно популярные в народе языческие праздники в число христианских, преобразовывая и подстраивая их под христианские каноны, примером чего может служить сохранившийся до наших дней праздник Масленица, а также Святки, возникшие на основе существовавшего в древнерусском языческом календаре праздника русалий.

Аналогичным образом и в Болгарии сохранилось немало языческих праздников, примет и суеверий, характерных для южных славян (например, болгарские *кукеры* или *неперуда*). Эти факты не должны удивлять нас, ибо и до настоящего времени как в России, так и в Болгарии даже в двух соседних селах можно встретить различия в быту, традициях, культуре, особенностях речи, не говоря уже о диалектах.

Заслуживает пристального внимания и то обстоятельство, что принятие восточного варианта христианства сблизило Русь в культурном отношении с южнославянскими народами Балканского полуострова – все это неминуемо отразилось в языке. Немало примеров, подтверждающих этот тезис, можно найти в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку и других памятниках письменности, где, например, встречаются дублетные формы полногласия и неполногласия (ср.

восточнослав.: *хоромъ, колодезь, порогъ, голова, городъ* и др. и южнослав.: *храмъ, кладезь, прагъ, глава, градъ* и др.), а также формы действительных причастий настоящего времени типа восточно-слав.: *могучий, горючий, текучий, стоячий, везучий* и мн. др. и южнослав.: *могущий, горящий, текущий, стоящий, везущий* и мн. др. Впоследствии эти дублиеты разошлись в лексическом и грамматическом значениях или приобрели различные стилистические оттенки. Духовное и культурное общение с Византией и Болгарским царством привело к тому, что древнерусское государство стало частью православного мира, что способствовало расцвету права, просвещения и культуры в целом, а также экономическому развитию Древней Руси.

Византийское влияние не могло не отразиться и на государственном устройстве Руси, распространившись даже на обрядную и символическую сторону власти:

«На царе были *бармы* и отцовские, – ему едва не по колена, – золотые ризы»

(А.Толстой «Петр Первый», кн. 1, с. 96).

Не менее судьбоносными, но имевшими уже явно отрицательный характер, были контакты обоих славянских народов с тюркскими племенами. Двухсотлетнее татаро-монгольское иго существенно замедлило процесс культурного и экономического развития Руси. С тех далеких времен в русском языке сохранились слова, главным образом, из области военной и административной лексики (например: *аркан, колчан, турус, хан, ярлык* и др.). Вместе с тем, в русский язык перешло известное количество пословиц и иных фразеологических единиц. Был создан, однако, и ряд русских фразеологизмов, отражающих отношение поработанного народа к завоевателям (например: *как Мамай прошел*, т.е. «ничего нет; все пусто; все разграблено и сожжено»; *мамаево побоище* в значении «ужасный беспорядок; полный разгром»; *Незванный гость хуже татарина* и др.). См. использование подобной лексики в художественной литературе:

«“Уйди, *орда!*” – и стал наматывать бархат на свои грязнейшие прелые лапы...»

(Шишков, «Угрюм-река», ч. 1, с. 24).

Рассматривая этот вопрос, стоит подчеркнуть, что еще более драматичным было пятивековое турецкое иго в Болгарии, его тяжелые последствия сказались во всех областях жизни болгарского народа. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке сохранилось множество турцизмов, без которых практически невозможно представить себе ни одно произведение художественной литературы, описывающее период турецкого владычества. Аналогичным образом обстоит дело и с народным творчеством, а также такими жанрами литературы, как исторический роман и хроника-описание исторических событий, где для воссоздания колорита эпохи особенно часто используется лексика турецкого происхождения, понятная современному болгарскому читателю, но недоступная без специального перевода или объяснения русскоязычному читателю (например: *кърсердар, заптие, пехливан, донанма, алтън, кушия, конак, бабаит, спахия* и др.):

Измаил бе казал, че «веднъж жени син», а това означаваше, че ще вдигне сватба, каквато се полага на човек с неговото положение: с *пехливанлъци, кушии*, награди, с море от шербети и *донанми*.

(И.Петров, «Преди да се родя.

И след това»)

Этот Измаил заявил, что у него один сын и что свадьбу он сыграет такую, какая полагается человеку его положения: на ней будут и *скачки*, и *вольная борьба*, и награды победителям, и разливанное море шербета и *разных других напитков*.

(И.Петров, «...И после рождения», с. 117, пер. В.Поляновой).

Бабаитите престанали много-много да излизат.

(Н.Хайтов, «Козий рог»)

Прежние *удальцы* теперь уже остерегались щеголять своей силой.

(Хайтов, «Козий рог», с. 137, пер. М. Михелевич)

Кърджалийският *спахия* не се вслушал в тия думи, надвзел жито от своите селяни, а сетне го намерили мъртъв, с глава, напъхана в крина, и промушен с кози рог.

(там же)

Спахия из Кырджали не послушался совета, содрал с крестьян лишнюю подать зерном, а вскорости нашли его мертвым, голова в кадку с зерном засунута, в груди козий рог торчит.

(там же).

Лексику, связанную с упомянутым историческим периодом, можно обнаружить и в целом ряде фразеологических единиц: «*Турска сила, българска неволя*», «нападнали като *делибашии*», «нападнали като *кърджалии*», «Къде всички *турци*, там и гол *Асан*» и др. [см.: Георгиева 1998: 279-283].

Равным образом болгарскому читателю будут непонятны русские реалии, характеризующие период с конца XIV по XVII век (например: *засека, приказ, челобитная, дыба, шишак, ферязь, дяк, бердыш, Смута* и др.). Важно отметить также, что именно период, включающий конец XIV и весь XV век, стал временем возрождения культуры русских земель, жестоко пострадавших от татаро-монгольского нашествия, – восстанавливались города, оживала торговля, росло ремесленное производство, возобновилось создание летописей, появились новые центры летописания. Поистине грандиозным событием в русской культуре описываемой эпохи было возникновение в середине XVI века книгопечатания. Кроме того, в XVI столетии невероятно возросло значение Московского государства как политической силы. Римские папы предпринимали неоднократные попытки договориться с русским правительством о церковной унии (с этим связано появление в русском языке лексем *уния, униат* и *униатский*) и совместной борьбе с Османской империей. С тех времен до нас дошло большое письмо астронома и теолога Альберта Питтиуса, писавшего под псевдонимом Кампензе. Письмо это представляло собой первую политическую брошюру о Московском государстве.

Заметный и трагический след в истории России оставил период начала XVII века, называемый Смутным временем, когда до предела обострились экономические и политические проблемы и страна подверглась опустошительным нападениям польских, шведских, крымско-татарских завоевателей. Неслучайно именно в эту историческую эпоху приобрели широчайшую известность и превратились в нарицательные некоторые имена собственные, такие как *Иван Грозный, Лжедмитрий, Иван Сусанин*; знаковыми стали также названия некоторых исторических реалий типа *опричина*. Остановимся лишь на нескольких примерах:

«Пеплом зарядить пушку и выстрелить, как прахом *Митьки-лжецаря!*!»

(Шишков, «Угрюм-река», кн. 2, с. 427);

«Надеюсь, без вашего ведома изобразили здесь эмблему *опричины?*»

(Шолохов, «Тихий Дон», т. 2, с. 82).

Безусловно, весьма важным с точки зрения лингвокультурной информации является и период царствования Петра I, имевший поистине огромное значение для всего дальнейшего развития России. Наряду с коренными переменами во всех сферах государственной и общественной жизни, происходили изменения и в лексике русского языка – в нем появляется большое количество слов, заимствованных из ряда европейских языков – голландского, французского, английского, немецкого и др. Характерно, что в основном заимствуется лексика, относящаяся к морскому и военному делу. В подтверждение этого можно привести несколько примеров из романа А.К.Толстого «Петр Первый»:

«Послы и Петр с *волонтерами* покинули Пилау» (кн. 1, с. 233);

«Юлиус Рез – по свирепости и отваге истинный моряк – линьками вгонял в матросов злость к *навигации*. Заставлял стоять на *бом-брам-реях*, на двенадцати сажнях над водой, прыгать с борта головой вниз в полной одежде: “Кто утонет, тот не моряк!”» (кн. 2, с. 48);

«Пообедали – в третий раз шагать с палками или *мушкетами*. Учили неразрывному строю, как в войсках у принца Савойского, ровному шагу, дружной стрельбе, натиску с примкнутыми *багинетами*» (кн. 2, с. 95).

Этот процесс имел место и при наследниках Петра, причем особенно активно заимствовалась лексика французского языка. Последнее обстоятельство не должно вызывать удивления, так как французский в Петровскую эпоху и в последующие века выступает как международный язык, а в России – как официальный язык высшего общества. Примеры тому мы встречаем в произведениях русских классиков:

...Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих слов на русском нет...

(А.С.Пушкин, «Евгений Онегин», с. 196)

Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

(М.Ю.Лермонтов, «Бородино», т. 1, с. 156)

Наряду с этим нельзя обойти молчанием процесс формирования болгарского литературного языка в период становления болгарской нации. Еще с самого начала XIX века до освобождения Болгарии от османского ига в 1878 году болгарский литературный язык испытывает влияние как церковнославянского языка, так и разговорной речи. Весьма существенным в указанный исторический период было и влияние русского языка, сказавшееся, прежде всего, в сфере государственно-административного устройства и военном деле (см. лексемы русского происхождения или появившиеся в болгарском языке через посредство русского: *приклад, щик, караулка, постови, часовой, поручик, наряд, взвод, ударник, патронник, гилза* и мн. др.).

Не следовало бы забывать и об огромном влиянии русской культуры, которое болгарский ученый С.Стоянов определяет как «...один из самых мощных факторов восхода нашей (болгарской – В.М.) культуры и нашего национального возрождения в целом» [Стоянов 1993: 27].

Принимая во внимание все сказанное выше, можно прийти к выводу о том, что национальная психология, особенности исторического развития нации, ее характер выявляются и познаются через язык. В его лексическом фонде можно обнаружить

существенное количество единиц, несущих культурную информацию, которую трудно, а подчас и невозможно передать средствами другого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиева 1998 – *Георгиева С.* Иностранное присутствие в болгарской и русской фразеологии и паремиологии // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. Белград, 1998.
- Йовков Й.* Избранное. М.: Художественная литература, 1979.
- Куняев С.* Мать сыра земля. М.: Советский писатель, 1988.
- Лермонтов М.Ю.* Сочинения в двух. М., 1988.
- Младенов 1920-1921 – *Младенов С.* Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч. ГСУ. I. Историко-филологически ф-т, том XVII, 1920-1921.
- Мокиенко 1990 – *Мокиенко В.М.* Где жили первые славяне. Л., 1990.
- Петров И.* Преди да се родя. И след това. Мъртво вълнение. С.: Български писател, 1975.
- Петров И.* Избранное. М.: Радуга, 1987.
- Пушкин А.С.* Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985.
- Стоянов 1993 – *Стоянов С.* Граматика на българския книжовен език. С.: Св. Климент Охридски, 1993.
- Толстой А.Н.* Петр Первый. Роман в трех книгах. М.: Просвещение, 1989.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах (пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева). 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
- Хайтов Н.* Дикие рассказы. М.: Прогресс, 1972.
- Хайтов Н.* Диви разкази. Пловдив: Христо Г. Данов, 1980.
- Шишков В.Я.* Угрюм-река. Роман в двух томах. М.: Художественная литература, 1987.
- Шолохов М.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. М.: Художественная литература, 1975.

О НОВЫХ КНИГАХ ИРИНЫ ЗАХАРИЕВОЙ

Перед нами две книги литературоведа-русиста Ирины Захариевой: «**Русские поэты XX века: феноменальные эстетические структуры (проблематика русской поэзии XX века)**» (2007) и «**Аспекты формирования канона в русской литературе XX века**» (2008), вышедшие в софийском издательстве «Heron Press». Проблематика этих книг связана с существованием русского литературного канона, развившегося на русской почве в течение XX века посредством создания креативных моделей выразителей образного мышления. Первая из книг посвящена исследованию поэзии, а предмет второй – проза.

В первой книге объектом изучения становится творчество как известных поэтов (А.Блок, Н.Гумилев, А.Ахматова, М.Цветаева, С.Есенин, Б.Окуджава и др.), так и малоизвестных до 1985 года – начала периода перестройки в России (Дон-Аминадо, А.Галич, В.Шаламов, И.Бродский и др.).

В традиционном литературоведении до перестройки существовала идеологическая оценка личности и творчества того или иного поэта или писателя, поэтому многие страницы их творчества замалчивались. В учебных заведениях обучали литературе по идеологически выдержанным учебникам. И.Захариева пишет в Предисловии: «Усилия талантливых преподавателей предельно сблизить изучаемого писателя с рациональным и эмоциональным миром читателя – в обход учебников – во многих случаях приводили к успешным результатам, и формировалась обширная аудитория подлинных ценителей литературы».

После перестройки ситуация оказалась еще труднее, так как идеологические учебники были отброшены, а хлынувший на читателя поток литературы не смог сразу получить адекватного критического освещения. Элитарное литературоведение было воспринято только узким кругом специалистов. И.Захариева использует проблемно-тематический аналитический подход к каждому значимому явлению литературы – с оговариванием специфики дискурса.

Она стремится детально изучить разностороннюю практику того или иного творца и таким образом проникнуть в его духовный мир. Целенаправленные анализы легко обозримого объема в своей совокупности обуславливают представление о едином процессе *наращивания*, обогащения универсального эстетического канона, складывающегося стихийно. Читатель вслед за исследователем наблюдает зарождение русской литературной классики минувшего столетия в ее совершенных образцах. Внимание привлечено к малоисследованным вопросам творчества русских писателей. Применяемый автором проблемно-тематический подход к литературным явлениям предполагает сведение многообразия формосмыслов, привносимого классиками, к познанию синтетической целостности феномена русской литературы XX века.

По мнению И.Захариевой, «*[к]анон* – это формообразующее начало в развитии национальной культуры. <...> Канон *порождает* парадигму, т.е. выявленный образец, фиксируемый авторским способом. <...> В области литературы канон связывает прошлое с современностью. А в современности на первый план выступает уровень *словесной реальности*, поначалу не связанной с понятием эстетического образца. Для русской литературы XX века с ее разделением на *печатную* российскую, *эмигрантскую*, литературу *андерграунда*, литературу *задержанную* и пр. национальный эстетический канон играл роль естественного регулятора».

Каждая статья первой книги имеет четкую композицию: биографические данные об авторе, анализ творчества, доминирующие темы или мотивы, наиболее характерные элементы поэтики. Это дает возможность постичь тайну творчества того или иного поэта через призму его личности. Таким образом представленное, исследование не только приобретает характер узко литературоведческого анализа, но и становится доступным для целей обучения и самоподготовки по русской литературе XX века, заполняя белые пятна в болгарской литературоведческой науке. Поэты в большинстве случаев поданы с неожиданной стороны, что позволило избежать тавтологии или повторения других известных исследований по представленному периоду.

Статьи «Свобода выбора поэта И.Северянина в эмиграции» и «Эстетические трансформации литература/реальность в поэзии Дон Аминадо» вводят этих двух известных в свое время в литературных кругах поэтов в обиход болгарского литературоведения впервые.

В новом ракурсе представлен А.Блок в статье «Неконвенциональное истолкование мироощущения и лирики А.Блока (Д.Андреев, «Роза Мира»)». Разработка Д.Андреева о Блоке может быть воспринята в ее принадлежности к «мифологическому литературоведению», но впечатляет уверенность автора в правоте собственных метафизических прозрений. Трактую новую технику написания поэмы («Двенадцать» А.Блока), И.Захариева акцентирует свое внимание на кинематографическом приеме монтажа фрагментов, насыщенном у Блока символикой смысла.

Не оставлены вне поля зрения поэты-акмеисты (статьи «Лейтмотивная закодированность поэзии Н.Гумилева (сб. «Романтические цветы»)», «Поэтическая система Анны Ахматовой», «Пересмотр практики акмеистов. Религиозно-мифологическая символика ранней Ахматовой (сб. «Вечер»)», «Поэтологическая парабола лирики О.Мандельштама»).

В статьях «Мифология матери в поэзии Н.Клюева», «Эротический сюжет в ранней лирике Бориса Пастернака», «Венецианский миф Бродского», «Пушкин как исторический ориентир в лирике Булата Окуджавы» И.Захариева также обращает внимание на не исследованные до сих пор стороны творчества каждого из поэтов.

Поэзия М.Волошина («Максимилиан Волошин: поэзия и культура»), М.Цветаевой («Поэтический голос Марины Цветаевой»), А.Галича («Литературный пласт в поэзии А.Галича») В.Шаламова («О поэзии Варлама Шаламова»), Бродского («Семантика и синтактика отчуждения в лирике Бродского эмигрантского периода») проанализирована тщательно и скрупулезно.

Особый интерес вызывают две статьи о В.Высоцком («Хронотоп в поэзии Высоцкого», «Инвариантный персонаж Высоцкого»).

С.Есенину И.Захариева посвящает обширный очерк, прослеживая дискурс истолкования поэта, словесный орнамент ранней лирики, мотив преображения социума и маску скандалиста, мотив преодоления негативных эмоций в поэме «Черный человек», а также анализируя некоторые другие вопросы творчества поэта («Лирика Есенина: эмоциональность и образность»). Такой тщательный и разносторонний анализ говорит о повышенной эмоциональной сопричастности литературоведа к поэту.

Нельзя, конечно же, обойти вниманием Предисловие к первой книге, написанное Людмилой Савовой. Автор Предисловия считает, что объединительный центр книги – суть действия «соборного духа, представляющего собой амальгаму творческих индивидуальностей». Акцент делается на христианских образах и религиозных мотивах книги. Предисловие столь оригинально и содержательно, что его можно рассматривать как отдельную статью в композиции книги.

Во второй книге в центре внимания И.Захариевой – авторы-прозаики или же поэты, обратившиеся к прозе. Спектр авторов очень широк: В.Брюсов, Д.Андреев, О.Мандельштам, С.Есенин, В.Высоцкий, И.Ильф, Е.Замятин, Ч.Айтматов, В.Шукшин, Ю.Нагибин и др.

Каждый писатель или поэт рассмотрен не только на проблемно-тематическом уровне, но и сквозь призму его личности, что дает возможность почувствовать его творческое дыхание. Отметим наиболее яркие, на наш взгляд, моменты исследования.

И.Захариева определяет метод Д.Андреева как метод «сквозящего реализма», выражающий прогрессирующую тенденцию в развитии литературно-художественного сознания современности. Мир духовных сущностей, признаваемый *высшей реальностью*, экстраполирует *физическую* реальность в *трансфизическое* пространство, объединяя понятийность с образностью и проясняя религиозно-нравственные смыслы. Познание реальности, основанное на идеалистической философии, как показывает опыт Даниила Андреева, обладает безграничными медитативными и художническими возможностями.

Статьи «Медитации А.Белого о притяжении поэзии музыкой как смежной формой искусства», «Автобиографический подтекст фантастики А.Грина (роман «Бегущая по волнам»)», «Идеи раннего Шкловского и исторический вектор русского формализма», «Модель литературного комментария О.Мандельштама («Разговор о Данте»)» представляют собой углубленное проникновение в творческие мастерские и удачную попытку интерпретировать субъективное видение авторов.

Две статьи П.Бицилли 1930-х годов находят место в исследовании И.Захариевой. Их связь с Болгарией очевидна.

И.Захариева уделяет внимание такому не исследованному в литературоведении жанру, как жанр поэтического некролога о писателе. По ее мнению, из «поэтических некрологов, созданных Анной Ахматовой, Арсением Тарковским и Александром Галичем, составляет общий надгробный литературный текст. Объединяется он благоговейным отношением авторов к памяти умерших». В некрологах преобладает ямбическое звучание стиха, не осложненного формальным экспериментом. Лирика и эпика сплетаются в нерасторжимости воспоминаний и выражения скорбных чувств. Ораторский стиль сочетается с интимно-лирической тональностью, а у Галича расцветается и сатирическими выпадами против гонителей свободного духа. Литературные эпитафии и поэтические аллюзии канонизируют умерших творцов литературы, своевременно не оцененных по заслугам в социуме, где руководствовались идеологическими стереотипами».

Для приобщения к жанровой разновидности «поэтического некролога о писателе» объединены авторы с христианским (православным) сознанием, которые воспринимали смерть как метафизическое преображение личности и верили в обреченность земного зла. В наследии А.Ахматовой, А.Тарковского и А.Галича поэтический некролог занял значимое место. Главная заслуга этого мемориального жанра состоит в восстановлении идеи преемственности национальной культуры в памяти потомства.

В статье «Диалог в русской поэзии XX века (С.Есенин – В.Высоцкий)» прослеживается типологическая сопоставимость указанных поэтов при их остро ощутимой персональной и творческой феноменальности, а также подчеркивается, что в системе русской поэзии XX века Высоцкий может быть воспринят как преемник есенинской ментальности, развивающий сходный литературный метод – романтико-реалистический, использующий ролевые функции лирического субъекта.

Жанр романа также находится в поле зрения И.Захариевой. «Мы» Е.Замятина, «Машенька» В.Набокова, книга М.Булгакова о Мольере, «Доктор Живаго»

Б.Пастернака оригинально поданы и рассмотрены с неожиданной стороны. Так, в статье «Социологическая картина мира в романе В.Гроссмана “Жизнь и судьба”» прослеживаются традиции классики XIX века. Ведущий формальный принцип романа – содержательность и простота, языковая строгость и безыскусственность. В этом отношении Василий Гроссман – преемник повествовательной традиции русской классики, связанной с именами Льва Толстого и А.П.Чехова. Как за внешней простотой бытия кроется глубокий смысл, так и воссозданная писателем действительность таит в себе неисчерпаемые философские глубины этической окрашенности. Социальная обусловленность смоделированной писателем действительности преходяща, но ее гуманистическая наполненность долговечна. Здесь и усматривается источник оптимистической тональности трагического сказания романиста. В гроссмановском художественном мире в преобладающих образно-пластических формах и в языковой полифонии сконцентрирована авторская мыслительная активность и жажда безграничной духовной и творческой свободы.

Переписка Шаламова с Пастернаком – свидетельство того, как восстанавливаются с середины XX века духовно-эстетические связи с великим классическим прошлым, с его нравственным арсеналом.

В статье «Динамика образной концептуальности в прозе Ч.Айтматова», проследив путь исканий самого читаемого в мировой аудитории 1980-х годов прозаика (по данным ЮНЕСКО), И.Захариева делает вывод, что Айтматов стал «жертвой образно-стилевой глобальности, что привело к упрощенности литературной мысли, а его инструментарий приблизился к фольклорному типу творчества».

В статье «Повесть о светлой смерти (В.Распутин, «Последний срок»)» утверждается, что произведение Распутина вселяло веру в непобедимость красоты и мудрости жизни и что давно в литературе послереволюционного периода не было слышно такой захватывающей человечности тона и глубины размышлений о жизни как о природном чуде. Это воспринималось как возрождение в современной российской прозе медитативной поэтической тональности Сергея Есенина с ее общечеловеческой наполненностью.

Малая проза В.Шукшина стала объектом исследования в статье «Заметки о новеллистике В.Шукшина». В рассказах, создающих внешнее впечатление мозаичности, воспроизводилось многоголосье текущей жизни в ее бытовой обусловленности. Социопсихологический подход автора скреплял воедино повседневные «истории» индивидуализированных представителей социума. В формальном отношении владение искусством монтажа помогало писателю циклизировать рассказы на уровнях тематики, мотивов, типологических конфликтов и характерологии. Малая проза Шукшина выстраивалась в целостное повествование о современном состоянии души народной. Он воспринял из литературной классики XIX века идущую от Льва Толстого привязанность к национальному сознанию в его почвенническом срезе.

С рассказами Шукшина в словесность 1960-х – начала 1970-х годов, буквально задавленную омертвевшими штампами, проник разговорный народный язык на уровне *автор/герой*. *Шукинский сказ* – стилевая форма освобождения от идеологической фальши в текущей литературе. Творец уподоблял человеческую жизнь песне: она могла сложиться удачно или же неудачно. Жаль, что его собственная жизнь-песня прервалась на полуслове... Занимаясь прозой, он выделял два ключевых слова, которые писал с большой буквы: Жизнь и Правда. В пору увлечения постмодернизмом в российском андерграунде Шукшин оставался верен реалистическим устоям отечественной классики, считая ее самым подлинным выражением национального духа.

Статья «Обращение позднего Ю.Нагибина к эротической тематике («Моя золотая теща»)» интересна постановкой вопроса исследования. «В русской классической литературе *одухотворенная* любовь противопоставлялась *чувственной* любви – со ссылками на христианские религиозные добродетели, – пишет И.Захариева. – В русской литературе советского периода сохранялось предубеждение к чувственной любви. В постсоветский период гендерная составляющая любви получила свое адекватное развитие, и эротика заняла подобающее ей место в любовной тематике».

Показательно увлечение эротикой позднего Юрия Нагибина. Автор, всю жизнь преданный жанру рассказа, умер после завершения своего единственного романа – закатного произведения эротической наполненности, построенного на автобиографической основе, – «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя (История одной любви)». Прозаик Александр Рекемчук в предисловии к публикации написал: «Он <...> поставил последнюю в жизни точку, подготовил роман к печати и уснул, очень усталый и, наверное, очень счастливый... И не проснулся. Роман о любви был закончен, и сердце его разорвалось 17 июня 1994 года».

Метод С.Довлатова имеет особую специфику: он обладает документальностью и фикцией. Для писателя исходная проблема – проблема жанра. Довлатов предпочитал мобильный жанр рассказа, поспешающий за многообразием бытия в форме *частных историй*. В пристрастии к *рассказу* он сопоставим с В.Шукшиным. Аналогом созданного Довлатовым повествовательного массива может служить также новеллистический роман Ф.Искандера «Сандро из Чегема» (1989). Модификации *новеллистического романа* с его подвижным прерывистым *костяком* распространились в русской литературе XX столетия благодаря *подтексту*, введенному А.П.Чеховым не только в драматургию, но и в новеллистику. *Подтекст* динамизировал форму и позволял сокращать объем повествования разнообразными средствами вытеснения *описательности* за счет *символизации* художественного текста.

Рассказы Довлатова циклизировались в повести, которые составляли внутренне связанные циклы. Повести *выстраивались* в сложносоставной панорамный роман. Поздние повести разделены на главы, отличающиеся самостоятельностью рассказов («Иностранка», «Филиал»).

Объединяющим компонентом структуры выступает автор-повествователь, он же – главное действующее лицо романного полотна. Появляется герой-рассказчик под фамилией Довлатов (или же условно отчужденный – Далматов, Алиханов) и привносит в пространство текста *лично* окрашенный стиль – стиль *разговорный*, с обилием ремарок и сжатых энергичных диалогов. Диалогическая связь *рассказчик/персонаж, автор/читатель* – движущая сила повествования. Диалогизм сформировал узнаваемые черты *лирико-иронического* довлатовского эпоса о жизни героя-повествователя и о судьбах его современников. Судьбы российских читателей соотносились с написанным у Довлатова: их объединяла пережитая экстремальная эпоха и неконформистский демократизм мировосприятия автора.

В статье «“Прогулки с Пушкиным” А.Синявского-Терца» уделено внимание интересу русских классиков к гению А.С.Пушкина. Уже около двух веков сохраняется некая психологическая загадка Пушкина, которую пытаются разгадывать великие русские поэты и прозаики, начиная с Лермонтова с его стихотворением «На смерть поэта». Далее следуют Гоголь, Достоевский, Блок, Брюсов, Мережковский, Есенин, Маяковский, Ахматова, Цветаева, Ходасевич, Пастернак, Зощенко, Пришвин, Тынянов, Нагибин, вплоть до создателя романа «Пушкинский дом» Андрея Битова. Таким образом, есть все основания говорить о «писательском пушкиноведении», обладающем рядом отличительных признаков.

Лейтмотив лирически окрашенной пушкинианы Синявского-Терца – утверждение автобиографизма пушкинской темы для каждого из пишущих о нем. Поэт обрисован как «золотое сечение русской литературы», и «следующие поколения, спустя десятилетия, вновь обнаружат Пушкина у себя за спиной».

Применяя понятие «чистого искусства» к пушкинскому творчеству, прозаик дает ему собственное толкование. Он замечает, что в зрелом возрасте Пушкин-«человек» был поглощен «художником» и явился на склоне лет совершенным воплощением образа русской поэзии. «Мой Пушкин» Синявского-Терца может быть в определенной мере сопоставлен с «Моим Пушкиным» Цветаевой, но у современного прозаика образ поэта более объективирован и развит в историко-литературном плане. В совмещении литературоведческого подхода со сказовыми особенностями литературной маски усматривается уникальность и смысловая глубинность оглушительно знаменитых ныне и, надеемся, долговременных «Прогулок с Пушкиным».

В статье «О русской комедии XX века» выделены жанровые разновидности русской комедии этого периода: комедия-пародия («Багровый остров» М.Булгакова), гротескно-сатирическая комедия («Клоп» В.Маяковского), «черная комедия» абсурда («Елизавета Бам» Д.Хармса), сказочно-сатирическая комедия («Дракон» Е.Шварца), нравоучительная комедия («Старший сын» А.Вампилова, «Энергичные люди» В.Шукшина). Опыт внутрижанровой классификации русской комедии советского периода дал возможность исследовательнице охарактеризовать и ее общую структурную модель.

Особо следует выделить статью «Концепты мегаобраза русской литературы (Град Китеж)». Град Китеж представлен как хранитель русских культурных традиций в эмиграции; это и творчество российских диссидентов, умиравших непризнанными и распознанными лишь потомками. «Под давлением цивилизации новейших времен, – пишет И.Захариева, – торгашеский масскульт надевает личину значительности, происходит подмена ценностных критериев. В дискомфортных условиях подлинная культура опять погружается в таинственные провалы духа, заставляя живущих мечтать о новом обретении великолепного Китежа».

Завершает книгу статья «Символизм и своеобразие русского реализма XX века», в которой анализируются эти два метода в русской литературе XX века и проводятся параллели между ними. По мнению И.Захариевой, в течение всего минувшего столетия в русской прозе развивался метапринцип символизации реалистического метода. В оригинальных авторских разработках осуществляется полиморфизм художественного осмысления российского бытия в многообразии нюансов. Используемые рудименты символистского метода в искусстве активизировали возможности смыслового обогащения реализма, сохраняя в долгосрочной перспективе его социальную обусловленность, его философскую и психологическую насыщенность.

Таким образом, умело используя литературоведческий инструментарий, И.Захариева незримо связывает три потока русской литературы XX века: официальную, потаенную и эмигрантскую литературу – в единый общий художественный процесс.

Читателю обеих книг предстоит открыть для себя много нового и неожиданного в традиционном и обычном и насладиться соприкосновением с творческим миром русских писателей и поэтов XX века.

Доц. Татьяна Федь

300 ЛЕТ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЕ

26-28 октября 2008 года в Шанхайском университете иностранных языков состоялась Международная конференция на тему: «300 лет русскому языку в Китае». В качестве почетных гостей на конференции присутствовали члены Президиума МАПРЯЛ.

Изучение русского языка в Китае имеет долгую историю. В 1708 году, учитывая активизацию связей между Китаем и Россией, китайский император Канси из династии Цин повелел открыть в Императорской высшей школе (первоначальное название Пекинского университета) отделение по изучению русского языка для подготовки дипломатов-переводчиков. Император Канси высоко ценил связи с другими странами и считал, что знание иностранных языков дипломатами позволит им лучше исполнять свои обязанности и будет способствовать повышению международного авторитета страны. Русское отделение при Императорской высшей школе сыграло заметную роль в активизации дипломатических и торговых связей с Россией.

Изучение русского языка в Китае значительно расширилось в период установления республики в стране (1912-1949 гг.). Тогда на стажировку в СССР стали посылать первых китайских студентов. Особенно широкий размах изучение русского языка получило после образования Китайской Народной Республики в 1949 году. Русский язык стал изучаться в школах и вузах, шел обмен студентами и аспирантами (докторантами), в Китай приезжали известные российские лингвисты и методисты, которые читали лекции и делились опытом преподавания.

В настоящий период, несмотря на то, что в условиях глобализации английский язык, как основной язык мирового общения, занимает главное место в системе образования Китая, русский язык, по словам президента КАПРЯЛ Лю Лиминь, «имеет замечательные перспективы». Этому способствуют расширение экономических связей между Китаем и Россией, а также укрепление сотрудничества в области культуры, науки и техники между обеими странами.

О значительных успехах и перспективах изучения русского языка в Китае свидетельствует и сама конференция, которая прошла на высоком научном уровне. Было заслушано около 150 докладов, охватывающих весь спектр современной русистики.

Работа конференции проходила в трех секциях.

В секции № 1 было представлено и обсуждено 35 докладов, посвященных истории преподавания русского языка как иностранного.

В секции № 2 шло обсуждение литературной проблематики, а также актуальных вопросов художественного перевода. Было заслушано 25 докладов.

На следующий день (27 октября) обсуждались методические аспекты преподавания и изучения русского языка как иностранного, которым было посвящено 32 доклада. Особое внимание участники конференции уделили лингвокультурному и страноведческому аспекту преподавания русского языка.

В секции № 3 русисты обсуждали вопросы национальной языковой картины мира и проблемы межкультурной коммуникации. Этой проблематике было посвящено 54 доклада.

В рамках конференции прошла работа круглого стола на тему: «Русский язык в Китае: современное состояние, функционирование и перспективы».

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады известных русистов из Китая, России и Финляндии. Ван Сунтин говорил о перспективах преподавания русского языка в Китае, Ли Лэйжун остановился на вопросах обучения устному переводу. Доклад Арто Мустайоки был посвящен современному состоянию и перспективам корпусной русистики, а Евгений Юрков выступил с докладом на тему: «Словесные образы мира природы в русской и китайской национальных картинах мира».

Конференция показала, как активно и плодотворно работают китайские исследователи-русисты и сколь весомый вклад вносят они в развитие мировой русистики.

Доц. Илиана Владова
Председатель Общества русистов Болгарии

ПЕРВЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В СЕТИ: ПОРТАЛЫ И БИБЛИОТЕКИ...»

На отделении русской филологии факультета славянских филологий Софийского университета прошли первые студенческие виноградовские чтения. Конференция на тему «Русский язык в Сети: порталы и библиотеки...» состоялась 12 января 2009 года – в день рождения В.В.Виноградова – в Центре русского языка, носящем имя этого выдающегося российского ученого.

На конференции были представлены 8 докладов, подготовленных студентами четвертого курса отделения русской филологии.

Первое заседание открыла его председатель Гергана Костадинова. В своем вступительном слове она рассказала об идее проведения на отделении русской филологии виноградовских чтений и о перспективах этого студенческого форума.

Затем слово было предоставлено Марине Горановой и Дарье Енчевой, выступившим с докладом «Виктор Владимирович Виноградов». Они познакомили присутствующих с деятельностью академика В.В.Виноградова, в хронологической последовательности перечислили основные ее этапы, рассказали о важнейших трудах этого замечательного ученого.

Доклад Валерины Манчевой «Московский государственный университет – филологический факультет – русский язык» имел целью познакомить аудиторию с филологическим факультетом МГУ им. М.В.Ломоносова. Презентация началась с краткой исторической ретроспекции, затем автор доклада рассказал о современном состоянии обучения на факультете, о библиотеке, подробно об отделении русской филологии, о том, как в МГУ отмечают студенческие праздники.

Северина Йорданова выступила с докладом «Центр русского языка Софийского университета». В этом докладе содержалась информация о деятельности Центра с момента его создания до настоящего времени.

Последним докладом первого заседания была презентация, посвященная одному из крупнейших русскоязычных сайтов Рунета – порталу Грамота.ру (gramota.ru). Лиляна Ангелова и Теодора Крыстева познакомили присутствующих с теми широкими возможностями, которые Грамота.ру предоставляет своим пользователям.

После первого заседания последовала кофе-пауза.

Второе заседание в качестве его председателя открыла Дарья Енчева.

Презентация «Электронные библиотеки в Рунете» была подготовлена несколькими студентами. Сначала Яна Велинова говорила о феномене электронных библиотек, затем Ольга Цомая и Диляна Манева рассказали о нескольких интересных сайтах, которые могли бы быть полезными не только для школьников и студентов, но и для тех, кто просто любит литературу и много читает. Были также продемонстрированы пути поиска информации.

Следующий доклад был озаглавлен «Тесты в Рунете». Гергана Костадинова и Валентина Виткова представили несколько сайтов, дающих пользователям возможность проверить свой уровень владения русским языком. Демонстрация сопровождалась анализом плюсов и минусов (по мнению авторов презентации) данных ресурсов.

Большой интерес вызвал доклад Ивелины Николовой и Софии Василевой «Студенческий фольклор в Рунете». Свежие анекдоты из студенческой жизни и перлы из школьных сочинений были прокомментированы с филологической точки зрения.

Завершила второе заседание презентация Ивелина Дукова и Веселина Миланова «Русские песни в Рунете». Объектом внимания авторов доклада стали информационные сайты, а также сайты, посвященные русским бардам, вокально-инструментальным ансамблям 60-80-ых годов и русским поэтам в музыке. Презентация закончилась прослушиванием отрывка из песни на стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...».

После небольшой заключительной речи Дарьи Енчевой слово было предоставлено публике – студентам отделения русской филологии и преподавателям кафедры русского языка. Они поделились своими впечатлениями, поблагодарили докладчиков и выразили надежду на то, что проведение студенческих конференций 12 января, в день рождения В.В.Виноградова, действительно станет хорошей традицией. Ну что ж, начало положено.

Теодора Крыстева,
студентка 4 курса отделения
русской филологии Софийского университета